

Кира
Калинина

16+

Змеиный медальон

Ты же мечтал о странствиях?
Ну так мечты сбываются!

Кира Калинина

Змеиный медальон

«Автор»

2018

Калинина К.

Змеиный медальон / К. Калинина — «Автор», 2018

Чтобы успокоить сводную сестру, которой мерещатся чудовища, он мастерит деревянный медальон. Но обнаруживает, что страшные монстры не плод её воображения. А знак с парой змей, кусающих друг друга за хвост, открывает ворота в мир, где правит король, продавший душу слугам самой смерти - и этому королю зачем-то понадобился невольный пришелец с Той стороны...Хочешь домой, парень? Бери в руки меч. И магию не забудь. Разгадай тайну змеиноного медальона, спаси сестру, не потеряй друзей. А главное, помни: дом — там, где сердце.

© Калинина К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть 1. По ту сторону	5
Пролог. Сельский сюжет	5
Глава 1. "Они здесь"	11
Глава 2. Под пологом леса	19
Глава 3. Охота-неволя	30
Глава 4. Красная луна	40
Глава 5. Сердце земли	47
Глава 6. Пришла беда	58
Глава 7. Найдёныш	68
Глава 8. Скуловорот	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кира Калинина

Змеиный медальон

Часть 1. По ту сторону

Пролог. Сельский сюжет

Утро выдалось погожим, солнечным. Апрельское тепло подъедало с грядок последние ломти снега, жирно поблёскивал огородный чернозём, напитавшийся талыми водами и первыми дождями. По уставу, садоводческому товариществу "Сибирская Ривьера" полагалась охрана, но сторожка давно пустовала. Никто из дачников, заглянувших накануне провести свои владения, не остался на ночлег, и у небывалого события, которое приключилось в посёлке в этот ранний час, не оказалось свидетелей.

В ясном воздухе из ниоткуда возник пылевой вихрь, заревел, закружился и, вдруг разом потеряв силу, опал наземь белёсой кляксой. В центре кляксы обнаружился человек. Он переминался с ноги на ногу, отряхивая с себя бледно-серый налёт, и одежда под его пальцами на глазах менялась: плащ сизого бархата превратился в светлый тренкот, долгополый сюртук и панталоны – в элегантный костюм-двойку.

Человек выбрался на дорожку между дачными домиками, с неё – на шоссе, потопал ногами, оббивая грязь с щегольских остроносых штиблет, пригладил мягкие каштановые кудряшки на голове и двинулся в направлении к городу.

До калитки было шагов десять, но двухметровый Лёша одолел их в три прыжка, точно попадая кроссовками в утопанные островки среди подсохшей грязи. Штатив на плече, в руке сумка с камерой, всё тяжёлое, а ему хоть бы хны. Марина, прижимая к груди блокнот и микрофон с кое-как смотанным проводом, козочкой скакала следом – с носка на носок, чтобы двенадцатисантиметровые шпильки не увязли в мягкой, прожорливой, как трясина, почве. Надо было ботильоны на танкетке надеть. Знала же, куда ехала!

В райцентр они не заворачивали, но Марина была там в прошлом году по случаю реконструкции школы: кругом асфальт, площадь с памятником, поставленным к юбилею Победы, дом детского творчества, даже фонтан есть. Двадцать пять километров к северу – и вот она деревушка Сорная, тонет в грязи, тоске и запустении, как при царе Горохе.

Улица продувалась насквозь. Марину, в ветровке и шарфике, вмиг пробрал озноб. А хозяйка дома Любовь Петровна выскочила за ворота в ажурной кофточке и пёстрой шёлковой юбке. Волосы начернены до синевы и завиты в баранью кудель, печёные яблоки щёк тронуты румянами, на ногах обрезанные до щиколоток резиновые сапоги в цветочек. Опорки – всплыло в голове слово из чужой, давней жизни.

– Проходите, гости дорогие, не стесняйтесь, – в возбуждении кудахтала Любовь Петровна.

Бедная женщина. Грузный бюст ходил вверх-вниз при каждом движении, на плече из-под дырчатого трикотажа выглядывала бретель лифчика – широкая, толстая, на поролоне. И помада у неё дрянная – как замазка, катышков вон сколько. Надо сказать Лёше, чтобы не брал крупный план.

Из-за забора низко, грозно залаяла собака.

– Не бойтесь, входите, она на цепи.

Вглубь двора через хлябь вёл деревянный настил. Лёша перемахнул лужу у калитки, и доски под его размашистой поступью заходили ходуном, норовя сбросить Марину в сочную, обильную деревенскую грязь. В щелях хлюпало. Жирный чернозёмный плевок угодил на носок левого сапога. Марина дёрнула ногой, оступилась, и тут на весь двор грянуло вразнобой, но многоголосо и звонко:

– Здрав-ствуй-те!

Лёша как раз сошёл с настила на сухой пяточок возле крыльца, и Марина увидела их: целую толпу детей с одинаковыми бритыми головами, в муругой одежке с чужого плеча, будто в арестантских робах.

Потом-то она разглядела, что их всего девять, возраста и роста они разного, у мальчишек на макушках ёжик, у девочек хвостики. Но в памяти так и осталась эта первая картина, как призрачное видение: в ореоле утреннего солнца – безликие силуэты с тонкими цыплячьими шейками...

На крыльце появился усатый хозяин, Вадим Михайлович, и позвал гостей в дом.

– Разувайтесь, проходите, – суетилась Любовь Петровна. – Сапожки оботрите и вот сюда, в сторонку... Да что ж вы босиком? Тапки, тапки наденьте!

Вслед за гостями в жаркое нутро дома с шумом и гвалтом повалили дети – все в одинаковых линялых джинсах, в футболках, рубашках, джемперах, поношенных, но вполне приличных.

Ребята напоминали уличных воробушков – угловатые, с рано огрубевшими лицами. Это от свежего воздуха, от солнца, они же всё время на дворе, убеждала себя Марина, записывая в блокнот имена: Коле двенадцать лет, Рае пятнадцать, Лике четырнадцать... Самые младшие, близнецы Варя и Ваня, ходили во второй класс.

– Мы вообще-то только девочку хотели взять. Думали, всё, последняя, хватит. Но не разлучать же сестру с братом, – похвалялась своей добротой Любовь Петровна. – Теперь ещё одну девочку надо, для ровного счёта. Чтобы пять на пять.

Она хохотнула, не зная, чем ещё заполнить неловкую паузу.

С младшими без проблем записали несколько синхронизированных кадров. Натаскала их мама Люба. Дети сияли от восторга, когда Лёша прикалывал им микрофон-петлю, но Марина представила на месте Вани своего Антошу, беленького, нежного, пугливого, и в горле встал ком.

Из старших она первым делом обратилась к Боре, атлету с волосами цвета лисьего меха:

– Ты, я вижу, спортсмен? Качаешься?

Он помедлил с ответом и так прошёлся по Марине взглядом сверху вниз, что у неё щёки вспыхнули. И ведь мальчишка, пятнадцать лет! Не дай бог с таким вечером в подворотне столкнуться.

– Качаюсь, – не спеша, с растяжкой подтвердил он. – У нас в сарае гири есть. Хотите покажу?

– Попозже, – выдавила Марина.

В доме и правда были спортивные снаряды: гантели, обручи, футбольные и баскетбольные мячи. Вадим Михайлович работал в школе учителем физкультуры – в ту пору, когда в Сорной ещё была школа и детей не приходилось возить на раздолбанном пазики в соседнее Новозапаповское. А Любовь Петровна заведовала библиотекой – когда в деревне была библиотека. Марина вздохнула: сельская интеллигенция...

На резных полочках стояли видеокассеты, диски с фильмами. Из ниши под толстозадным телевизором щерился в два рта комбинированный видеоплеер.

– Мы детишек только на наших, отечественных, мультиках воспитываем. Никакой американщины! И на книжках хороших, – мама Люба ткнула пальцем в томики Куприна и Бунина.

– Ага, – поддакнула из-за её плеча девочка Рая, явно надеясь попасть в кадр. Голос грубый, фигура, будто топором тесали, а уж манеры... И такая – с книжкой? Любовь Петровна уточнила:

– Кеша читать любит. Лика – так вообще запоем, за уши не оттащишь.

Худенькая русоволосая Лика тихо сидела у окна и водила пальцем по широкой доске подоконника.

А ведь она красавица, поразила Марина. Единственное по-настоящему красивое лицо в этом таборе.

– Лика – это уменьшительное от Анжелика?

Девочка покачала головой.

– Тогда Лидия?

– Яснолика, если полностью, – рядом нарисовался парень по имени Кеша. – Но мы её Ликой зовём. И в школе она так записана.

Из всех мальчиков только у него волосы не торчали, как травка на английском газоне – чёлка длинная, с извивом, вроде казацкого чуба.

Марина наклонилась к девочке:

– Интересное у тебя имя – Яснолика. Редкое.

– Так оно в записке было – имя-то, – подсказала маленькая Варя. – Её в дом малютки подкинули. А в пелёнках – записка: "Яснолика, одиннадцать месяцев". Только мама Люба говорит, такого имени нет.

Тут Марина встретила взглядом с Борей. Он сидел на диване в другом конце комнаты, закинув мускулистые ручки на спинку, развалив в стороны колени, и смотрел с наглой, разбойничьей ухмылкой. Марина повернулась к нему спиной.

– Лика, а что ты любишь читать?

– Да она всё глотает, – опять встрял Кеша. – Хоть Карамзина, хоть Донцову.

Марину поразило, что сельский паренёк знает Карамзина. Потом стало стыдно. Если из деревни, значит невежа сиволапый? Не ожидала от себя такого снобизма. Но этого умника всё равно надо окоротить.

Она развернулась к мальчику. И увидела наконец его глаза – необычные, цвета молодой бирюзы, в опушке светлых ресниц. Голосом строгой учительницы отчеканила:

– Может быть, ты позволишь ей самой говорить за себя!

Парень отвёл взгляд. Буркнул:

– Как хотите. Пойду за ручкой и бумагой.

Марина улыбнулась девочке.

– Скажи мне, Лика...

– Да она же немая! – хором закричали Варя и Ваня.

Все они, оказывается, тёрлись рядышком – любопытные, как галчата.

– Это правда? – Марина чувствовала себя идиоткой. – Ты... не говоришь?

Лика кивнула.

Марина поискала глазами маму Любу.

– Но как же она учится? Ей нужно в специальную школу.

– А в какую? В городе есть интернат для детей с нарушениями речи, там в основном заики. Ну, и такие детки... – Любовь Петровна понизила голос, – с отклонениями в развитии, вы понимаете? А у нашей Лики голова ясная. И к глухонемым ей нельзя. Со слухом-то у неё всё в порядке. Ничего! Учится в обычной школе, и получше других, все задания письменно отвечает. Если что, Кешка вон поможет. Да и домашняя обстановка на пользу...

Мальчик Кеша – лёгок на помине – положил на подоконник блокнот и ручку.

– Но ей бы язык жестов освоить, – настаивала Марина.

– Так она освоила! Её два года назад в лагерь посылали на всё лето. По муниципальной программе... Вернулась, говорит, больше не поеду. Страшно там: никто нормально, по-человечески не разговаривает.

Девочка протянула Марине блокнот: "Мне не с кем говорить на языке жестов. Проще написать. Или нарисовать".

Принесли альбом с рисунками: на них были яркие цветы, улыбчивые кошки и принцессы в бальных платьях.

– Красиво, – сказала Марина. – У тебя талант. А здесь почему страница вырвана?

– Это школа на конкурс посылала, – вклинилась мама Люба. – Скажите, а передача когда выйдет?

– Сегодня вечером в новостях будет сюжет на полторы минуты. А в воскресенье в "Сельском дневнике" всё полностью покажут, – Марина снова обратилась к девочке: – Ну и как, ты выиграла? Место какое-нибудь заняла?

Лица тихо вздохнула, покачала головой.

Из неё выйдет идеальная жена для богатенького крутыша, осенило Марину. Красивая, работающая, покорная. И немая. Лучше не бывает.

Лёша уже набрал видеоряд. Младшие ребята ходили за ним, как привязанные, охотно позируя в обнимку с бурёнками и хрюшками на фоне дворовой слякоти, а после – дома, в гостиной, среди аляповатых ковров, и в спальнях, где над двухъярусными кроватями качались на бечёвке птицы из щепы с хвостами веером. Кеша изредка покрикивал на малышню. На пару минут дети оставляли Лёшу в покое, потом снова тянулись к камере, как голодный к булке хлеба.

Им не хватало впечатлений в деревеньке на три десятка дворов, населённой горькими пьяницами...

По дороге к дому Куроловых съёмочная группа встретила двоих мужиков, а чуть погодя толстую бабу в грязной розовой куртке поверх спортивного костюма. Мужики едва держались на ногах, краснорожая баба что-то задиристо кричала им вслед.

А ещё были старухи. Они стояли у бурых покосившихся заборов – такие же бурые, унылые, неподвижные. Как древние идола забытых богов...

На ручке оконной рамы среди листьев амариллиса болталась деревянная подвеска в ладонь шириной. Марина и не заметила бы её, если бы Лица не качнула пальцем резной диск. Солнце sprysнуло глянец красноватые лаковые изгибы.

– Можно?

Марина взяла вещь в руки. В первый миг круговой узор показался чистой абстракцией. Нет, постой... никак это змеи? Две рептилии, сплетаясь и расплетаясь, очерчивали телами внешнюю окружность, двойной спиралью обвивали вертикальную перекладину заключённого в ней Т-образного креста. Их хвосты, перехлестнувшись в верхней точке, ныряли вниз, образуя малый, внутренний круг, который венчал собой перекрестье. Драконьи головы задирались кверху, разинутые пасти заглатывали кончики хвостов друг друга.

– Это наш Кеша вырезал, – объявила Любовь Петровна, потрепав юношу по загривку. – Он у нас мастер – золотые руки. Всю мебель в детских сам сделал. Вон полочки на стене, видите? И для кухни мне...

Парень стоял, набычившись, поджав губы.

Вот и твоя очередь подошла, умник, усмехнулась Марина.

– Ты, значит, занимаешься резьбой по дереву?

– Плотничаю помаленьку, – пробурчал Кеша, не поднимая головы. Будто двоечник у доски.

– Это он скромничает. Его наш дядя Юра разным премудростям обучил. Большой умелец был. Не простой краснодеревщик – художник! Жаль, только старенький совсем. Прошлым летом помер. Девяноста двух годков от роду.

Кто-то тронул Марину за локоть.

Безмолвная девочка-подкидыш аккуратно взяла из её рук узорчатый медальон и повесила на прежнее место, прикрыв листьями амариллиса.

Марина спросила мальчика:

– Так сколько тебе лет?

– Восемнадцать через неделю.

Надо же! А выглядит сопляком.

– Школу в этом году оканчиваешь?

Кивок.

– И чем потом думаешь заниматься?

Резкое движение плечом.

– В армию пойду. А там видно будет.

– Мы уже за повесткой в райцентр съездили. Он сам захотел, – похвасталась мама Люба. Вот это уже интересно.

– Давай-ка, Кеша мы с тобой поболтаем, – Марина улыбнулась. – Итак, ты идёшь в армию. Не боишься?

– А чё бояться?

Он глядел в пол, глаз не рассмотреть – чёлка мешает.

– Но ведь тяжело там, дедовщина. Не боишься?

– Не, пока не боюсь.

– Пока, – хмыкнул Лёша.

Пора было закругляться, и Марина заговорила деловитым, не терпящим возражений тоном:

– Давай сделаем так. Ты скажешь про армию, про повестку. Я спрошу: "Не страшно?" Ты ответишь: "Нет. Мы трудностей не боимся". И улыбнёшься. И посмотришь в камеру. Понятно?

– Понятно.

– Чёлку подбери.

На удивление, парень справился со своей ролью с первого раза. Счастливым не выглядел, но держался уверенно, говорил чётко, взгляда не прятал. Марина сразу к нему подобрела.

– А после армии сюда вернёшься или в городе попробуешь устроиться? Хорошему мастеру всегда работа найдётся. Или, может, учиться собираешься?

Кеша замешкался с ответом, и бдительная мама Люба тут же вмешалась:

– Сюда он вернётся, домой. Правда, Кешенька? Что там в городе делать? Суета, народу много, экология плохая, продукты в магазинах непонятно из какой дряни сделаны, а у нас всё своё, натуральное...

– Ну да, вернусь, – подтвердил Кеша, но Марина видела, как сжался в линию его рот, как напряглись скулы. А чёлка сама собой вновь упала на глаза.

Единственная родная дочь Куроловых училась на дизайнера в проклинаемом мамой Любой городе. Даже на съёмку не приехала. Марине показали её фотографию – мордатая крашенная девка, похожая на продавщицу из сельмага. Какой из неё дизайнер?

Напоследок сняли, как большое семейство обедает – с пирогами, блинами, салатами, жареной свининой и прочими разносолами. Марина с Лёшей выпили по чашке чая, но от угощения, тем более от спиртного наотрез отказались.

– Вы к нам летом приезжайте, – уговаривала мама Люба, провожая гостей до машины. – Ягоды будут, ягод у нас много... И овощи поспеют. Приезжайте!

– Обязательно, – дежурно улыбнулась Марина.

Лишь когда микроавтобус, переваливаясь в ухабистой колее, двинулся к полоске асфальта, светлеющей далеко впереди, она дала себе волю:

– У меня от этой тётки мороз по коже. Упыриха какая-то!

Лёша хмыкнул:

– Телеса свои выставила. Прямо королева красоты.

– Да ничего баба, – подал голос водитель. – Есть за что подержаться.

– Ты её близко не видел, – возразил Лёша.

Мужики, с тоской подумала Марина.

– Ну почему, – сказала она громко, – у меня чувство, что всё это очень неправильно? Ведь они доброе дело делают, о детях заботятся...

– Ага – заботятся, – фыркнул водитель. – На каждого пособие положено – раз. Дармовая рабсила – два. Хозяйство-то небось нехилое? Живность всякая.

– Три коровы, – откликнулся Лёша, – свиней десяток, гуси, кур стадо целое. Участок – не шесть соток.

– Там девочка есть – немая, – сказала Марина. – Красавица. Рисует неплохо. Парнишка – резчик по дереву. И малыши... Что с ними будет?

По обочине дороги брёл, качаясь, мужичонка – весь грязно-серый, жёваный, пугало в огороде и то краше. Завидев машину, он сделал шаг в сторону, взмахнул руками и шлёпнулся в лужу. Марина ойкнула. Надо было остановиться, помочь.

– Да что ему, алкашу, делается, – зло сказал водитель, подбавляя газу.

Марина оглянулась. Упавший сидел в грязи и грозил микроавтобусу кулаком.

Глава 1. "Они здесь"

Синий форд тронулся плавно, неслышно. Грязь липкой лентой наматывалась на колёса, но лакового бока не пачкала. Брызги мелкие, может, и летели – из окна не разглядеть.

Всё, укатил.

Кешка зажмурился и увидел внутри себя: микроавтобус выбрался на асфальт, оставляя позади двойной чёрный след – поверх других таких же, только подсохших, посеревших. Огибая выбоины, поковылял к трассе. А там, будто застоявшийся конь, взял в галоп и помчался, легко обходя фуры, дребезжащие жигули и боязливые малолитражки.

Час, полтора – как на крыльях.

Впереди рос каменно-бетонный кряж города – многоквартирные утёсы, сверкающие пики офисных высоток, улицы-седловины, облепленные зудящим человеческим роем. Чуть на отшибе, диссонансом, Эйфелева башня телецентра. Для людей в микроавтобусе – конец пути. Дом. Но в Кешкином воображении форд пропорол город насквозь, будто нож парусину, вырвался из столпотворения машин на тракт и синей птицей полетел навстречу горизонту. Ветер со свистом обтекал его кузов.

Не сбавляя прыти, форд перевалил Урал. Не по туннелю, в свете тусклых фонарей, под толщей горных пород, а поверху, через старые, крошащиеся скалы. Вперёд! За окном исчезали захудалые деревушки и коттеджные посёлки, сонные городки и сияющие огнями миллионники. Призрачная дорога стрелой шла на запад. Пронеслась Москва лабиринтом улиц и проспектов. Мелькнули полосатые столбы – граница. Форд ехал через европейские столицы с их дворцами, памятниками, музеями, парками, кафе, магазинами, толпами народа – порой замедляя ход, но нигде не останавливаясь.

А дорога летела к кромке континента и, долетев, продолжилась на мосту, который вырос из ниоткуда на Кешкиных глазах, блестя стальными опорами. Мост нёс Кешку над океаном...

Толчок – и он стукнулся лбом о стекло.

– Ты чё, заснул?

Оборачиваться не хотелось, а хотелось – остро, до ломоты в скулах – вернуться в сон наяву и мчаться, мчаться к ускользящему горизонту по шоссе без конца.

С Кешкой иногда такое бывало: заглядится на источенную колеями дорогу, и увидит себя, с котомкой за спиной и с посохом в руке, уходящим вдаль. Вроде странника из старых книжек. И следит сам за собой, легконогим, неутомимым – и развилки разбегаются перед ним, и каждая сулит жизнь, полную чудес. Сердце замирает от предвкушения. Но идти вперёд, просто идти, так здорово, а поворотов впереди так много... Может человек хоть помечтать! Но Райка не отстанет. И цыкать на неё без толку. Только в лоб дать.

– Чё зыришь? – Райка упёрла руки в боки, выпятила живот. – Втряхался по уши в эту городскую. Пёхом готов за ней чапать!

– Что? – не понял Кешка. Нет, понял: пешком, в город... Да хоть сейчас!

– В корреспондентшу втюрился, говорю. Совсем крышу снесло.

– Дура ты, – сказал Кешка. – Ей же тридцатник, не меньше.

– А что, – ухмыльнулся дядя Вадим. – Для молодого пацана опытная баба – самый то.

Кешку взяла злость:

– Да она уже забыла, как нас зовут! Мы для неё зоопарк. Обезьяны ручные. Живём в дерьме... – Кешка зажал двумя пальцами нос, отставил мизинец и пропищал: – Ой, тут свиньи у вас! Ой, тут навоза нет, я не наступлю?

Он изогнулся, балансируя на одной ноге и заглядывая в воображаемую дверь.

Все засмеялись.

Дядя Вадим хлопнул в ладоши.

– Кончай базар! Что было, то прошло. Главное, на всю область нас покажут.

– Чумачиху от зависти кондрат хватит! – хохотнула тётя Люба.

– Вот я и говорю. Надо это дело sprysнуть. Не пропадать же такой закуси? Колька, тащи водку!

– Я сбегая, дядя Вадим! – вызвался Борька.

Даже Райка удивилась: когда это Лис перед Козлом угодничал? После прошлогодней драки приёмному отцу слова доброго не сказал, всё собачился. А тут на тебе! Но дура Райка объяснение нашла быстро:

– Трубы, видать, горят.

Кличку Лис Борька взял себе сам. Она ему не шла, несмотря на масть – не было в нём лисьей вёрткости, умения ходить окольными путями, таиться и ждать. Одна злоба. И вот на тебе. Обернулся вмиг. Даже бутылку откупорил, прежде чем поставить на стол перед дядей Вадимом.

Налили всем, кроме самых младших. Лика поартачилась, как всегда, но выпила. От водки она болела. А завтра ни свет ни заря на дойку вставать...

Дядя Вадим отхватил зубами кус пирога, прошамкал:

– Я вот думаю, может, нам кролей завести. А, мать, что скажешь?

– Кролей? Да куда их девать? – с водки голос у тётя Любы стал совсем пронзительным, и она уже не говорила, а верещала. – И так картошку садить негде!

– У Сычихи места вагон. Щас лето будет, тепло, клетки у ней поставим, а к зиме чего-нибудь изладим. Там и трава рядом...

– Да связываться с этой Сычихой! Я ей говорю, куда тебе, старой, травы столько? А она комьями кидаться! И с яблони нашей кору поободрала... Она, она это, точно тебе говорю. Такая яблоня была... Вот бог ведьму старую и наказал!

Соседка Куроловых второй месяц лежала пластом, болела. Ходила за ней Зойка, сноха. Каждый день отиралась в огороде, по-хозяйски поглядывала кругом, а то вдруг пропадала на неделю – видно, в запой срывалась, и тогда тётя Люба посылала к Сычихе кого-нибудь из девочек, вздыхая: "Подлюка, а всё ж душа живая". Теперь стало ясно, что было у неё на уме:

– Слышь, отец, ты бы сходил побалакал с Сенькой наперёд. Чтобы дом материн нам уступил. Пока никто не подсутился.

– Да на кой тебе её дом? Своего, что ли, мало?

– Как – на кой? – тётя Люба отёрла с губ остатки помады. – Кешка из армии придёт, не успеешь оглянуться – женить надо. Вот их с Райкой пока и поселим. А там Борька с Личкой в года войдут...

Кешка решил, что ослышался. Райка губу отвесила. Борька прищурился. Мелюзга уши наострила. У дяди Вадима солёный огурчик изо рта вывалился.

– Борьку с Личкой? Ты чё, мать?

– А чего, мы их зря ростили, что ли! Кормили, поили, одевали, учили... Щас они за порог, а мы на старости лет ноги протянем? Нет уж! Пускай при нас будут. Всё равно по крови они друг другу не родня. И мы у них, по бумагам, даже не приёмные родители, а па-тро-натны-е. Дошло? Думаешь, я зря подбирала, чтобы девочка-мальчик, девочка-мальчик... Ваньке только пару нужно, а так полный комплект. Переженим всех, детишки у них пойдут, как бы внуки наши, и все с твоей, Вадька, фамилией. Полдеревни Куроловыми заселим, а!

Дядя Вадим слушал, изумлялся и светлел лицом. Перспектива сделаться патриархом целого клана разожгла под его кустистыми бровями вдохновенный огонь.

– А чего полдеревни! – гаркнул он. – Всю заселим! Старичьё наше перемерёт, кто останется? Куроловы! Деревни как раньше называли? По основателю! Вот и нашу Сорную... А что? Подадим заявку, и будет у нас муниципальное образование Куролово!

Вот-вот, курам на смех, подумал Кешка.

Ах, как хотелось ему произнести эти слова вслух... Даже про себя он старался приёмных родителей Козлом и Козой не называть. Тётя Люба права: слишком многим он им обязан. Но сейчас эти двое несли такой бред, что окатить бы их ледяной водой, отхлестать по щекам! Чтобы опомнились. Даже если это всего лишь дурная шутка... Они что, не видят, как испуганы, взбодоражены дети? Только Райка-дура гыгыкала и через стол строила Кешке глазки. Лика сидела, понурившись, водила пальцем по столу. Борька нехорошо ухмылялся.

– За Куролововых! – грянул дядя Вадим.

Кешка поймал Райкин взгляд. Жениться на ней? Лучше сдохнуть!

Хорошо, что скоро в армию. Уеду потом, куда глаза глядят.

– Тётя Люба! – громко, как ворона, вскакнула вдруг Райка. – Личка опять на столе рисует. Прямо сметаной!

И точно – по обеим сторонам Ликиной тарелки белели круги и загогулины.

– А ну прекрати! – во всю глотку взывала тётя Люба – будто полицейскую сирену включили. – Сколько раз тебе говорить, брось свои художества! Райка, по рукам её!

И Дура, сжав от усердия губы, со злым торжеством в зрачках, принялась колотить вилкой по тонким запястьям и кистям Лики, пока та не спрятала их под стол и не зажала между колен. Колотила, слава богу, плашмя, но с силой, которой в дурных Райкиных руках было много, Кешка по себе знал. Лика, как всегда, без единого звука, сжалась в комок.

– Иди за тряпкой, – прикрикнула на неё Коза. – Стирай свою мазню!

Лика покорно двинулась к дверям. Вдруг взмахнула руками, закачалась, как осинка на ветру. Борька, сидевший на углу, подхватил девочку под локти и вывел из комнаты.

– Вот ведь наказание господне, – всхлипывая, причитала Коза. – Учю её, учю, а она, дрянная малолетняя, всё за своё...

Из её правого глаза скатилась одинокая слеза, прочертив по щеке чёрную дорожку.

– Ты, мать, не грусти. Давай я тебе водочки плесну. Водочка, она при таком деле лучшее утешение... Глянь-ка, – Козёл поднёс бутылку к глазам, – одну уговорили. Колька, сгоняй за новой!

Мальчик пулей вылетел вон, но вернулся не сразу – и с пустыми руками.

– Нету, дядя Вадим!

– Как – нету? Ты где смотрел?

– Везде! И в холодильнике, и в буфете, и в подпол лазил... Нету!

Круглое, щекастое лицо дяди Вадима налилось кровью, брови и усы заходили, как тучи перед грозой.

– Борька-а! – заревел он так, что подвески на люстре жалобно звякнули.

Лис появился в дверях, упёрся руками в раму.

– Опять, паршивец, водку тыришь?

У Борьки вздулись ноздри, заходили желваки. В конце прошлой осени он решил, что достаточно силен, чтобы бросить вызов приёмному отцу. Это заблуждение стоило ему двух зубов и вывихнутого плеча – синяки и ссадины не в счёт.

Но урок, видно, впрок не пошёл. Лис оцетинился, как молодой волкодав, готовый вцепиться в глотку матёрому зверю – или умереть.

Козёл поднялся, не спеша отодвинул стул, хрустнул суставами.

А Борька вдруг расслабился. Лицом помягчел, даже улыбку вымучил – и недоумение.

– Ничего я не тырю, дядя Вадим! На кой она мне? – Тут его вроде как осенило: – А-а, мелкий не нашёл, что ли? Так он и не знает... Я шас мигом принесу!

– Всё я знаю, – обиженно забурчал себе под нос Колька. – Когда оно там есть. А там не было... Стырил, небось, и заначил где-нибудь в доме. А я виноват...

Дядя Вадим, только Лис скрылся в дверях, двинулся следом неожиданно мягкой, рысёй походкой. Через полминуты из-за стены донеслись вопли, брань, топот, звуки ударов...

В комнату мышкой юркнула Лика с тряпкой в руках. Вид у неё был подавленный, в глазах стояло отчаяние, губы беззвучно двигались.

Кешка знал, что Лика хочет сказать: "Они здесь. Они опять здесь".

Спал он плохо. Ему снилась дорога – через города и страны, напрямик к Атлантике – и мост, смело шагающий по воде стальными ногами. Синий форд вылетел на мост на полной скорости, асфальт сам собой нарастал под колёсами...

Но вдруг оборвался.

Микроавтобус с маху ухнул вниз – и Кешка вместе с ним. Был удар – и холод, чёрная толща сомкнулась над головой, и что-то невидимое, но жуткое поднималось из пучины...

Проснувшись в третий раз от одного и того же кошмара, Кешка решил: хватит.

За окном светало, в доме стояла тишина. Порой ему не хватало такой тишины – когда кажется, будто ты один в целом мире и никому ничего не должен, и можно целую вечность сидеть не шевелясь, глядя в никуда, как сидят порой кошки на заборе. От уютного посапывания младших пацанов это чувство только укрепилось: так дышит мироздание в беспамятстве сна.

Внутренним зрением Кешка ясно видел девчонок в их комнате, дядю Вадима и тётю Любу, похрапывавших на два голоса: он – басовито, руладами, она – протяжно, с присвистом. Спали в стойке коровы, спали свиньи и куры на насестах, спала в будке овчарка Веста. Спали вороны в своих невидимых гнёздах высоко среди голых ветвей. Один Кешка мог двигаться и мыслить, и это было здорово – ощущать себя властелином сонного царства, застывшего вне времени, как муха в янтаре, на века, на тысячи лет...

Взгляд упал на пустую Борькину постель, и иллюзия рассыпалась.

Лис вырвался от дяди Вадима, удрал и наверняка отсиживался у приятелей в соседней Гадиловке. Обычное дело. Не сегодня-завтра объявится. Но мысль о том, что Борька сейчас тоже не спит, исходит злобой, придумывая, как поквитаться с Козлом, выгнала из Кешки глупые мечты.

Он натянул штаны, босиком прошлёпал в сенцы. Засов был убран. Наверно, Лика. Худо ей сейчас, а корову доить надо. Даже у Кешки голова погуживала, хотя выпить вчера успели всего ничего. Во рту было сухо и мерзко. Он зачерпнул воды из ведра. До доньшка осталось чуть. Надо на колонку идти. Ладно, успеется... Кешка сунул ноги в грубые расхристанные ботинки без шнурков, накинул на плечи куртку и вышел в сумрак нарождающегося утра. Хотел пустить струю прямо с крыльца, но раздумал, пошкандыбал к уборной. В обход сарая и пристроенного к нему штaketника.

На привычно открытую дверь стойки он внимания не обратил. Это чтобы коровы свободно выходили пожевать сена, набросанного в оградке желтовато-серыми ворохами. А калитка отчего настезь? Разбредётся животное, Коза с Лики шкуру до костей спустит.

Да есть ли кто внутри?

Не слышно было ни характерного пшика, с которым молоко брызгает из сосков, ни звона, с которым струя ударяет о стенку цинкового ведра. А вот запах... запах свежего молока, пожалуй, был. И шум – возня какая-то.

Подавала голос корова, в полутьме виднелся чёрный изгиб спины. На земляном полу, едва прикрытом остатками прошлогодней соломы, стояла белая лужа. Кешка переступил порог, стараясь не попасть ногами в молочные потёки, едва не споткнулся об опрокинутое ведро. Глаза попривыкли к полумраку, и в слабом свете, затекающем с улицы, он разглядел Борьку и скорее угадал, чем увидел Лику в его лапищах. Она беззвучно трепыхалась, как птичка в зубах хорька, а Борька, притиснув девочку к стене, шарил у неё под юбочкой.

– Ты что делаешь? – выдохнул Кешка потрясённо, почти беззвучно, и сразу же крикнул снова, изо всех сил: – Ты что делаешь, гад?

Он наклонился за ведром, чтобы огреть Борьку по голове, но не пришлось. Лис выпустил жертву, повернулся на голос.

– Чё не спишь? – спросил почти дружелюбно.

Лица тенью по стеночке скользнула за спину Кешке.

– Иди домой, – велел он, не оборачиваясь. – Не бойся, он тебя больше не тронет.

Борька хмыкнул:

– А кто мне помешает?

– Ты что, обкурился? – выдохнул Кешка. – Она же сестра тебе!

Он, конечно, видел, как Борька обжимается с Райкой, но та, дура, сама к нему липла. Да и не всерьёз у них, вроде, было...

– Ага, сёстры-братья! То-то Козёл нас переженить решил. Личка моя невеста. Так что мне можно. Усёк?

– Да она малолетка ещё!

– А, по-моему, в самый раз. Что, пойдёшь Козлу стучать? Думаешь, он против будет?

Он тебя после вчерашнего на шашлык порубит, подумал Кешка. Стоило бы.

Но этот вариант, увы, исключался. И Кешка сказал то, что должен был:

– Сам тебе ноги повыдергаю.

– Ну давай, дёргай, – Борька слегка придвинулся, и у Кешки свело живот.

Лис был почти на три года моложе, но в драках бил Кешку – с самого начала, с тех пор, как появился у Куроловых тощим, беззубым шкетом. Почти всегда. Не потому что сильнее, а потому что от злости терял над собой контроль и не думал о последствиях. В одиннадцать лет вышиб глаз Димке Сырникову. Дядя Вадим тогда выдрал Борьку так, что живого места не осталось, и запер на неделю в погребе, а тётя Люба бегала к Димкиным матери и деду – договариваться. Это оказалось нетрудно – душа у обоих давно плавала на дне стакана. А окривевший Димка стал самой преданной из Борькиных шавок.

Кешка знал, с Лисом ему не сдюжить. Оставалась одна надежда: держаться уверенно, не выказывать страха, не отводить глаз – как при встрече с уличным псом. Только если пёс бешеный, он всё равно нападёт, да и тянуть слишком долго нельзя...

– Мараться неохота, – процедил Кешка. От калитки штакетника до крыльца было одиннадцать шагов. Кешка прошёл их, как под дулом пистолета. Поставив ногу на ступеньку, обернулся:

– Тронешь её ещё раз – башку оторву.

Борька редко позволял себе смеяться. Очень уж смех его, по-бабьи высокий, залиvistый, не вязался с замашками вожака стаи. Сейчас перед Кешкой он хохотал без стеснения, не спеша пустить в ход кулаки. Он знал, что возьмёт верх, и впервые ему было этого довольно.

Поумнел он после прошлогодней стычки с Козлом, вот что. Раньше заводился с пол-оборота, а теперь научился сдерживаться и выжидать... Настоящим Лисом стал. Ясно было, что "ещё раз" обязательно наступит. И что тогда делать?

По дому гулял ветер: Райка с Ликой мыли окна. Орал телевизор. Тётя Люба включала его на весь день, и если в эфире не было сериала про любовь, просила поставить ей киношку или мультик. Любила она старые мультики. Сейчас из динамиков неслось: "Мы в город Изумрудный идём дорогой трудной..."

Лица двигалась, как неживая – лицо бледнящее, под глазами тени, а в зрачках такое, что Кешка вздрогнул. Неужто этот гад успел?..

Подойти спросить он не решился.

– Личка, ты чё, больная? – гаркнула Райка. – Тётъ Люб, гляньте, она тут опять свою фигну намалевала!

– Ах ты, паршивка! – в руках у Козы было уже не полотенце – деревянная мешалка для белья. – Психованная! В дурдом тебя сдам...

Ли́ка заби́лась в угол, прикрывая лицо и голову узкими ладошками.

– Тётя Люба! – громко позвал Кешка. – Мне дров принести, или этих хватит?

Слава богу, успел. Козу, если в раж войдёт, унять мог только дядя Вадим, а он с пацанами уехал в район за углём.

– Какие дрова? – взвизгнула тётя Люба. – Ты мне дураком не прикидывайся! Господи, да что же это такое? За что мне это наказание?..

Кешка перевёл дух: если слезу пустила, значит, драться больше не ползет. Он мотнул Лике головой: уходи. Она не шелохнулась.

Тётя Люба сказала журналистке, что голова у Ли́ки ясная. Училась она и правда лучше всех. Но иногда на неё находило... Кешка ей амулет вырезал. Думал, будет держать при себе, успокоится. А ей одного мало. Надо на каждое окно, на каждую дверь. Он бы сделал, да когда? Жалко девчонку. Она ведь нормальная, если никто под шкуру не лезет. "Ты в следующий раз, как они появятся, не суетись, просто мне скажи", – просил он. Ну, она и сказала вчера. А что толку? Он мог попытаться защитить её от Лиса. Но прогнать монстров, живущих в глубине её разума, был не в силах.

Тётя Люба уселась за стол, шмыгая носом. Глянула на Ли́ку вполоборота, махнула рукой:

– Уйди с глаз моих.

И Ли́ка пошла, но не к двери – к окошку. Райка дура дурой, а тут сообразила. Рванула с ручки на раме змеиный медальон.

– Ты за этим?

Приплясывая, она подняла над головой резной диск, легко увернулась от Ли́киных рук и швырнула добычу в распахнутое окно.

– Ой, гляди, гляди, как припустила! Ой, не могу! – Райка била себя по ляжкам и, гогоча, тыкала пальцем в окно. – Во даёт! Ой, чё это она?

Медальон, к счастью, упал на видное место, там, где солнце хорошо подсушило землю. Блики играли на лаковой чешуе – змеи-драконы струились, чертя узкими телами раз и навсегда заданный узор. Подходи и бери.

Однако в пяти шагах от амулета Ли́ка вдруг заметалась на месте, как испуганный зверёк. Оступилась, упала и съёжилась на земле, закрывая голову руками. Без единого звука – как всегда. При этом от неё взрывной волной катил такой ужас, что у Кешки в ушах звенело.

– Ну точно – чеканутая! – Райка удивлённо заржала.

Кешка оттолкнул её и сиганул из окна на двор. Кроссовки из центра социальной помощи прислали почти новые, Кешка сегодня ходил в них по дому – разношивал. Приземлился удачно, в тапках бы так не вышло.

Солнце брызнуло в глаза кинжальным огнём. Кешка подобрал медальон, частью сознания отметив странное: куры шастали по двору, ковырялись в грязи, но на угол, под окна не шли, хотя тут было сухо, и корма вдоволь рассыпано.

Он наклонился к Лике, взял её за руку...

В лицо дохнуло, как из выгребной ямы. Тень заслонила солнце. Что за?..

Кешка с силой толкнул Ли́ку от себя, а сам бросился навзничь.

Между ними в воздухе мелькнуло что-то длинное, мохнатое, с когтями, как у Фредди Крюгера... Потом надвинулось – склизкие бурые лохмы, пена на оскаленной пасти...

Кешка в панике метнул в эту пасть единственное, что было под рукой – медальон. Деревянный кругляш вспыхнул на солнце, и огромный зверь, обиженно рыча, отшатнулся. К смраду выгребной ямы добавилась вонь палёной шерсти.

Кешка перекатился, сгрёб пятернёй упавший амулет и вскочил на ноги.

– Что, не нравится? – он вытянул перед собой руку. Амулет на кожаном шнурке играл малиновыми отсветами. Чудовище попятилось. – Вали отсюда!

Кешка не пытался понять, откуда взялся двухметровый косматый монстр на пяточке земли, где даже кур мгновение назад не было. Понимать было некогда. На дворе стоял вой и гвалт – вся домашняя птица, вся скотина заходилась в истошном мычании, кудахтанье, бляенье, гоготании. Лаяла и рвалась с цепи Веста. Чудище грозно рычало, скребло когтями землю, но не приближалось.

– Вставай, бежим, – Кешка поволок Лику к крыльцу.

Из курятника высунулась кудлатая головка. Варя!

– Спрячься! – крикнул ей Кешка. – Запрись!

Но девочка, видно, не поняла. Вышла из своего хлипкого убежища. На лице удивление и ни толики страха.

Кешка велел Лике:

– Иди! Скажи тёте Любе, пусть достанет ружьё.

За спиной раздался громовой рык. Чёрт! Кешка отвлёкся всего на секунду, и вот она – вторая тварь, на полпути между ним и Варей, будто из воздуха вывалилась.

Он двинулся в обход дома, поочерёдно наставляя медальон то на одного, то на другого монстра. План был таков: добраться до угла, обежать тварь номер два по широкой дуге, затолкнуть Варьку в сарай...

Господи, что же она торчит посреди двора! Ну почему девчонки такие дуры?

Кешка заглянул за угол – и выдохнул сквозь сжатые зубы. Там, у забора, заслоняя косматой тушей калитку, ведущую на улицу, скалилось третье чудище.

Он вжался спиной в обшитую рейкой стену, с этой стороны дома ещё холодную, отыскал взглядом будку, притулившуюся между курятником и дровяным сараем.

– Веста, фас! Веста!

Из квадратного отверстия показался чёрный нос – и втянулся обратно. Звякнула цепь, послышалось жалобное поскуливание.

Рёбрышки обшивки корябали спину сквозь мокрую от пота футболку, но Кешка не решался отстраниться. Ни на миллиметр. Кто знает, сколько этим зверюгам надо места, чтобы материализоваться. Может, и крошечного зазора довольно. Пока Лика объяснит, что к чему, пока тётя Люба отыщет ключ от сундука, пока разберётся с ружьём и патронами, от него и косточек не останется...

Чудовище у забора ревело, сверкало ржавыми зенками, роняя с клыков жёлтую, как гной, вонючую слюну. Остальные подходили всё ближе, окружая загнанную добычу. Но оставался шанс проскочить между ними к другому забору – на границе с двором Голодковых. Низкому, кривобокому, с проломом, которого ещё вчера – да что там, сегодня утром! – в нём не было.

Перед Кешкой в огородной грязи, будто по заказу, легла притоптанная стёжка.

– А-а-а-а!

Раскручивая над головой амулет, как лассо, он припустил по этой стёжке, оступаясь, оскальзываясь, чуя за плечом клыкастую, когтистую смерть.

В заборе не хватало пары досок, верхняя перекладина была сорвана, нижняя болталась на соплях. Если добежит – он спасён. Узкий лаз легко оборонять. Да и бабка Мавра целыми днями дома, дверей не запирает.

Лишь в последний момент, подлетев к пролому вплотную, Кешка осознал, что по ту сторону забора стёжка врезается в сочную зелень. Ну и пусть! Алчный рык сотрясал воздух, от вони пресекалось дыхание, клацали за спиной зубы, ещё чуть-чуть – и жуткие когти выпустят ему потроха...

С отчаянным криком Кешка перескочил нижнюю перекладину и кубарем покатился по густой духовитой траве.

Глава 2. Под пологом леса

Кешка всё сделал, как полагается: зажмурился, потёр глаза, трижды ущипнул себя – сильнее и сильнее с каждым разом. Но вокруг по-прежнему зеленели пологие холмы с рошицами, без признаков человеческого жилья. Солнце пекло макушку. Пахло летом, над клевером кружили бабочки, и не было ни бурого забора с проломом, ни тропки, перетекающей из чёрного, раскисшего огорода в изумрудный луг.

Чертовщина какая-то.

Но у этой чертовщины был один явный плюс: монстры исчезли без следа.

Трава под ногами – махровое одеяло. Нехоженная, некошенная. Кешка подобрал медальон, нацепил на шею. Вдруг ещё пригодится. Прошёлся туда-сюда, бессознательно надеясь, что сейчас случится чудо. Распахнётся в воздухе магический портал, появится летающая тарелка, пришельцы извинятся за доставленные неудобства и предложат отвести его туда, откуда взяли... Или просто будильник прозвенит над ухом, разом возвращая мир с головы на ноги.

Но сколько ждать?

Кешка взобрался на ближайший холм, огляделся по сторонам. Чужая земля. Ни одной знакомой детали. Как такое может быть? Он сел в траву и задумался, пытаясь выстроить в голове цепь событий, которые привели его в это странное место.

Вывод получался неутешительный. Из окна он никаких чудищ не заметил, но Лика вела себя так, будто они были, и когда он выскочил ей на помощь... Нет, он выскочил, подобрал амулет, помог Лике встать. Вот тогда-то всё и случилось. Варя монстров не боялась. Потому что не видела. А значит, и сама для них как бы не существовала.

– Варя! Лиза! Райка! Тётя Люба! – позвал он. – Я спятил. Мне кажется, что сейчас лето и я на зелёном лугу. Отведите меня домой, а? Можете водой облить. Или стукнуть посильнее.

Никто не отозвался. Ни тени в воздухе, ни шепотка над ухом, ни санитар со смиренной рубашкой наготове.

Тянулись к горизонту верблюжьи горбы холмов, весело зеленели, топорщились деревцами. Вдалеке петляла речка. Справа стеной подступал лес. Кешка поднялся на ноги. Пусть он помешался, глядя на Лику, но ведь не так сразу и не так полно, чтобы целиком выпасть из реальности...

Он взбежал на соседний холм, повыше. Редкие деревья раздвинулись, словно театральный занавес – и Кешка увидел деревню.

То, что от неё осталось.

Чернели выгоревшие квадраты срубов, каменные остовы печей. В немом укре вздымались к небу закопчённые пальцы труб, сквозь завалы обугленных брёвен пробивалась вызывающе яркая зелень.

У Кешки в груди образовался ледяной ком – он решил, что это Сорная лежит внизу россыпью головешек...

Но вокруг Сорной нет холмов. Болота есть, а холмов нет. Как нет заросшего пруда чуть поодаль и строения на его берегу, теперь чёрного, обвалившегося... Что это было – мельница? От облегчения Кешка нервно рассмеялся. И пошёл, побежал вниз. Трава, словно батут, подталкивала его в подошвы.

Войдя в деревню, он сбавил шаг. Все дома здесь были мёртвыми, в пепельной седине, будто надгробья, выстроенные в ряд. Пожар случился давно. Обглоданные огнём древесные кости тонули в зарослях лебеды и крапивы, в проломах поднялись молодые деревца.

В конце улицы антрацитовым чирьем торчал колодец – огонь добрался и до него, но нижние ряды брёвен уцелели.

Из глубины пахнуло гнилью.

Кешка сглотнул горькую слюну и прошёл мимо.

Когда черноты впереди не осталось, только бодрый травяной ковёр на склоне очередного холма, он перевёл дух. А странно... Он поднялся повыше и заставил себя оглянуться на деревню. Так и есть: ни одного столба. Где линия электропередач? Где провода, пусть оборванные... И ещё. Если дома уничтожил лесной пожар, то откуда он пришёл? Деревья-то целёхоньки стоят, со всех сторон.

Берёзовая роща оторачивала холм бело-зелёным кружевом. Кешка брёл между стволами, трогал шелковистую кору и думал о том, что дома апрель и ещё можно собирать берёзовый сок... Очень хотелось пить.

Среди деревьев и кустарников попадались столбы в человеческий рост. Серые, с серебристым отливом. Сосна такой бывает. Или осина. Макушки у столбов были скруглены, бока украшены резьбой, где совсем стёршейся, еле заметной, где вполне отчётливой. Понизу волны, над ними змеи и жабы, выше олени с ветвистыми рогами, ещё выше птицы и снова волны, должно быть облака, а по самому верху – человеческие фигуры.

Холмики под столбами не было, но Кешка как-то сразу решил, что это кладбище. На ветвях берёз попадались ленточки – линиялы, потрёпанные, грязные... Вот же ирония судьбы: дома живых сгорели, а прибежище мёртвых стоит себе невредимо.

За берёзами открылось поле в объятых тёмного, сурового леса. На рубеже рощи и поля торчал ещё один столб – выше и толще других. Не серебристый, а бурый, плохо обтёсанный, и резьба кое-как нанесена. Против других столбов – что детский рисунок против картины мастера. Зато под ним вяли букетики полевых цветов, в глиняной плошке плавали жёлтые лепестки. Воды как раз довольно, чтобы губы смочить.

Значит, живут здесь люди. Мёртвых своих чтут. Хлеб растят.

Кешка взял в горсть налитой колос, растёр в пальцах. Рожь. Мелковата, правда. Но растёт густо, весело.

Сторожами над золотой россыпью торчали одинокие сосны – могучие, величавые. Комбайн по такому полю не пойдёт... Стебли клонились под тяжестью спелых колосьев, шелестели и волновались на ветру.

Солнце жарило по-июльски, по заливку струился пот. Кешка прошёл поле насквозь – до того места, где кончалась нива и начиналось жнивье. Стерня неровная, кругом разбросаны оставленные на просушку снопы, кое-где висят одонья. Да, убрали тут явно не машинным способом...

А приходили хлеборобы вон по той тропе, убегающей под сень леса. Даже не по тропе, а по вполне себе дороге – с узкой, хилой, но вполне заметной колеёй, проторённой в траве колёсами автомобиля или телеги.

Живот подхватывало от голода, во рту пересохло, ноги гудели, но в лес Кешка вошёл бодрым, пружинистым шагом, хотя и понимал, что путь может оказаться неблизким.

Деревья вплотную подступали к дорожке, делались всё больше, раскидистей, и надежда на то, что вот ещё километр, от силы два, и стволы поредеют, а за очередным поворотом покажется деревня, начала таять.

Лес жил своей жизнью: шумел подоблачными кронами, смеялся птичьим многоголосьем. Белки рыжими росчерками перелетали дорожку, не касаясь земли. Выкатилось из травы ежичье семейство и скрылось в кустах на той стороне... Выпрыгнул коричневатый, мосластый заяц, замер столбиком, но стоило Кешке двинуться, сиганул ввысь метра на полтора и дал стрекоча.

В лесах близ Сорной такого обилия живности не было, на дорогах, на тропках и просто в траве валялся всякий человеческий сор... А тут ни бутылки, ни пластикового пакета, ни обрывка бумаги... Интересно, как у них с хищниками?

Накаркал. Из леса зашумело, затрещало, словно перекрытия у здания рушились – кто-то большой и мощный ломился сквозь чащу. Кешка застыл, чувствуя, что бежать и прятаться поздно, но затем всё же метнулся под прикрытие молодого орешника.

Из листвы на плешину дороги шагающим танком выдвинулся лось.

Живьём лосей Кешка никогда не видел, но кто ж не узнает длинную морду, по-верблюжьи мясистую верхнюю губу, длинные ноги, горбатую холку и рога лопатой. Лоси, говорят, крупнее оленей. Но этот... Если бы Кешка встал сам себе на плечи, то едва дотянулся бы до его шеи. А рога у сохатого такой ширины, что двуспальная кровать войдёт и ещё место для тумбочек останется...

Кешка глядел, боясь вздохнуть. Могучий зверь повёл головой, скользнул по человеку по-королевски надменным взглядом и прошествовал через дорогу в можжевельниковые заросли, круша тонкие стволы и ветви с неотвратимостью железнодорожного состава.

На ватных ногах, взмокший, Кешка выбрался на тропу. Таких лосей в природе не бывает. Может, в ледниковый период и были, но сейчас – нет. Куда же его занесло?

Дорожка, неверный проводник, совсем съёжились и пугливо петляла, огибая великанские стволы, трава почти затянула проплешины от колёс. Пора признать: он выбрал не то направление. Поторопился. С другого края поля наверняка нашлась бы тропка к ближайшему холму... Люди не селятся в лесу, деревни ставят на открытых местах.

Но должна ведь и эта дорожка куда-то привести, хотя бы к заброшенной лесопилке! Погоди, а вон слева не боковая ли тропка – вниз, в ложину, в папоротник... Кешка поднял голову к небу. Идти до конца или поворачивать?

С криком сорвалась ввысь длиннохвостая птица.

Свистящим шёпотом откликнулся воздух за спиной – и Кешке подрубило ноги.

Грянули крики, улюлюканье.

Посыпались сверху, замелькали меж стволов быстрые тени.

Кешка успел сесть, но на него прыгнул человек, повалил навзничь, оседлал грудь, занёс над горлом широкий серый клинок.

– Лежи! Не дёргайся!

Кешка лежал, смотрел. Пальцы на рукояти – загорелые, костистые, в царапинах и шрамах. Грязные, обкусанные ногти. Расхристанная рубаха из дерюги. Щербатая ухмылка. Шальные блики в глазах. Веснушки, широкие скулы. На голове воронье гнездо цвета меди. И снова – широкий серый клинок, совсем без блеска...

– Что это у тебя?

Клинок нырнул вниз, к горлу. Кешка зажмурился. По шее чиркнуло – тонко, горячо...

– Векпес, чену, кили пуеси!

Кешка открыл глаза.

Медноголовый, скалясь, качал на шнурке медальон.

– Ан мунх йотгойив уг? Никс итпалос!

Его подельники сгрудились вокруг. Кешку теребили, ощупывали, шарили по карманам. Он попытался вырваться, но тут же получил удар под ребра, в лицо уставились острия полуножины ножей. Кешке связали руки за спиной, вздёргнули на ноги, толкнули – он шлёпнулся ничком. Под хохот и выкрики своих пленителей.

Но, кажется, издеваться над ним они не собирались. Медноголовый коротышка распутал Кешке ноги и выпрямился, крепя к поясу махристую верёвку с камнями на концах.

Пленника снова подняли. Рослый парень с жгучим взглядом и рваным шрамом на щеке накинул ему на шею петлю и дёрнул за верёвку.

– Дийи, вичи кичи!

Разбойники снова засмеялись.

Кешку потянули вниз, в папоротники, и он едва не упал, запутавшись в листве на крутом склоне.

Когда перебрались на другую сторону оврага, идти стало легче. В тени хвойных деревьев подлесок поредел, прошлогодние шишки похрустывали под подошвами, мягко пружинил лиственной опад. Но Кешка брёл, едва переставляя ноги. Он смертельно устал и слишком многое сегодня пережил. Ныли вывернутые плечи, саднило запястья. Когда он спотыкался и замедлял шаг, его толкали в спину, парень со шрамом дёргал за верёвку, и у Кешки перехватывало дыхание, кровь начинала стучать в висках.

Всё обойдётся, твердил он себе. Если бы хотели убить, то не тащили бы на привязи столько времени... А сколько – полдня, день? Без единого привала? Мысли путались, в ушах нарастал шум, перед глазами плыло, и поднимая голову, Кешка видел над собой серую колышущуюся пелену, которая вытягивала из тела тепло и волю к жизни. Он не понимал, как ещё держится на ногах...

Сильный тычок между лопатками... Кешка споткнулся, пробежал вперёд несколько шагов, чудом не расквасив нос. И понял, что они наконец дошли.

Он лёг, где стоял, на голую землю, посреди вытоптанной поляны. Полегчало. Морской прибой в черепной коробке подутых, кроны в вышине прекратили расплываться. Темнота отступила, небо подёрнулось бледной предвечерней зеленцой.

С этого неба протянулась детская ручонка, дёрнула пленника за нос и под счастливое хихиканье ушла обратно в вышину.

Кешка перевернулся на бок и сел. Пацанёнок, совершенно голый, чумазый, с всклокоченными лохмами, смотрел на него, улыбаясь хитро и игриво.

– Маугли, – прошептал Кешка.

Малыш хихикнул и опять протянул к нему руку с хваткими пальчиками.

Из-под высокой сосны закричали женщины. Одна, босоногая, в рубище, подскочила и, смазав мальчику ладонью по темени, поволокла его прочь от Кешки. Маугли не плакал. Он оглядывался и строил рожицы.

Среди деревьев маячили люди. Кешка заметил пару земляных домов, длинный навес, грубо сколоченный стол со скамьями... Вдруг сдавило горло, да так, что глаза на лоб полезли: чернявый парень со шрамом подкрался тихо, из-за спины, и дёрнул верёвку, вынуждая подняться.

– Дийи, ромегуну. Мара диули.

В тени сосен ютилась бревенчатая хибара, крытая тальником. Кешка вошёл, едва не чиркнув макушкой по косяку. Крохотные окна давали мало света, и он остановился, слепо озираясь. Конвоир тут же ширнул его в поясницу. Кешка подался вперёд, шрамолицый втиснулся следом, прикрыв за собой дверь. Значит, это не тюрьма для схваченных в лесу путников... разве что пыточная?

Пахло сушёными травами. Кешка присмотрелся: под потолком, на стенах развешаны целые вязанки. Стол у окна, лавки, кадушки – всё ветхое, тёмное, под стать наружному виду развалюхи.

И её обитателю, который тихо полулежал у стены на низком топчане.

Кешка принял бы его за замшелую корягу, прикрытую ветошью, если бы не глаза – влажные, светящиеся, будто нарисованные флуоресцентной краской.

– Исуес со, – проскрипела коряга старушечьим голосом. – Пиахис мунив тигикзруп.

Шрамолицый развязал пленника и вложил ему в руки какую-то вещь. Распухшие, онемелые пальцы отказались её не держать. Кешка понял, что это такое, лишь когда шрамолицый поднял с пола и сунул ему за пояс джинсов... медальон, отнятый рыжим коротышкой.

– А теперь оставь нас.

Кешка взглянул в яркие глаза напротив – не слышалось ли?

– Но Мара...

– Иди, Стич.

Шрамолицый засопел, но подчинился. Дверь издала скрип, стукнула. Стало тихо и жутко – под взглядом блестящих, словно подсвеченных изнутри глаз на чём-то тёмном, корявом, облепленном мхом и паутиной, что никак не могло быть человеческим лицом.

– Откуда у тебя Знак? – проскрипела старуха.

Всё-таки они говорят по-русски. Когда хотят. Сначала рыжий. Теперь эта карга-коряга... Кешка сглотнул, не зная, как ответить и надо ли вообще отвечать.

– Ты понимаешь меня? – спросила она. – Подойди ближе.

Кешка придвинулся на полшажка.

– Значит, понимаешь. Хочешь пить? Вон, в углу, бадья... Не бойся, вода чистая.

Всё в старушечьей хижине было затхлым, гнилым. Чернел полузатонувший в воде деревянный ковшик. Кешка не без опаски тронул ртом щербатый, набухший влагой край. А потом в горло полилась вода – прохладная, сладкая, и он, забыв обо всём, черпал ещё и ещё. Последний ковш пил медленными глотками, растягивая удовольствие. Вдохнул глубоко, чувствуя себя заново рождённым...

– Напился? Иди сюда. Сядь.

Кешка растерянно огляделся.

– Что, не привык сидеть на полу? – в скрипучем голосе прозвучала усмешка. – Там... под столом... чурка берёзовая должна быть.

Кешка пристроился на иссохшей, треснувшей посередине колоде, его глаза оказались на одном уровне с глазами старухи. Он приспособился к полумраку и теперь различал мельчайшие детали её жилища, вплоть до ключев мха между брёвен и крохотных дупел, проеденных жуками-древоточцами, но лицо в полуметре напротив так и осталось корявой личиной кикиморы.

– Теперь отвечай на вопрос. Откуда у тебя Знак?

Медальон давил на рёбра, и Кешка вытащил его, повертел в руках.

– Вы об этом?

– Кто тебе его дал? Или ты украл его?

– Нет! Сам сделал.

– Что значит – сделал?

– Вырезал из дерева. Я это умею! – добавил Кешка с вызовом.

Старуха помолчала и спросила уже с меньшим напором:

– Откуда ты?

– Издалека.

Она хмыкнула – будто треснул сухой сучок.

– Как попал сюда?

– Дошёл. Пешком.

Глаза на страшном лице загорелись ярче.

– Не юли, мальчик. Чужие в наши края не забредали уже пять лет. Как ты здесь оказался – без лошадей, без поклажи, с голыми руками, чистенький и ухоженный, будто на свадьбу снарядился?

Кешка не казался себе чистеньким и ухоженным. Но против здешнего народца... Он вздохнул.

– Вы всё равно не поверите.

– А ты расскажи, попробуй. Правду я узнаю, не сомневайся, – она усмехнулась. – Я это умею.

И Кешка рассказал – про монстров во дворе, про дыру в заборе и прыжок из слякотного апреля в цветущее лето, про сожжённую деревню и лесную дорожку...

– Остальное вы знаете.

Старуха долго глядела на него, не шевелясь, даже не мигая, и Кешке стало казаться, что перед ним правда коряга с накладными кукольными зенками.

– Голова не болит, не кружится? – спросила она наконец. – А глаза как... видишь хорошо? Нет чувства, будто день ускользает?

Кешка вспомнил недавнее помутнение – вроде всё прошло. День ускользает?

– Да нет. Устал немного.

– Странствия между мирами отнимают много сил.

– Вы... вы мне верите? Вы вернёте меня домой?

– Прости, мальчик. Я старая деревенская ведьма. А тут нужно куда больше...

Коряга на топчане заходила ходуном – похоже, качала головой. Кешка не удивился бы, услышав натужный древесный скрип.

– Но что же...

– Что тебе делать? Я объясню.

Готовясь к долгому рассказу, старуха пожевала безгубым ртом, морщинистым и твёрдым, как кора старого дуба.

– К юго-западу отсюда течёт Лесная Река. На другой её стороне лежит королевство под названием Земля Единых Людей. Лет триста назад обитатели королевства стали переплывать реку и селиться на нашем берегу. Корчевали лес, строили дома, возделывали поля. Жили по своему разумению, королей и господ над собой не имели. Вести из большого мира узнавали от охотников за пушной дичью да от торговых людей... Кто-то из них и рассказал, что законный король Всевласт смещён родным братом Любославом. И Любославу этому мало братниной короны. Он решил взять под свою руку Залесоречье, полагая, что здешний люд, разрозненный и дикий, с радостью пойдёт к нему в подчинение. А строптивых принудит к покорности один вид пик и мечей в руках королевских конников.

Так, видно, думали и солдаты. Было их немного, отпора они не ждали. А народ наш волюшку любил и с оружием ладил... Сгинули в лесах королевские конники. Любославу же не до нас стало. Сын прежнего короля, мальчик лет двенадцати-тринадцати при помощи воинов-чародеев с острова Пенноводный отвоевал у него трон. И едва усмирив дядиных сторонников, двинул пенноводнинский отряд за Лесную Реку.

У меня есть дар предчувствовать беду. Я сказала людям, чтобы бросали дома и бежали в лес, как можно дальше. Но недавняя победа кружила им головы, и они верили, что одолеют пенноводнинцев так же легко, как ленивых и беспечных вояк Любослава. Они лишь позволили мне увести детей... Когда через пять дней мы вернулись в деревню, то увидели пепелище, а посреди него – гору обгорелых трупов... Ближайшее селение, на речке Щучьей, постигала та же судьба. С тех пор мы укрываемся в лесу. Юный король Добродей хотел превратить Залесоречье в мёртвый край...

– Добродей! – фыркнул потрясённый Кешка. – Злодей он, а не Добродей!

– Ты знаешь эйкальский? – быстро спросила старуха. – Ах да, понимаю... Так вот. В Земле Единых Людей не должны проведать, что по нашу сторону Лесной Реки есть живые. Поэтому ты не сможешь уйти отсюда, куда глаза глядят. Тебе придётся остаться с нами и жить нашей жизнью. Уверяю, это не самая плохая участь... А теперь ступай. Ты голоден. Скажи, пусть тебя покормят.

Кешка поднялся, машинально запихнул медальон в карман джинсов. Старуха встрепнулась.

– Знак держи при себе! Лучше всего надень на шею и не снимай, что бы ни делал. Даже на ночь.

Длинный стол, человек на сорок, был пуст, котёл на подставке чуть в стороне – холоден. По стенкам налипли остатки бурого варева. Местные держались поодаль, следили настороженно. Если Кешка пытался встретиться с кем-то взглядом, отворачивались. Кричать – далеко, да и не хотелось ни о чём просить этих угрюмцев. Он же для них вроде марсианина. Глядят и ждут, не позеленеет ли у него кожа и не вырастут ли уши-локаторы...

Ну и чёрт с вами! Кешка совсем уже собрался поддеть пальцами со стенки котла рыхлый шматок – хоть попробовать, как под носом у него выросла чернявая бабёнка, замахнулась поварёшкой:

– Куда лапы распустил! Щас как врежу!

Голос – чисто бензопила, и сама вся в тётю Любу – такая же малорослая, грудастая. У Кешки кольнуло внутри – он же тётю Любу, получается, никогда больше не увидит...

– Ваша главная сказала, чтобы мне дали поесть, – выдавил Кешка, сглотнув подкативший к горлу ком.

– Кто сказал – Мара? – чернявая сбавила тон.

Кешка не знал, как звали старуху, но твёрдо кивнул.

– Вот ещё! Кормить мне тут всяких... Ладно, давай плошку.

– У меня нет.

– Так чего ж ты припёрся? Я тебе что, в горсть насыпать буду! Ходит тут неизвестно кто, неизвестно откуда, и без плошки ещё...

Бензопила набирала обороты. Похоже, придётся терпеть до завтра. Сядут все за стол, выползет эта Мара из своей берлоги, глядишь, и ему обломится... Живот протестующее заурчал. Но Кешка повернулся к хозяйке котла спиной. Под каким деревом ему лучше устроиться на ночлег?

– Стой! Куда пошёл? Садись, обалдуй!

Через пару минут перед ним стояла глиняная миска, до отбитых краев наполненная серобурными комьями – каша с мясом, как гордо объявил теть-Любин клон.

Каша оказалась чем-то вроде перловки, мясо – жёстким, волокнистым, с привкусом хвои и каких-то душистых приправ, всё холодное и без крупинки соли. Но Кешка слишком проголодался, чтобы привередничать. Бензопила уселась напротив, разложила на столе тяжёлые груди – бюстгальтера у неё не было, распахнутый ворот рубахи открывал глубокую впадину между двух смуглых выпуклых полушарий... Кешка уткнулся в тарелку.

– Ты, значит, пришёл с Той Стороны?

– М-м, – ответил Кешка, перемалывая зубами мясные желваки. Пусть понимает, как хочет.

– Меня Маниськой зовут. То есть вообще-то Блаженной, но все Маниськой кличут. А тебя?

Глубоко посаженные чёрные глазки блестели любопытством.

Да она ведь совсем молодая, сообразил Кешка, вглядываясь в обветренное землистое лицо. Старуха не сказала, что кто-то из взрослых уцелел. Этой Маниське лет двадцать, не больше.

– Кеша, – представился он. – Можно Кешка.

Чернявая прыснула.

– Правда, что ли? Тебя правда так зовут?

– А что?

– Нет, правда? – Маниська давилась смехом, зажимая рот руками. – Это у вас на Той Стороне такие имена? Ке-ейшка... Гы-гы!

Она произнесла его имя протяжно, странно выговаривая звуки – и у него в мозгу вдруг щёлкнуло. Он-то думал, с ним по-русски говорят, а получалось... То есть пока толком непо-

нятно, что получалось. Вроде как Маниська выговаривает слова по-своему, а он понимает безо всякого перевода, и она его – точно так же.

"Кейшка", – эхом отозвался в голове Маниськин голос... Оп-ля. Слово-то непечатное. Не дай бог, дурочка расскажет своим, ему же спасу не будет! А они вон из-за деревьев подтягиваются, сами услышать могут...

– У нас это слово ничего такого не значит, – буркнул он, оправдываясь. – Сама – Блаженная...

Кешка вслушался в звуки, которые повисли в воздухе – А-ма-ни-си-я. Он даже не знает, как называется местный язык, а уже говорит на нём. Чертовщина какая-то!

– Ну, Аманиясия. И что с того?

– Блаженная, значит.

Теперь получилось по-другому: "луймихса". И на этот раз Маниська поняла.

– Чего-о? Сам – блаженный!

Похоже, для неё слово "аманиясия" – просто набор звуков, которые числятся ей именем. Это, как у нас, Пётр – камень, Георгий – победитель... Получается, он, Кешка, понимает Маниськин язык лучше самой Маниски. То есть, похоже, уже не Маниськин, а... откуда там взялось её имя, из какого-нибудь местного греческого?

Названия и имена, по идее, переводить не принято. Тогда, выходит, Лесная Река – это Хотимь, Страна Единых Людей – Майнандис, Добродей – Питнубий, а его папаша с дядей, как их там... Кешка окончательно запутался и махнул на эту лингвистическую муть рукой.

– Ладно, забудь. Зови меня Иннокентий.

Своё полное имя он терпеть не мог. Вон и Маниська повторить не смогла... Но Кешкой ему в этих краях точно не зваться!

– Ин-но-кен-тий, – чётко, по слогам выговорил он.

– Ой, Кен! – Маниська просияла. – Кен Могучий!

– Что, опять какое-то ваше слово?

Он прислушался к себе, к звукам, которые выходили из Маниськиного рта... Вроде, нет.

Пока она удивлялась, как это он не слышал о Кене Могучем, сыне пахаря Силы и Хлебной Девы, – ведь его даже малые дети знают! – Кешка покончил с кашей и дочиста выскреб миску. Заодно понял, вернее нутром почуял, что есть имена, которые всё-таки стоит переводить. Если пахарь – Сила, то он Сила и есть, буквально, в лоб, в этом качестве его самая суть заключена.

Хлебная же дева вовсе не жница или пекарша какая-нибудь, как он сперва подумал, а дух возделанного поля. Можно сказать, фея. Летом пляшет и резвится с подругами в стеблях жита, зиму пережидает в подземном царстве. Кто усерден в земледельческом труде, тому хлебные девы помогают, у кого на делянке сорняки да запустение, с тем могут злую шутку сыграть...

– А Сила всем пахарям пахарь был, – Маниськин голос обрёл напевность, стал ниже, приятнее. – Столько земли умел вспахать, сколько другому за тот же срок налегке не обойти, борозду клал глубокую, ровную – залюбуешься. И хлеба родились у него на зависть всем. И сам он был статный да ладный... Хлебные девы смертным показываться не должны, но одна не утерпела, вышла перед пахарем во всём блеске своей красоты...

– Они полюбили друг друга с первого взгляда, поженились, и у них родился сын, которого назвали Кеном, – скороговоркой закончил Кешка.

– А говорил, не знаешь! – Маниська обиделась.

– Так я и не знаю. Просто догадался, – хотел добавить: обычная мыльная опера, но поостерёгся. Кто знает, во что преобразуется это название на местном наречии. – Ты дальше рассказывай.

– Ну вот... Прожили они лето, как муж и жена, а потом настало время Хлебной Деве в подземное царство уходить. Говорит она Силе: "Ты меня жди, я по весне вернусь". А сама уже в тягости была, только ему не сказала, чтобы не тревожить зря. Думала, как до весны вся при-

рода засыпает, так и дитяtko в её чреве заснёт до тепла. Но вышло по-другому. Тягость её стала вскоре всем видна, а под конец зимы пришло время рожать. И пришла к ней Хозяйка подземного царства, и молвила: "Глупая, думаешь запреты наши просто так, впустую, придуманы? От смертного мужа зачала ты смертное дитё. Родишь сынка в царстве мёртвых – и наверх он уже не поднимется. Не видать ему света-солнышка, не ходить по травке-муравушке, а навечно лежать во сырой земле, не живому уже и не мёртвому, и страдать от тоски, и мучиться..."

Маниська всхлипнула, растроганная собственным красноречием.

– Принялась Хлебная Дева Хозяйку умолять, чтобы сыночка её пощадила, отпустила в подсолнечный мир. "Ты знаешь закон, – отвечала Хозяйка. – Жизнь жизнью выкупается". – "Знаю, – сказала Хлебная Дева. – Возьми мою жизнь, только сына спаси". Перенесла её Хозяйка в средний мир, положила в овчарне между козами. Там Хлебная Дева от бремени и разрешилась. Обтёрла ребёночка соломой, взяла на руки, вышла под небо, глядь, перед ней дом пахаря Силы. Только и успела, что опустить сосунка на крыльцо – тело её стало прозрачным и невесомым, как туман. Дунул ветер – и развеял Хлебную Деву без следа. Тут козы в овчарне все враз замекали, заржала кобыла на конюшне, залаяла собака в конуре. Вышел пахарь Сила посмотреть, что за шум, увидел ребёночка на крыльце и в один миг всё понял. Взял он сына на руки...

Кешка слушал невнимательно – больше поглядывал на лесных жителей. По одному, тихой сапой, они подтягивались к столу. На лицах скорее любопытство, чем враждебность, но кто их знает... И тут Кешку молнией насквозь прошло: сирота! подкидыш! Этот Кен подкидыш, как и я... Герой чужого предания в полсекунды стал для него родным братом.

– ...Нарекаю тебя Кеном, молвил пахарь.

И Кешка сказал:

– Да, правильно. Кен – хорошее имя. Мне подходит.

Кажется, у него дрогнул голос, и Маниська расплылась в улыбке.

– Рос Кен не по дням, а по часам. Силу богатырскую набирал и того быстрее. Когда сравнялось ему пять лет, околела старая кобыла отца его. "Как же быть? – воскликнул пахарь. – Как я выйду в поле без лошади?" – "А давай, – сказал Кен, – я вместо неё впрягусь". Подхватил он плуг и поволок по полю, да так резво, что отец едва за ним поспевал...

На поляну вышел высокорослый голенастый парень – штаны до колен верёвкой подвязаны, ступни такие, что за ласты принять можно, голый по пояс, на голове что-то вроде плетёной шапочки. Встал, подбоченился. Плечи вроде неширокие, и грудь впалая, но кулаки с дыню. Лицо длинное, носатое, скулы торчат, глаз не видно под тяжёлыми надбровьями, на щеках серые мазки – зачаток будущей бороды. А у Кешки даже над верхней губой – только лёгкий намёк, хотя давно бы пора...

– Когда Кену стало семь...

– Маниська! – медведем проревел голенастый. – Иди сюда!

Она сидела к поляне спиной – и бровью не повела, точно не слышала.

– Ах да, забыла. Хозяйка, когда Хлебную Деву отпускала, наказала ей строго-настрого к груди сосунка не прикладывать, молока своего не давать, не то...

– Иди сюда, кому говорю! Маниська!

Она обернулась всем корпусом, плеснув над столом чёрными космами, и включила бензопилу:

– Чего орёшь? Сам иди, ежели надо! Не видишь, я с человеком разговариваю...

И он подошёл. Схватил Маниську за волосы, сдёрнул со скамьи, как тряпичную куклу, волоком потащил за собой. Она беспомощно извивалась, колотя по земле крепкими смуглыми ногами и голая без умки.

Кешка огляделся: лесные люди, те, что стояли поближе, втянулись обратно под деревья, а дальние наоборот выдвинулись, любопытствуя. Женщины с той стороны поляны крикнули что-то насмешливое – то ли Маниське, то ли её обидчику. Вмешиваться явно никто не собирался.

И ему, Кешке, то есть Кену, не следовало. Но она только что сидела так близко, улыбалась ему, блестя чёрными глазами...

Он обошёл вокруг стола и понял, что теменем едва достаёт голенастому до подмышек. Взял поварёшку, благо ручка длинная, похлопал по высокому плечу.

– Эй, дядя.

Может, как с Борькой – пронесёт...

Голенастый был неповоротлив, его кулак взлетел в воздух тяжелогружённым бомбовозом и, пока неспешно, торжественно заходил на цель, Кешка успел нырнуть в сторону. Парень уставился на свою руку, удивляясь, как это он мог не попасть. Кешка посмотрел в мутно-голубые, как у новорожденного котёнка, глаза. Твёрдо произнёс:

– Я не знал, что она твоя девушка. Если бы знал, ни за что не стал бы с ней разговаривать. Тяжёлые веки дрогнули и опустились, острый подбородок склонился на грудь.

А потом на Кешку рухнуло небо.

Оно было тяжёлым и гулким, как медный котёл.

Вечные силы, что значит, личное дело затерялось?

Человек в светлом плаще, с залысинами в каштановых волосах бесцельно брёл по улице. Прошло почти тринадцать лет. Всего тринадцать. Как же так можно? Документ строгой отчётности не напёрсток! Он выбрал этот мир, прогрессивный, сытый, многолюдный, в надежде, что ребёнку здесь будет хорошо. Но, главное, из-за ватной глухоты здешнего Эфира. Читать в нём объекты можно, только подойдя вплотную. Отличное место, чтобы спрятать что-то или кого-то.

Сам себя перехитрил.

В кармане лежал список приютов, в которые направляли детей из дома малютки. Он начал с того, что в городе. Теперь придётся мотаться по деревням, проверять остальные.

Человек в плаще устал и был голоден. Слишком много сил ушло, чтобы выжать сведения из властных, самоуверенных директрис, чтобы заставить их помогать...

Впереди по правую руку пространство раздалось, заблестели на солнце жучиные спины выстроенных рядами самодвижущихся повозок. В глубине разогретой площади, пахнущей железом и едкой химией, лежал оранжевый куб большого магазина, из разряда тех, где есть и продукты, и вещи на все случаи жизни, где развлекают и кормят. То, что нужно.

Он влился в человеческий водоворот, вбираемый раздвижными дверями – один из многих, такой же, как все. Чем хороши миры, подобные этому: никто не взглянет на тебя дважды, все твои странности сгладятся и утонут в зыбучих песках толпы.

Шумел фонтан, зеленели, не по сезону, растения в кадках, глянцевый пол дробил люющий с высоты свет на множество маленьких солнц. Человек в плаще усмехнулся. Вечный праздник, на котором так легко расставаться с деньгами. Кошелёк в кармане перевоплотился вместе с одеждой, в нём не звякало, а шуршало. Хорошо.

Он огляделся в поисках хода на верхние этажи, где в таких местах располагались едальни. Внимание привлекли красочные вспышки в рамках за стеклянной стеной. Он видел такие раньше, но эти рамы были непривычно плоскими, не толще отальских гобеленов. Изображения внутри, слишком яркие, контрастные, резали глаз.

Когда-то он любил разгадывать тайны чужих чудес, и его, как ребёнка, потянуло к пёст-рому мельтешению за стеклом. Он решил поддаться импульсу. У обычных людей это зовётся интуицией. Возможно, струны его души уловили некую подсказку в мировых вибрациях.

Но что могут сообщить движущиеся картинки?

Взгляд скользнул по рядам экранов, где сменяли друг друга виды природы, городов и людей. Зацепился за сценку, чуть отличную от других – слишком аляповатые декорации,

безыскусные лица, простенькие ракурсы. Девочки, мальчики, рисунки в альбоме, резной деревянный медальон...

Он вздрогнул и резко, предельным напряжением сил, выдернул из-за стекла звук. Лишь для того, чтобы услышать прощальное: "Марина Буторина, Алексей Дубенко, специально для канала "Сиб-Сити" из Новоэтаповского района".

И картинка сменилась.

Он ворвался в призывно распахнутые двери, выдохнул в дежурную улыбку девушки, выплывшей ему навстречу:

– Где мне найти эту Марину Буторину?

– Какую Марину? – улыбка померкла, густо накрашенные ресницы изумлённо заметались вверх-вниз.

– Да вот только что: Марина Буторина, Алексей Дубенко, для канала "Сиб-Сити"...

– Это вам, мужчина, на телецентр надо, – посоветовала продавщица, с недоумением глядя на странного гражданина.

Глава 3. Охота-неволя

На первый взгляд, жизнь в лесном селище мало отличалась от той, какую Кешка вёл дома – овощные грядки, скотина, бесконечные хлопоты по хозяйству... Дома, правда, не было хлебных полей, и сад начинался сразу за огородом, а не у чёрта на куличках, по другую сторону сожжённой деревни. Дома плечи и спина никогда не болели так, что хоть криком кричи, и не саднили стёртые ладони.

Страда была в разгаре. Мара подгоняла своих подопечных, страдая пришествием ураганов с ливнями и градом. В поле работали все – парни, девки, подростки. Только охотников отпускали вглубь леса за дичью; по грибы-ягоды да за скотом ходила детвора. Здесь не было электричества, а значит, не было света, плитки на две конфорки и чайника, закипающего в три минуты, не было радио и телевизора, не было книг, мыла, зубной пасты, зеркал, не было бумаги – вообще никакой. Даже нормальной уборной не было, только кое-как огороженное отхожее место у палисада. Спасибо, Мара не разрешала своим деткам гадить где попало. И так душок стоял...

Поселили Кешку в холостяцкой избе – тесной землянке без единого оконца. В вечной темени он то и дело натёкался на столбы-сохи, подпирающие крышу, или стёкался лбом о крутые бревенчатые скаты. Спать приходилось вповалку на нарах, крытых травой и ветошью, накинута на себя отдающие тухлятиной шкуры или тряпье, такое рваное, что в носку оно не годилось. И как тут заснёшь, когда всё вокруг провоняло гнилью и застарелым потом, а у тебя под боком возятся, стонут, вздыхают абсолютно голые парни. В книжках ему случалось читать, что такой-то любит почивать совсем без одежды. Это казалось причудой, навеянной идеей близости к природе или ещё какой-нибудь блажью, но здесь, в лесной деревне, перед сном обнажались по одной причине – чтобы сберечь одежду.

Первые дни мучила тоска: неужели придётся всю жизнь скоротать в этом лесном бомжатнике... Потом он начал приспосабливаться. Как приспособился в своё время к детскому дому, потом к Куролововым и к каждому из их приёмшей. Теперь он скидывал с себя всё, даже трусы – изотрутся, где другие возьмёшь? Туземцы белья не знали. А всех тканей у них – овечья шерсть да льняная дерюга.

За день Кешка выматывался так, что отрубался, едва упав на лежак. Но через час-другой, когда проходила первая усталость, он просыпался и долго маялся на колкой подстилке среди жарких, беспокойных тел. Соседи ворочались, сучили ногами, разбрасывали руки, порой кричали или бормотали что-то невнятное. Кешка завидовал Прыне, Маниськиному ухажёру, который дрых отдельно, на полу, потому что на нарах не помещался и потому что любил во сне махать пудовыми кулаками. Одному парню, говорят, нос во сне сломал...

На другой же день, вернувшись с пасеки, Прыня подошёл к Кешке и еле слышно, глядя в землю, проговорил: "Маниську не трожь. Прибью". Кешка честно старался держаться от неё подальше. Но что делать, если она по пятам ходит? Не палкой же гнать! Девка-то добрая. Любопытная, как кошка. Всё расспрашивала, каково живётся на Той Стороне. Будто не понимала, что Прыня и её и Кешку одним махом в землю вгонит, если застукать.

Что интересно, была у лесных людей своя школа. Только учили в ней не грамоте. Сперва Кешка стеснялся, комплексовал, что попал в один садок с мальками, которым, по меркам нашего мира, и в первый класс ещё рановато, но потом оценил преимущества. Лежишь на травке, солнце греет веки, и так хорошо, что Марин скрипучий голос колыбельной кажется:

– Слушайте шелест крон, смотрите, как трепещут листочки, как они изгибаются от дуновения ветра, задевая друг дружку. А теперь закройте глаза и увидите эти листочки внутри себя. Идите вместе с ветром от дерева к дереву, дальше и дальше. Слушайте птичий гай, различайте в нём сорокий стрёкот и соловьиный трель, посвист синицы и песню малиновки. Следуйте за

голосами птиц, перелетайте с ними с ветки на ветку. Что в этих голосах – испуг, радость, голод? Услышьте зуд комарика над ухом, шуршание ежа в траве, слушайте, как ползёт букашка по стеблю остролиста. Слушайте лес...

Кешка честно слушал – и общий лесной шум баюкал его, качал на могучей звуковой волне, как на облаке, растворял в зелени, в солнце, в синеве неба, которое проглядывало сквозь ветви. Глаза закрывались, а гул-шорохи-крики вокруг были, как рокот двигателя, который нёс эту махину, этот лесной рой сквозь пространство и время.

Кто-нибудь из малолеток щипал Кешку за бок – Мара велела следить, чтобы он не спал. Бог знает, может, она и правда надеялась обучить его своей чудной премудрости или просто жалела недотёпу, заброшенного в чужой мир, одинокого, потерянного, замученного непривычно тяжёлой работой... Она называла себя ведьмой, рассуждала о предчувствиях и предвиденьях и об особом чутье-слухе, которое может развить в себе каждый. Чтобы преподать детям эту науку, она через день выползала из своей берлоги, ковыляла глубь леса, путаясь в зарослях пижмы и багульника, оступаясь на взгорках и ухабах, устраивалась на трухлявом пне и сливалась с ним в одно целое.

Вся изломанная, скорченная, одетая в бурое тряпье, лицо морщинистое, жёсткое, как кора. Настоящая Баба Яга. Но детвора глядела ей в рот, старшие слушались без возражений. Прыню за то, что едва не пробил дыру в Кешкиной черепашке, Мара отправила помогать на пасеке, хотя он, оказывается, до смерти боялся пчёл. Отправила на целую неделю, то есть на местный лад – девятидницу. И он пошёл. Ни словечка против не сказал, хотя мог переломить Мару пополам двумя пальцами. В этой её власти над лесной деревней, пожалуй, и заключалось настоящее колдовство.

Старуха сидела, полуприкрыв круглые глаза. На солнце они выцветали, теряли свою пронзительную яркость. Как сова, Мара слепла от дневного света. Но ей зачем-то нужны были эти уроки:

– Слушайте дыхание друг друга, замечайте, кто как дышит. Идите вслед за вдохом, в грудь, туда, где бьётся сердце, слушайте его стук, и ток крови в жилах, и пение жизни в каждой частице вашего тела, большой и малой. Найдите в этом многоголосье главный тон, который есть основа всему. Патя...

Косматый босоногий ребёнок в рубаше до колен – мальчик или девочка, не поймёшь – повернулся лицом к соученикам. Глубоко вздохнул и выпустил из себя долгую глубокую ноту, похожую на негромкое гудение колокола:

– Хм...амммм...

– Запомните это слово – доминанта. Становой тон мироздания. Научитесь улавливать его, и остальное не составит труда. Ибо на доминанту, как на ось, нанизаны все звуки на свете. Она служит опорой вселенной подобно тому, как позвоночник служит опорой телу. Ваш позвоночник – это струна, созвучная главному тону мира. Услышьте его внутри себя... Слышите?

– У Берёзки урчит в животе! – пискнул тонкий голосок, и дети засмеялись.

– Значит, на сегодня мы заканчиваем. Кен, проводи меня до дома...

Кешка вздрогнул, когда холодная, жёсткая рука опустилась ему на плечо.

Мара двигалась медленно, дышала тяжело, и Кешка всё гадал: она выбрала его, потому что он больше и сильнее малышей или потому что хочет ему что-то сказать.

И она сказала – у самой двери, вцепившись в косяк суковатыми пальцами:

– Ты не веришь, вот у тебя и не получается. Позволь себе поверить. Всего один раз. Пробы ради...

Может, это что-то вроде коллективного гипноза, гадал Кешка. Она приручает их с малолетства. И меня хочет приручить...

Он сполз с нар, нашарил одежду и ощупью, через чужие ноги, по неровным ступеням выбрался наружу. Дверь стояла нараспашку – для вентиляции. Кешка привычно замер, опьянев от ночной свежести, от запахов леса. А когда глаза различили очертания стволов и крыш – тёмное на тёмном, – медленно побрёл через спящий посёлок.

Меж крон зеленоватым блином висела луна. Тени впадин на её поверхности складывались в рисунок, похожий на знакомый лик естественного спутника Земли, и глядя на него, Кешка безотчётно верил, что по-прежнему находится в родном мире, просто очень-очень далеко, в Австралии где-нибудь...

Серебристый свет очертил обрубок ствола в полтора человеческих роста. Главный идол лесных жителей. Такой же, говорят, стоял в деревне и сторел вместе с ней. С одной стороны вырезана мужская фигура, с другой – женская, со всеми анатомическими подробностями. Резьба плохонькая, вульгарная, будто хулиган на заборе ножичком баловался.

Идола этого изваял Стук, одиннадцатилетний сын деревенского плотника – прежде, чем рядом со старой Мариной хижинкой был выстроен первый дом нового селища. Мальчик усвоил многое из отцовского ремесла и за пять лет стал мастером. Избы, возведённые под его командой, не рушились. Столы, скамьи, лари он тоже наводрил делать доброту – раз больше некому. Но нигде ни завитка, ни глазка, ни лучика.

Дара да и тяги создавать красивое в парне не было, и у Кешки засвербело – взяться, показать себя, чтоб удивились и порадовались. Чтобы хоть в чём-то не ребёнком малым за другими повторять, не во всём неумехой казаться. Но примерился к Стуковым инструментам и загрустил – для плотника эти скобли, тёсники и просеки, может, хороши, а столяру от них пользы нет.

Сунулся было к кузнецам. Куда там! У них печь земляная, и плавят они из того, что есть, а где сырьё для железа взять, не знают. Ламсе, дочке кузнецовой, было десять, когда пришли иноземные каратели, сыну – три, от него вовсе толку ноль. Девочке вызвался помогать Вулак, парнишка двумя годами старше. Он был мускулами, она – знанием. Мара долго вытягивала из неё это знание, мимоходом усвоенное от отца. Затем Ламся и сама встала к наковальне. Пару стамесок они с Вулаком Кешке, может, и изладили бы. Но какие стамески, когда металла не хватает – на стрелы костяные наконечники приходится крепить!

Ножом Кешка настрогал грубых игрушек для ребятни, коняшек, птичек, человечков. Вырезал для пробы гребешок. Получилось чёрт-те что, но Маниська пришла в восторг. Пришлось сломать. Нехорош, мол, я тебе лучше сделаю. К идолу при таком раскладе Кешка даже подступиться не дерзал.

Он обогнул навес, прошёл мимо котла и глиняной печурки, где днём девчонки выпекали хлеб, прогулялся под шумными кронами до палисада, ограждающего селение широким кольцом, и повернул назад.

– Ты что это в Красную Луну по лесу шатаешься? – прозвенело откуда-то сверху. – Смерти ищешь?

Кешка подпрыгнул, заозирался и только потом узнал голос.

– Маниська, ты?!

Задрал голову: в ветвях что-то шевельнулось. Хихикнуло.

– А ты думал кто – ракен?

– Ты что там делаешь?

Следила она за ним, что ли?

Ага, по деревьям, как белка, вдогонку скакала...

– А ты что тут делаешь?

– Воздухом дышу. Не спится...

– И мне не спится... Одной.

Что-то громоздилось на дереве, будто здоровенное гнездо, и из этого гнезда высовывалась, маяча среди листвы, невнятная тень.

– Ну что, так залезешь, или мне лесенку скинуть? – и смешок. Грудной, дразнящий.

Лунный свет плеснул серебра, оно заиграло на листьях, влажным блеском растеклось по гладкому, округлому... Голая она, что ли?

– Что стоишь, будто на тебя ракен дыхнул? – нетерпение и досада прорезались визгливыми нотками.

– Что ещё за ракен?

– Отец Света! Ты и этого не знаешь? У вас на Той Стороне что, нет Красной Луны?

Кешка оглянулся – луна была на месте. Огромная, лоснящаяся. Почти круглая – только справа ломтик отъеден. Изжелта-зелёная. Интересно, в Маниськином языке есть слово "дальтоник"?

– Да не туда смотришь, балда, вон она! Только нарождается.

Маниськина рука выпросталась из листвы, и Кешка увидел бледный розовый серпик, присевший на верхушки сосен. Перевёл взгляд на настоящую луну, снова на месяц и наконец повернулся так, чтобы видеть оба небесных тела одновременно.

– Но как?.. Откуда?..

Только сейчас он по-настоящему поверил, что находится в ином мире.

Маниська засмеялась.

– Правда, не знаешь? Когда Отец Света уходит под землю, чтобы возлечь с Хозяйкой, он оставляет надзирать за миром своих младших братьев Недогляда и Перегляда, у каждого по одному глазу. Первым встаёт на стражу Недогляд. Покуда его зелёный глаз широко открыт, в мире царит порядок. А как начинает он уставать, глаз у него закрывается, и в дозор выходит Перегляд. Глаз у Перегляда красный, аки кровь, проникает он землю насквозь и заглядывает в нижний мир до самого дна. А по взгляду его, будто по канату, к людям выбираются демоны – ракены... Ну что, скинуть лесенку?

– Слушай, – Кешка смутился. – Мне же с утра в поле. Надо хоть чуток вздремнуть.

– Так ночь длинная, – Маниська хихикнула. – Успеешь. И вздремнуть, и ещё всякое...

Откуда-то рядом донёсся другой женский голос:

– Кончай балаболить! Спать не даёте...

Маниська огрызнулась, началась ссора. Кешка развернулся и пошёл прочь, оставив за спиной обе неправильные луны и холодок от чувства невозвратимой потери.

Вроде Кешка и не спал. Всё ворочался, строя догадки о местной астрономии: зелёная луна явно крупнее нашей – значит, ближе? Или это зависит от времени года и наклона оси – что-то такое он читал... Одна луна – понятно. Месячные циклы, приливы и отливы, лунный календарь и тому подобное. А две? Как они влияют на планетарные процессы, как движутся относительно друг друга? В голове чертились пунктиры эллиптических орбит, всплывали слова из учебника: "плоскость эклиптики", "синодический", "сидерический", "альbedo". Кружились звёзды в ночной черноте, и среди них мчались циклопы с разноцветными глазами...

А потом, сразу, рывком – загудели голоса, тяжёлые, будто камнепад.

Ударил в нос привычная вонь.

Кешку толкнули в плечо, огрели по спине, дёрнули за ногу и потащили с нар...

– Отвали, – промычал он, не открывая глаз. – Встаю уже.

Вниз по ступеням затопали шаги.

– Блошка! Ты чего вернулся?

– За напарником, – отозвался задиристый голос. – Эй, Кен, вставай! Пойдёшь со мной на охоту.

– А почему он? За что такая честь?

Кешка проснулся уже достаточно, чтобы узнать гнусавый басок Дия Валынды.

– Тебя, что ли, надо было взять? – хмыкнул Блошка.

– Да хоть бы и меня. Я целыми днями в поле горбачусь, а всякие тут по лесам прохлаждаются... Хоть бы раз с собой позвали. Я что, хуже других?

– Ты так топочешь, что зверьё за версту разбегается!

– Ничего я не топочу... А этот, – Дий ткнул пальцем в Кешку, – скажешь, лучше? Он вообще неизвестно кто. Свалился на наши головы и сразу охотником заделался...

– Ладно тебе скулить, Валында, – засмеялся здоровяк Велет. – Нудишь и нудишь, будто слепень. Порты лучше надень.

По землянке прокатился ленивый полусонный гогот. Дий и правда маячил перед Блошкой в чём мама родила.

– Нет, ты мне растолкуй, он тебе что, родня или дружок закадычный? Что в нём такого?

Кешкин мозг работал пока на холостых оборотах. Пальцы соображали быстрее – застёгивали ширинку, завязывали шнурки на кроссовках, тащили через голову футболку.

– Может, он лазутчик от короля или от упырей с Ракры, – подал голос шрамолицый Стич.

Ракрой местные называли остров Пенноводный. То есть правильно... Браккар, услышал Кешка внутри себя.

– А правда, – поддержал баламута Лепень, молоденький парнишка, совсем недавно перешедший из детской избы в холостяцкую. – Мы ж о нём ничего не знаем...

Кешка сидел, вцепившись в край нар, готовый вскочить в любой момент. Если станут бить... Между ним и выходом – трое. Хорошо, хоть дверь нараспах.

– Вот я и говорю, – Дий торжествующе взметнул руку. – С какой стати ты берёшь чужака, а не кого-то из наших?

Низкорослый Блошка поднялся на две ступеньки и стал вровень с Валындой.

– Мара сказала – вот с какой! А кто хочет поспорить, идите, будите её. То-то она обрадуется... Кен, давай шустрой!

Он в два прыжка взлетел наверх лестницы и растворился в утреннем сумраке.

Мне бы так, подумал Кешка. И рискнул, крикнул:

– Иду!

Он понимал, что за неделю не мог стать для этих ребят своим, и всё равно было обидно до рези в горле. Кем они его считают – вражеским шпионом, демоном, прилетевшим с Красной Луны?

На плечо опустилась тяжёлая рука.

– Не держи обиды, ладно?

Велет глядел, чуть нагнув голову, вроде как исподлобья, но с улыбкой. Бревенчатый скат кровли был слишком низок для него. Когда строили землянку, сообразил Кешка, все они были меньше ростом...

– Иди, добудь нам свежатинки!

От дружеского хлопка по спине внутри что-то крякнуло.

– Постараюсь, – выдавил Кешка.

Он поставил ногу на ступеньку, но передумал.

Вернулся, встал лицом к лицу со Стичем.

– Я не шпион. Никакого короля и никаких упырей с Ракры я знать не знаю. А свой кусок хлеба отрабатываю честно...

Хотел добавить, что будь его воля, он сию же секунду убрался бы из этой дыры. Но решил не обижать тех немногих, кто к нему добр. Да и воли у него всё равно не было.

– Живой, не поколотили? На, держи, – Блошка пихнул напарнику в живот битком набитую котомку.

Пришлось подставить руки.

– И что делать?

– Повесь на плечо и тащи. Это наши припасы.

Кешка хмыкнул: у Блошки остался только лук со стрелами. И пояс с ножом. Тем самым, которым он давеча поигрывал перед Кешкиным носом.

Нападавших было человек шесть, но запомнил Кешка только Стича и этого коротышку – медно-рыжего, с оскалом без двух зубов и россыпью веснушек по широкой роже.

Шрамолицый Стич был зол и горяч. Если бы решал он, а не Мара, пришелец из иного мира сидел бы сейчас с верёвкой на шее в медвежьей клетке или валялся в овраге с перерезанным горлом.

В Блошке ещё предстояло разобраться – Кешка видел его пару раз, и то мельком, зато наслушался всякого. Слыл Блошка лучшим в деревне охотником и парнем без царя в голове. Целыми днями пропадал в лесах, а если его удавалось выгнать в поле, бросал косу после двух махов и бежал на озеро купаться или принимался кривляться и паясничать, завлекал девок, и тогда уже вся работа останавливалась. Потому что какая работа, когда перед тобой ходят на руках и во всё горло вопят похабные частушки. Мара, похоже, оставила надежду его приручить. Но велела взять Кешку на охоту. Зачем, интересно?

Кешка закинул за спину увесистую котомку. Всё справедливо. Он, человек из ниоткуда, только в носильщики и годен. Его и дядя Вадим за этим, бывало, с собой брал. Ружьё подержать давал, но стрелять ни-ни. А настоящих лучников, живьём, не по телику, Кешка видел всего раз в жизни. В городе, в скверике у краеведческого музея. Парни, ряженные средневековыми воинами, пускали стрелы в мишень. Зрителям тоже разрешали попробовать – за деньги. Не было и речи о том, чтобы просить у Козла на бездумную забаву...

– Я хотел на дальнее озеро идти, за утками, – заявил Блошка, перебираясь через палисад верхом, хотя до калитки было десять шагов. – Но раз вдвоём, можно и кого покрупнее словить.

– Лося, что ли? – Кешка соскочил следом.

– Ну, лося не лося... Не, на лося мы летом не ходим. Можно, конечно, но трудненько. А зимой видно далёко и листва, слышь-ты, прицел не застит. Мы его в зраки бьём. Сразу в оба. Сядут на деревьях два стрелка, вот хоть бы я и Чурся, загонщики на нас лося выведут. Мы с Чурсей перемигнёмся, раз-два и – вжжик! Хорошо, ежели враз попадём. А то он башкой мотнёт, и стрела мимо проскочит. Или ранит куда... Вот тогда разбегайся, братва!

– Врёшь ты всё, – сказал Кешка.

Блошка заржал.

– А ты тоже – на лося! Лось в наших местах – хозяин. Его даже медведь сторонится.

– Так чего ж у вас ограда такая хлипкая? Лось её вмиг проломит.

– Не-а, не проломит, – Блошка расплылся в гордой щербатой ухмылке. – У нас тын заговорённый. Не то что зверьё лесное, нечисть всякую внутрь не пускает, откуда она ни зайдё, хоть из-под земли, хоть с неба. Даже ракены к нам не залетают. Так-то.

– То есть по деревне можно спокойно ходить под Красной Луной, и ничего тебе не будет? – проявил осведомлённость Кешка.

– Да кажись, – Блошка замялся. – Мара, слышь-ты, говорит, кто сам беды не ищет, за тем и деды с небес приглядывают.

Бережёного бог бережёт, перевёл для себя Кешка.

Коротышка полез за ворот рубахи, вытащил наружу комок перьев и звериных зубов на кожаном шнурке.

– У меня оберег серьёзный, охотничий. Сама Мара заговаривала.

– Сама... А что, ещё кто-то может?

– Да девки наши пробуют. Маниська вон. Мара её отличает. Но Маниська больше по бабской части – хвори ихние, роды, детишки...

– То есть она тоже ведьма?

– Да какая из неё ведьма! – Блошка замахал руками. – Кто её слушать будет, Маниську-то?..

– А Мару, значит, слушают?

– Мару? – рыжий человечек повернулся к Кешке, глянул в упор. Снизу вверх, а показалось, что наоборот. Лёгкость исчезла из его тона. – Мара – это другое. Кто Мару не слушает, тот дурак!

Кешка кивнул. Люди в деревне, родители Блошки, Маниски, Прыни и остальных, не слушали. Их дети усвоили урок.

Некоторое время шли молча. Наконец Кешка решил, что выждал достаточно.

– А как Мара стала ведьмой? – он постарался изобразить уважительное любопытство.

Блошка фыркнул.

– Почём я знаю? Дед мой ещё без портов бегал, когда она в домике старого Роха поселилась. Поперву боялись её, однако ж уважали. Рох-то, слышь ты, знахарем был. Помирать собирался. Мара его выходила, так он потом лет десять ещё козлом скакал.

Когда дед бегал без порток... То есть минимум полвека назад, прикинул Кешка. Хмыкнул. Он бы старухе меньше двухсот лет не дал. Именно потому, что столько не живут.

– Наши гадали тогда, кто первым к предкам уйдёт – Рох таки или Мара. А бабы потихонечку к ней шастали, и всем она помогала. Потом даже в деревню перебралась, к Роховой дочери. А Рохова дочь Маниське матерью приходилась... Ой, глянь-ка! Попался, голубчик!

Кешка и не понял сразу, куда Блошка смотрит: длинное бревно среди вороха ветвей, обрубков палок, окровавленных перьев... Мёртвая птица лежала, распутив из-под бревна чёрно-белые крылья.

– Тетерев? – спросил Кешка.

– Глухарь. И здоро-овый, – Блошка одобрительно цокнул языком. – Ладно, пошли.

– Не заберём его?

– Не, ребятня потом пойдёт ловушки проверять, прихватит. А нам что, с собой его весь день таскать?

Кешка пожал плечами. Нет – и не надо.

– Так что Мара?

– А что – Мара? – Блошка смерил его взглядом. – Что ты к ней прицепился? Если хочешь знать, это она нам сказала, что ты придёшь.

Ничего Кешка толком из него не выпытал. Объявила Мара, что явится человек с Той Стороны. Надо его встретить и к ней препроводить. Живым и целёхоньким. Послала ребят к сожжённой деревне. Они припозднились чуток. Засекли пришлого, когда уже на холме стоял, озирался. И больше из виду не теряли.

Вели его, следили – чуженин-то, похоже, сам прямиком к Маре направлялся. Любопытно им стало – найдёт дорогу или нет. Но сказано же: препроводить. А если он сам на место явится, то они вроде как указания не выполнили. Да и боязно потустороннего в селцо допускать. С виду вроде человек, а там кто знает...

Блошка шёл впереди – легко, уверенно. Подпрыгнул, сбив наземь шишку с ветки над головой, поднырнул под длинный сук, выпрямился... Сверху ему на спину метнулось что-то мохнатое размером с белку. Кешка крикнул: "Берегись!" Вскинул руку – смахнуть... Остроносый зверёк с бурыми леопардовыми пятнышками на палевой шкуре приник к Блошкиной шее и сердито зачирикал на Кешку, разинув пасть с острыми зубами. Блошка погладил узкое тельце.

– Тише, Чмок, тише. Это Кен. Он тебя спужать не хотел, – и уже Кешке: – Не мельтеши, Чмок этого не любит.

Зверёк юркнул Блошке за пазуху, устроил под рубахой маленький ураган.

– Хорош щекотаться! – хохотал Блошка, извиваясь спиной.

Чмок выбрался ему на плечо и принялся чиститься, поглядывая на Кешку выпуклыми глазками. Щёки, грудка и кончики лап у него были светлыми, почти белыми.

Хорёк, куница, горностаи, перебирал в уме Кешка. Больно мелкий – сантиметров двадцать. Может, ласка? Но им вроде пятна не положены.

– Что за зверь? – сдался он.

– Лазица. А то не знаешь? – удивился Блошка. – Лазает везде. В мышиную нору пролезть может. А уж по деревьям...

Он почесал зверька под подбородком. Чмок ткнулся лбом ему в ухо и вдруг прыгнул вверх, будто подброшенный – Кешка едва различил в ветвях пятнистую шубку.

Блошка улыбнулся вслед хвостатому приятелю.

– Иди, охотись...

Бросил взгляд по сторонам.

– Ладно, не будем привередничать. Вот эта подойдёт.

Он пригнул к земле молоденькую берёзку, рубанул ножом у основания. Примерился, отсёк верхушку ствола и, усевшись на землю, принялся обтёсывать кору.

– Ты что делаешь?

– Лук тебе. Оно, конечно, так, детская потешка. Да и ты не мешало бы прежде высушить... Но всё ж не с голыми руками пойдёшь. У тебя вон даже ножа нет.

– Откуда? – Кешка вздохнул.

Блошка хитро сощурился.

– Ужли у вас на Той Стороне ножей не водится? Или вы, навий, железа чураетесь?

Кешка подавился собственным вздохом. В слове "навий" ему послышалось другое – что-то вроде "неупокоенные мертвецы".

– Чего-о-о? Ты меня за кого принимаешь?

– А лихо тебя знает, – отозвался Блошка, орудуя ножом. – С Той Стороны много чего приходит, только не люди живые.

– Опять врёшь? – обозлился Кешка. Нет, не врёт... – То есть ты пошёл со мной в лес, один, хотя думал, что я этот ваш... навий?

– А что, – Блошка выгнул обструганную палку в одну, в другую сторону. – Мне лешаки помогают, упыри не трогают, ракены стороной облетают... Смотри, тетиву я тебе свою ставлю, потом назад заберу. Для этой загогулины она дюже хороша.

Он достал из кармашка на поясе мешочек, из него – то ли кожаный, то ли нитяной шнурок.

– Не знаю, как там у тебя с упырями, – выпалил Кешка, – но я – человек. И не с какой-то там Той Стороны, а просто из другого мира, где живут такие же люди, как вы. Навий там отродясь не водилось, и красной луны у нас нет!

– Нет Красной Луны. Надо же, – удивился Блошка. – Ты стрелять-то хоть умеешь, человек?

– Не умею! – выкрикнул Кешка.

Он, конечно, видел, как лесные жители вечерами шепчутся со своим идолом, как кто-нибудь из парней, сидя во главе общего стола с одной стороны, роняет наземь кусочек хлеба, а с другой кто-то из девок льёт из кружки, бормоча: "Тебе, свет-отец, хозяин сущего, и тебе, мать-земля, хозяйка вещего, и тебе, огонь, и тебе, вода, и вам, предки-деды, духи-охранители, и тебе, хозяин лесов, и тебе, хозяйка стад, отведайте нашего угощения..." Он подмечал, как

многие складывали пальцы в странную фигуру, вроде фиги, и на миг подносили ко рту, шевеля губами, но никак не думал...

Погоди, так ведь это они от него фигами защищались, от зомби с Той Стороны!

Кешке стало тошно. Захотелось встать и пойти, куда глаза глядят, через леса, реки и королевства с сумасшедшими королями, только бы подальше от этих суеверных идиотов. Он даже поднялся на ноги. И снова сел – в глазах потемнело.

– Да ты не шуми, – сказал Блошка – серый силуэт, будто нарисованный простым карандашом. – Мара тоже говорит, что ты человек. А ей виднее.

Всё-таки врал, гадёныш.

Кешка зажмурился, а когда открыл глаза, тьма ушла. Над ним стоял Блошка, натягивая тетиву только что сварганенного лука и морщась, как от оскомины.

– Стрелы я свои тебе не дам. Ты с ними всё равно не справишься... Я тебя по-простому стрелять выучу.

Он показал Кешке тонкий прут, один конец заострён, другой – тупой, с глубокой насечкой. Блошка назвал её ушком. Насадил стрелу ушком на тетиву, натянул, спустил. Стрела со стуком впилась в берёзу шагах в пятнадцати.

С виду – совсем просто. Но когда Кешка попробовал повторить, оказалось, что тетиву он захватил плохо, стрела, упёртая в неё ушком, не захотела ложиться на древко, и за рукоять он неверно взялся...

– Пальцы делай прищепкой... Да нет, не так! Ну что ты за увальнь! – Блошка крикнул с досады. Вдохнул: – Может, тебе лучше копьё? Но ты ведь и с копьём не сладишь, а?

Первая стрела соскользнула и позорно шлёпнулась прямо под ноги, вторая пролетела метров пять и тоже упала плашмя, третья больно чиркнула по руке, зато шестая угодила в дерево, правда, не в то, в какое метил Кешка.

Лук, похоже, и впрямь был дрянноватый. Блошка клал мимо каждую третью стрелу, бранясь себе под нос. Цели он выбирал метрах в двадцати – Кешка на такие и не замахивался, а бегать за стрелами всё равно приходилось ему. С криками взвивались из листвы потревоженные птицы, сыпались на головы стрелкам листья и сучки, роняли еловую шелуху белки, шмыгали в траве грызуны, шуриша прошлогодним опадом.

Промазав в очередной раз, Блошка сказал: "Ну, хватит", – вскинул собственный лук, красиво изогнутый, лакированный, с утолщениями и накладками, наложил тёмную, густо оперённую стрелу, замер на миг... Если бы Кешка не приклеился к стреле взглядом, то вряд ли уловил бы момент, когда она хищно рванулась с привязи и унеслась сквозь узкий, одному Блошке видимый коридор среди ветвей и листвы.

Должно быть, точно в цель – Блошка подпрыгнул, потрясая луком и торжествуя вопя.

Потом от избытка чувств взлетел по наклонному стволу поваленного дерева.

– О-го-го-о! – прокатилось над лесом.

Расщеплённый край ствола опирался на комель в полтора человеческих роста. Блошка встал над обрывом, запрокинул голову навстречу солнцу, белеющему в кронах, и размахнул в стороны руки, словно впитывая в себя невидимую силу, разлившуюся в воздухе от его удачного выстрела.

А потом вдруг сиганул вниз, в заросли жимолости.

"Убьётся... – под раздаваемый вопль, под треск кустов и валежника пронеслось у Кешки в голове. – Хоть бы остался в сознании. А то как я потащу его назад, не зная дороги..."

Блошка возник перед ним, пыхтя и отфыркиваясь – растрёпанный, весь в древесной трухе и соре, в пятнах от раздавленных ягод, с улыбкой в пол лица.

Выпустил пар после возни с лохом из другого мира. Впрыснул в кровь адреналина.

Боже мой, он же не знает, что такое адреналин...

– Ну, хватит валандаться, – весело сказал Блошка. – Нам дотемна домой надо.

Подхватил с земли лук, колчан со стрелами и, не оглядываясь, порысил за своей красавицей-стрелой.

Бороздка – семечко, бороздка – семечко. Редис сорта "Престо". В голове песенка-прилипала про гейш и антигейш.

Любовь Петровна взглянула на небо, на голый пока сад и опять нагнулась к грядке. Это всегда успокаивало – простая знакомая работа, влажная земля на ладонях, ветерок на горячем от прилива крови лице и привязчивый мотивчик с бессмысленными словам. Сидят же люди, придумывают, хорошие деньги на этом загребают...

На душе и правда легчало, Любовь Петровна сама не заметила, как начала мурлыкать себе под нос.

И вдруг громом среди ясного неба – скрип калитки.

Через пол огорода, из-за сараев.

Слишком далеко. Наверняка послышалось.

Любовь Петровна распрямилась, остро сознавая, что Вадьки дома нет, Борька умёлся куда-то ещё утром, после того как... Она судорожно сглотнула. От утреннего визитёра в сознании остался чёрный провал. Даже лица толком не вспомнить – вроде загорелое, белозубое, как у артистов по телику, глаза чёрные, огненные. Но черты расплывались в мутное пятно.

Неужто вернулся? Привёл назад?..

Колька с Сашкой в саду. Лизка в доме. На виду только Ванька с Варькой, морковь сажают, да какой с них спрос? Но если кто из паршивцев не запер калитку...

Она споткнулась взглядом о брошенную у дорожки тяпку, покачала головой и двинулась к дому, не замечая, что вытирает руки прямо об одежду – ядовито-зелёную ветровку и хлопчатые тренировочные штаны.

Готовила себя, собиралась с силами, а завернув за угол сарая и увидев во дворе незнакомого мужчину, всё равно вскрикнула.

И только в следующее мгновение поняла – другой. Тоже высокий, лощёный, в начищенных до блеска ботинках. Машины она опять не слышала – но не мог же этот фразер пешком прийти! Две залысины по бокам высокого лба врезались в кудель коротко стриженных волос. Умник, видать. Плащ светлый. И не жарко им в плащах в такую теплынь....

Незнакомец что-то сказал. Сперва показалось, на иностранном языке. Потом смысл слов медленно проявился в мозгу – как изображение на фотобумаге. Любовь Петровна собралась ответить, что ничего не знает, и кто он вообще такой! – но с губ сорвалось другое:

– Уехала она. С вашим же коллегой. На обследование.

Будто подсказал кто.

Любовь Петровна уцепилась за спасительную мысль.

– Деньги выделил благотворительный фонд из Москвы, я вам на память название не скажу. Увидели её по телевизору и подумали, что...

Лицо незнакомца исказилось. А дальше он поступил удивительно. Издал звук, похожий на стон, вцепился себе в остатки волос и сел в своём дорогом кремовом плаще прямо на землю.

– Я опоздал! Во имя вечных сил, я опоздал! Дева-Мать, что же теперь будет...

Псих. Как есть, псих.

Любовь Петровна глядела на него, борясь с желанием выбежать на улицу и заорать во всё горло. Но вместо этого только еле слышно повторила слова странного пришельца:

– Что же теперь будет...

Глава 4. Красная луна

– Куда мы идём? – своё новообретённое оружие Кешка нёс в руке, не зная, куда деть.

– Подальше... – отозвался Блошка через плечо. – Нукошь, глянь, никак перепелиное гнездо? Сейчас яиц наберём, будет Чмоку потеха.

– А нам? Может, перекусим? – как по заказу, в животе заурчало. Утром Кешка не успел даже хлеба перехватить.

– Обожди немного... Я, слышь-ты, близ села не охочусь. Скучно. Люблю забраться туда, где ещё не был, дня на три, на неделю. Чтоб людей не слышно, понимаешь?

Шли ещё с час, пока не наткнулись на ручей. Он бежал серебряной змейкой, спотыкаясь о корни, на воде кружились листья, мелкие сучки, семена деревьев. Сквозь прореху в сплетении крон проглядывал лоскут синевы, в узком столбе света вились паутины. Пролетела галка, перечеркнув солнечный луч чёрным крылом.

– Здесь, – решил Блошка.

Только уселись, только разломили надвое краюху хлеба, как явился Чмок, будто почувал, и вылакал сразу три яйца. Сладко потянулся, для порядка пробежал язычком по шубке и затих, обернувшись вокруг Блошкиной шеи меховым воротником.

Кус хлеба, ломоть вяленого мяса, две головки мелкого, с шарик для пинг-понга, местного лука, сырое яйцо – и Кешку разморило. Он откинулся навзничь, глядя в путаницу ветвей над головой, где, как звёзды в ночи, искрами проблёскивало небо. Старая хвоя вперемишку с палой листвой слежалась в упругий матрац. Вздремнуть бы...

А Блошка встал, встряхнулся, как собака, и полез на раскидистый дуб, ловко цепляясь за суки и ветки.

– Ты куда? – оторопел Кешка.

– Слушать буду, – отозвался маленький охотник, усевшись в развилке могучих ветвей. – А ты сиди тихо, не шебуршись.

Кешка зевнул, заложил руки за голову. И этот – слушать. Ерунда какая-то. С другой стороны, отчего бы на сытое брюхо дурака не повалить? Он решил испытать упражнение из уроков Мары – не пытаться охватить слухом весь лесной шум сразу, а выделить один звук и двигаться следом... Вон сойка прострекотала. Идём за ней, за её голосом. Не отстаём. Как будто я спецгент и веду прослушку. На сойке микрофон, у меня на голове наушники...

Аналогия только сейчас взбрела Кешке на ум и показалась чертовски удачной.

Ему и правда удавалось не потерять в беспорядочном птичьем гомоне, в шуме крон горластую сойку. Или это воображение разыгралось? Внутри себя он ясно видел коричневатую птицу с чёрной головкой, присевшую поклевать желудей – слышал стук её клюва, щелчок, с которым жёлудь оторвался от стебля, шорох в листве и лёгкий шлепок оземь...

Солнечные блики, будто лучики карманных фонариков, гуляли по земле и листве. Шуршала в траве мышка-полёвка. Одиноким волк пробирался сквозь перистые листья папоротника. Пятнистый оленёнок на тонких ножках тянулся к материнскому вымени. Медведь... медведица с тёмно-бурой, почти чёрной шкурой лакомилась малиной, приглядывая за медвежатами, резвящимися вокруг коряги. Молодая косуля пила воду из крохотного озерца. Другая, чуть поодаль щипала листочки с ивовой ветви. Заяц сидел изваянием под кустом ракиты – только часто-часто дрожит чуткий носик, трепещут ушки...

Хороший был сон, жаль Блошка не дал досмотреть.

– На юге олени, на западе – косули, – деловито объявил он. – Идти что до тех, что до других... Не, до оленей поближе будет.

И пропустил с места, как спринтер. Кешка с трудом поспевал следом. Чтобы заставить топоты сбавить темп, спросил:

– Слушай, а чего у вас девки ночами, будто совы, по деревьям сидят?

– Как – чего? Невестятся.

Лазица под Блошкиным подбородком завоzilась, дёрнула круглым ушком, но глаза открыть не соизволила.

– В смысле? – не понял Кешка.

– Раньше девка, как в возраст входила, шалаш себе ставила. В роще где-нибудь или у пруда. По теплу, само собой. А сейчас Мара запрещает за тыном ночевать. Вот они и придумали на деревьях устроиться. Парней к себе зовут, какие по сердцу... А ты чего спрашиваешь? Сам-то каждую ночь к Маниське бегаешь.

– С чего ты взял?

– А то я не вижу? Нынче ночью тоже носило тебя... Лепень, дурья башка, думает, ты с упырями и злыднями якшаться ходишь.

Кешка застонал:

– Да не привык я ещё у вас, сплю плохо! Выхожу сон нагулять...

Блошка оглянулся на него с такой ехидцей, что Кешке кровь в лицо бросилась.

– Не был я у Маниськи! Мне вообще худенькие нравятся. Высокие.

Сказал и вдруг понял, что Ирку теперь тоже никогда не увидит – даже раз в год, случайно столкнувшись на улице, или пускай из окошка... Но это и к лучшему.

Он замолчал, а Блошка принялся делиться опытом – как ночевал с девками на деревьях, то с одной, то с другой, а они за него косы друг другу вырывали. Мара, по Блошкиным уверениям, любовные вольности не пресекала, а внебрачным детям даже радовалась. Кешка сперва удивился, не поверил. Потом дошло: их же мало, им плодиться надо.

– Стой, – сказал вдруг Блошка. – Ты дальше не пойдёшь.

Обернулся на потрясённое Кешкино молчание, вздохнул:

– Возни с тобой... Упустим сейчас добычу, слышь-ты, когда за новой рыскать? Нам к ночи домой поспеть надо.

Кешка поискал глазами солнце – огненный кружок, брызжащий лучами из-за верхушки сосны. Справа, если прикрыть левый глаз; слева, если – правый. За полдень. А возвращаться далеко. Да ещё с ношей...

– Припасы все один не жри, – инструктировал его Блошка. – По лесу не шустри сильно. Тут будь. Я скоро.

К ногам упала шишка – над головой, на еловой ветке, заклекотал, защёлкал клёст. Кешка поддел шишку носком кроссовки, она подскочила, покатила по сухой хвое, увязла в траве. Клёст с возмущённым криком сорвался следом. Кешка проводил его взглядом. Обидно тебе? Мне тоже. За каким лешим было тащиться в такие дебри, если главного я не увижу?

Блошка, предупреждая возражения, припечатал:

– Не вздумай за мной увязаться. Понял, человеке?

– А чего ряди горячку пороть? Ну, заночуем мы в лесу. Что страшного случится?

– Это я тебе потом расскажу, на обратном пути. Всё. Бывай.

Маленький, рыжий, в домотканом рванье, Блошка направился вглубь леса уверенно и легко. Кешка смотрел, как споро мелькают кожаные калуги, стянутые шнурком на лодыжках.

Говорят, настоящие охотники умеют ступать беззвучно. В общем лесном шуме он и правда не слышал Блошкиных шагов. А слышали ли звери... Что ж, это не его забота. Он подумал об оленях с оленёнком из своего то ли сна, то ли озарения. Ему совсем не хотелось видеть, как их убивают.

Блошкино "тут" было не поляной даже, а так, небольшой плешинкой между деревьями. Кешка повесил мешок на ветку, прошёлся туда-сюда. Оборвал пару ягод с куста дикого крыжовника. Кислятина! А осам нравится – так и вьются вокруг.

Он пожевал хлеба и решил, что из ожидания можно извлечь пользу. Не такое это мудрёное дело – стрельба из лука. Надо лишь упражняться.

Кешка выпустил подряд все пять стрел, выструганных для него рыжим охотником. Три поднял с земли, отмахиваясь от навязчивых ос, четвёртую вынул из ствола осины. Пятая... Кешка видел, как она ушла в листву ольхи. Раздвинул руками ветви...

Да что ж это такое! Осы озверели, лезут прямо в лицо!

Стрелу Кешка не увидел, зато упёрся глазами в серый, подвешенный у самого ствола кокон. Будто из войлока слепленный. Понял, что это такое, только когда из дырочки в основании показались друг за другом сразу три осы. Ещё одно насекомое бросилось ему в лицо. Кешка отпрянул, выпутываясь из плена листвы, взмахнул рукой – и вскрикнул. Тыльную сторону ладони точно сигаретой прижгли.

Только спокойно. Не делать резких движений. Осторожно пятиться... Оса, сердито жужжа, атаковала снова. Или, может, это другая? Чёрт возьми, да их десяток! Нет, больше...

Получив новый укус в предплечье, Кешка ещё крепился. Медленно отступал, молясь про себя: "Ну, пожалуйста, я же ничего вам не сделал. Я уже ухожу. Видите?" Но когда осы ринулись на него всем скопом, не выдержал и побежал, отмахиваясь изо всех сил, чтобы не подпустить насекомых к лицу.

Укусы в лицо и шею самые опасные, это он усвоил из Иркиных рассказов. Опухоль, отёк тканей может перекрыть дыхательные пути, и тогда кранты. А врачей тут нет... Потом он уже ни о чём не думал, просто бежал, нарочно бросаясь в заросли повыше, погуще. Стебли трав, ветви кустарников хлестали по плечам, по глазам. Грудь теснил, мешая вздохнуть, огненный ком. Кешка бы и в крапиву кинулся, лишь бы всё это кончилось. Подвернулась полынь. Высокая, она скрыла беглеца с головой. Пот заливал глаза, и было темно, и темнота мерцала...

А-а-а!

Земля ушла из-под ног, всё полетело вскачь – стебли полыни в семенах-пупырышках, кроны деревьев в вышине, и само небо, недостижимое, как родной мир, в котором ничего подобного не могло случиться...

Он лежал, крепко зажмурившись, слыша, как победительно жужжат проклятые осы, и вздрагивая каждый раз, когда в истерзанное тело впивалось очередное жало... Или это шумело в ушах и горело эхо старых укусов?

Кешка перевернулся на спину и наконец открыл глаза.

Что-то пролетело у самого лица.

Маленькое, чёрное.

Не оса.

Он обшарил взглядом травянистые склоны, далёкую синь в паутине ветвей. Пусто. Он лежал на дне неглубокого овражка, в двух шагах от ручейка, тонкого, как змейка. Надо было лишь чуть подвинуться, перевалиться на живот и погрузить лицо в холодные целительные струи, омыть руки, стянуть футболку, намочить и снова надеть, чтобы хоть немного унять боль и жжение.

Когда они отстали? Сколько времени он бежал вхолостую, надрывая лёгкие? Осы, наверное, смеются над ним в своём войлочном гнезде.

Кешка начал считать укусы. Плюнул. Попытался встать.

Ноги тряслись, но держали. Руки слушались. Глаза не заплалили. Легко отделался.

Хуже всего, если у тебя аллергия на осиный яд. Или на пчелиный, как у Ирки. Она до сих пор панически боялась всего чёрно-жёлтого, летающего и жужжащего. Даже сотового оператора выбрала так, чтобы не будоражил тяжёлые воспоминания.

Последний раз она приезжала в Сорную зимой, в новогодние каникулы. На ней была пушистая белая шубка до талии, а ниже юбочка короче некуда, тонюсенькие колготки и высокие сапоги в бахромах и блёстках. Он тогда глядел на неё и думал: застудишь себе всё, дурёха. А

её хахаль с лысой приплюснутой башкой в дублёнке нараспашку каждые три часа выбегал греть свою леворукую короллу-семилетку. Явно для понтов. Есть же всякие автозапуски и предпусковые подогреватели. Тоже мне, олигарха нашла...

Господи, как это всё далеко. В другой жизни.

Скоро он понял, что понятия не имеет, куда идёт. Сквозь ветви просверкивали солнечные вспышки. Скоро закат. Нет смысла искать плешину с осиным гнездом. Блошка не станет ждать до ночи. Надо возвращаться в село.

Утром восходящее солнце было справа, то есть на востоке – так? И теперь – справа, но на западе. Вот пусть там и остаётся. Хорошо бы сориентироваться поточнее. Посмотреть, с какой стороны растёт мох, где ветки гуще... Да кто ж их разберёт! Дома он всегда находил дорогу в лесу без этих премудростей. Само собой. Может, и здесь ноги вынесут, куда надо?

– А, вот ты где, злыднев хвост!

Кешка только и успел – скинуть кроссовки, вытянуть ноги и зажмуриться. Он не спал, это точно, просто немного расслабился...

Блошка возник из ниоткуда, неслышно, как лесной дух. А в доказательство своей полной материальности устроил такой концерт с "растудить твою через коромысло", что в ушах зазвенело.

Кешка попытался объяснить насчёт ос и гнезда.

– Да понял я, – отмахнулся Блошка, плюхаясь рядом на траву. – Но зачем ты по лесу, ровно заяц, петлял? Ос со следа сбивал, что ли...

Он пристроил между ног мешок, потянул завязки.

– Жрать хочешь? На, держи... И водички немного осталось.

Предложение было скудным: пол головки лука и краюшка хлеба.

– Лук разжуй и укусы натри, – посоветовал Блошка, – а то печёт, небось? Припрёшься домой весь красный да опухший, Маниська любить не будет.

Возражать не было сил.

– Мы сейчас пойдём назад, на ту поляну? – спросил Кешка.

– Чего ради? Нам тут разгуливать некогда. Из-за тебя и так дотемна не успеем.

– Я там лук оставил, – признался Кешка. – И стрелы... Не помню, как выронил.

– Да хвороба с ними! Охотником тебе всё равно не быть. А лук твой годен только детям малым играть. Но тетиву я снял, – Блошка похлопал себя по поясу. – Добрая тетива. Ладно, хорош рассиживаться.

Морщась от боли, Кешка натянул кроссовки, пристроил мешок на искусанном плече и поковылял вслед за напарником.

Воздух посвежел. Небо окрасилось розовым, облака – лиловым. Блошкин голос сливался с голосами леса в сплошной нестройный хор и лишь изредка взлетал отчётливым соло:

– А вот у меня тоже, слышь-ты, было раз. Лисица к нам повадилась курей таскать, и мы с ребятами пошли её выслеживать...

Кешка и не думал, что охотники так любят трепаться. Блошка травил байки нон-стоп: о встрече с медведем, о стычке с росомахой, о том, как зимой он переждал буран в обнимку с одиноким старым волком.

– ...дто почуяли, – долетали до слуха обрывки фраз. – Я за ними версты четыре гнался... хорошо прицелился... наповал... Эй, ты чего, как неживой? Нагоняй!

Рыжий замедлил шаг, поджидая Кешку.

– Дотемна не успеем, так, может хоть к полуночи, ежели мешкать не станем.

– Да объясни ты, в чём дело-то! – Кешка остановился, скинул с больного плеча мешок. – К чему эта гонка? Ты сам говорил, что на неделю уходил из деревни, в лесу ночевал, и ничего.

– Но не в Краснухину пору! – Рыжий аж подпрыгнул от возмущения. – Дурак ты, что ли? Ужли не знаешь... А и правда, не знаешь, поди?

Кешка энергично помотал головой.

Он ждал рассказа в духе Маниськиных легенд о богах и героях, но Блошка изложил самую суть – как её понимал. Красная Луна восходит раз в два месяца, держится на небе неделю, и именно в это время прилетают ракены. Откуда, злыдень их знает. Говорят, с Той Стороны. С Кешкиной или с какой другой, его, Блошки, не касается. Опасные твари, ростом малость пониже человека, а крылья в два раза шире размаха рук. Любят атаковать слёта, но и по земле неплохо бегают – как люди, на двух ногах. Когти у них – что у взрослого медведя, дыхание помрачает взор и рассудок. А крик – вроде человеческого смеха, только жуткий, на много голосов. Чем полнее Красная Луна, тем выше риск напороться на ракунов. Ну а пока Краснуха только прирастает...

– Авось, пронесёт, – закончил Блошка беспечно, а потом вдруг сделал свирепое лицо: – Вот ежели наших оленей волки сожрали, пока я за тобой по лесу бегал, самого тебя завтра на вертел насадим!

К счастью, добыча, спрятанная под валежником и еловыми лапами, осталась нетронутой. Рядом крутились две поджарые лисицы, но стоило Блошке вскинуть лук, как метнулись в разные стороны два рыжих вихря, закачались ветки.

– Так-то!

Блошка разгрёб завал – олешки под ним показались Кешке совсем маленькими, но примерно одной величины.

– А где оленёнок?

– Какой оленёнок? – не понял Блошка.

– Я думал, это оленёнок с матерью.

– Сдурел? Мы сосунков не трогаем. Ну-ка давай, нагибайся. И – взяли!..

Села на загривок душная мохнатая тяжесть – ничего себе, маленький! – Кешка крикнул, с трудом выпрямляясь.

– Ничего-ничего, – ухмыльнулся Блошка. – Думай, как завтра обедать сядем, и ты первым себе кусок выберешь. Так у нас заведено. Кто добыл – тому и право.

Он шёл впереди, и рыжеватая, в пятнышках, туша на его плечах подрагивала в такт шагам. Голова Блошкиного оленя свисала на сторону, с неё глядел мёртвый немигающий глаз. Кешка старался дышать ровно и не думать о том, что поклажа, давящая на плечи, шею, спину, тёплая из-за шёрстки, – такой же труп, и шея у этого трупа разворочена стрелой и заляпана чёрной, застывшей теперь кровью.

Небо над головой поблёкло, среди деревьев сгущались сумерки. Тускло проступала Зелёная Луна – надкусанный блин, еле заметно розовел серпик Красной... Звуки леса изменились, стали таинственными, жутковатыми. Темнело на глазах. Кешка едва различал Блошкину спину с поперечиной оленьей туши. Кожу щипало от пота, поясница затвердела, а топтать им ещё огого...

Стволы расступились, открыв обширную поляну, и будто вспыхнул ночник в тёмной комнате. Зеленуха сияла щедро, серебра траву, розовый месяц тоже старался изо всех сил. По открытой местности при таком освещении можно идти всю ночь, не то что по лесным дебрям!

– Может, тут и заночуем? – предложил Кешка.

Хотелось скинуть с плеч мучительную ношу, распрямиться, упасть в траву и глядеть на звёзды, не перечёркнутые решёткой ветвей.

– Только не на открытом месте, – отрезал Блошка.

Что-то тёмное чиркнуло по рогалику розового месяца – большая птица? Или показалось?

– Бросай оленя, – произнёс вдруг Рыжий севшим голосом.

– Ты чего?

– Бросай... и беги в лес. Ракен!

Уши заложило от пронзительного свиста, по затылку пробежал холодок.

Кешка кинулся к чёрной стене деревьев впереди, не понимая, отчего движется, будто сквозь воду, почему ноги так трудно отрываются от земли... Мощный толчок бросил его ничком, и он зарылся носом в траву, придавленный грузом и запахом смерти.

– Беги-и-и! – звенело в ушах.

Спасительная тень леса, распластавшись на траве, тянула к нему колышущиеся руки. Он рванулся – за воздухом и свободой, выпростался из-под оленьей туши. Нога угодила в ямку, невидимую в зыбком свете двух лун. Он упал. Глянул вверх: ракен был совсем близко, совсем низко. Такими в фильмах ужасов изображают химер или горгулий. Кожистые крылья со свистом взрезали воздух, на длинной, почти драконьей морде горели глаза – будто посадочные огни самолёта. Лунные блики играли на обнажённых клыках.

Безумие, но ракен, похоже, улыбался.

Скользкими от пота пальцами Кешка дёрнул из-под футболки медальон и выставил перед собой, насколько хватило длины шнура. Не смея закрыть глаза, не веря, что вот сейчас, прямо сейчас – боль, агония, и всё, конец, навсегда...

Его обдало ветром, над головой с жутким хлопком пронеслась тень, и зазвучал громкий язвительный хохот, издаваемый, казалось, полудюжиной глоток.

Кешка на карачках пополз к деревьям. В последний момент не выдержал – крутанулся ужом, чтобы видеть небо, упёрся плечом в шершавый ствол. Ракен шёл низко, скаля пасть, прямо на него, а Кешка лишь бесполезно сучил ногами, рыл пятками землю, зачем-то пытаясь встать.

Хищник вдруг прынул в сторону, широко разбросав серебряные от лунного света крылья, и Кешка увидел Блошку. Тот стоял в полный рост, не таясь, вскинув к небу натянутый лук.

Ракен нёсся прямо на него.

Стрела сорвалась с тетивы и ушла ввысь, навстречу клыкастой и когтистой смерти...

Ракен споткнулся в полёте.

Он падал. Беззвучно. Кувыркаясь в вышине.

Но у самой земли вдруг раскинул крылья и с многоголосым издевательским смехом спикировал прямо на Блошку.

Пока зверь вновь набирал высоту, пока разворачивался для нового захода, рыжий охотник успел скрыться под деревьями на другой стороне поляны. Руки его были пусты, и бежал он неуверенно, будто пьяный. Ракен приземлился, сложил крылья и двинулся следом на двух ногах, не быстро, но вполне уверенно.

Кешка снял медальон с шеи, обмотал шнурок вокруг запястья. Другого оружия у него не было. Но что, если на ракенов медальон не действует?..

Нутро свело от напряжения. Кешка двинул ногой – вырвал из земли с корнями, сперва одну, затем другую... Пошёл, ускоряя шаг, напрямик через поляну. Где-то в ночных небесах могли кружить другие хищники, но он не глядел. Просто шёл, держа наготове амулет.

Деревья приняли его под свою защиту. Он замер, озираясь. Лес мерцал, как заколдованный, и Кешка ясно увидел...

Двое на поляне. Ракен взмахнул лапой – небрежно, играючи, Блошка вскинул руку с ножом, защищаясь. Так фехтовальщики делают пробные выпады. Сейчас схватятся всерьёз... Вдруг зверь резко подался вперёд, из его пасти вырвалось розовое облачко, повисло над Блошкой светящейся кисеей.

Рыжий охотник отшатнулся, махнул ножом – как пальцем в небо. И принялся молотить руками – беспомощно, хаотично, шатаясь из стороны в сторону. Ракен не спешил. У Кешки возникло иррациональное чувство, что он наслаждается беспомощностью жертвы.

Сверху, из ветвей на монстра с пронзительным чириканьем ринулся маленький меховой снаряд. Чмок! Ракен подпрыгнул, хлопнув крыльями, извернулся, и боевой клич лазицы оборвался жалобным взвизгом.

– Кто здесь? Помогите! – тонким мальчишеским голосом крикнул Блошка, и этот крик горячим клинком воткнулся Кешке в грудь, рассекая сковавшие его путы страха.

– Стой!

Поздно.

Взлетела быстрая лапа. Блошка качнулся и боком повалился в кусты. Ракен двинулся к нему – добить, насытиться свежим мясом, горячей ещё кровью. Кешка был для него помехой, не стоящей внимания.

В глубине души шевельнулось: не стоит рисковать из-за убитого...

– Стой, кому говорят! – Кешка шагнул к твари, держа перед собой амулет. Он знал, что сейчас умрёт.

Ракен смотрел на него круглыми медно-красными глазами, светящимися, как у кошки, и с такими же вертикальными зрачками. В них были ум и холодная уверенность в своей силе.

Спокойно, не торопясь, зверь приблизился и выпустил Кешке в лицо свой розовый яд. Рой мерцающих пылинок повис в воздухе, адские гляделки ракена зажглись предвкушением.

Вот и всё. Совсем не страшно, успел удивиться Кешка.

В носу засвербело, и он чихнул.

Ракен склонил голову на бок, его зрачки сузились, во взгляде, горящем жаждой убийства, проступило новое выражение. Вопросительное...

"Кто ты?"

Кешка сглотнул.

Вывернутые ноздри хищника дрогнули – он принюхивался, красный огонь в глазах тускнел.

В крови загудело, не словами, а невесть откуда пришедшим знанием: "Иди своим путём. Не мешай".

– Нет, – с хрипом вытолкнул Кешка из пересохшего горла. – Он мой друг.

Ракен долго смотрел, не мигая, потом опустил веки и, развернувшись, потопал прочь. В отдалении хлопнули крылья. Яркой диск Зеленухи на миг запятнала чёрная тень. Она слагалась из двух длинных тел и одной пары крыльев: ракен уносил с собой добытого Блошкой оленя, держа его всеми четырьмя лапами. В порядке компенсации.

На одно безумное мгновение Кешке захотелось вот так же расправить крылья и полететь на зов нарождающейся луны, чей пунцовый серп на глазах прирастал, наливаясь багрянцем.

В чувство его привела боль в предплечье – правую руку с медальоном свело судорогой. Он начал разминать твёрдую, неподатливую мышцу, но у него подкосились ноги, он упал на колени и так, не в силах встать, ползком, двинулся к Блошке, простёртому в поломанных кустах. Маленький охотник слабо стонал, а над ним стрекотал, чирикал, суеился невредимый Чмок.

Глава 5. Сердце земли

Пекло адски. Жар солнца ощущался как физический гнёт, и лишь оказавшись в тени, можно было если не сбросить его совсем, то хотя бы ослабить. Раскалённый воздух пах сеном и потом, руки скользили по косовищу.

А дома май, пришла непрощенная мысль, и до летнего зноя ещё далеко...

Кешка всегда считал, что неплохо обращается с косой. Но одно дело накосить травы для домашнего скота, а другое – изо дня в день, в одном ряду с опытными и сноровистыми парнями, утюжить ниву живым комбайном, пока не онемеют плечи и не зарябит в глазах от волнующегося золотого моря. У здешних кос были слишком короткие ножи, неважно выкованные, слабо заточенные и скверно отбитые, о ручках на косовищах никто и не слыхивал. Кешку подняли на смех, когда промучившись пару дней, он срезал с вербы подходящую ветку, сделал посередине желобок и закрепил на рукояти, стянув концы конопляной верёвкой. Два вечера он убил, регулируя посадку ножа, а худой желчный Тюха, считавшийся мастером по косам, ходил вокруг и грозился "яйца оторвать", если криворукий чуженин испортит добрую вещь.

После всех этих манипуляций дела пошли лучше – Кешка всё ещё был среди отстающих, но уже не самым последним. Он косил чище и быстрее лентяя Валынды и медлительного Прыни, а время от времени опережал и мальчишку Лепеня. Но сегодня, похоже, не его день. Коса налетела на кочку, лезвие погнулось, и Кешка вытянул шею, отыскивая взглядом Велета. Он у косарей вроде бригадира – ни у кого больше нет точильного камня и бруска, чтобы прямить косу. Теперь пока догонишь, пока выправишь нож... Этак и Дий Валында его нынче обойдёт.

Конечно, никто Кешку не погонял, не стоял над ним с плёткой и секундомером. Но обидно, когда тебя за салагу держат. Вон даже девки, что жницы, что вязальщицы снопов, над ним подтрунивают...

Он хлебнул воды из берестяной фляги, и тут далеко впереди Велет, голый по пояс, весь багровый, лоснящийся, обернулся и крикнул:

– Кончай работу!

Дважды просить никого не пришлось. Парни побросали косы и гуськом потянулись к склону ближайшего холма, где тесной стайкой толпились берёзы.

– Я сбегая окунусь, – сказал Кешка в спины Стичу и Мухе. И не стал оборачиваться на девчоночки смешки.

Они будут лежать под деревьями, жевать с хрустом яблоки, лук, шамкать чёрствым хлебом, варить кашу, иногда ходить к роднику за водой, пересмеиваться, флиртовать, некоторые разбредутся парами по укромным уголкам. Жара тяжела только в работе. А когда зной спадёт, Велет снова выведёт их в поле, и они будут вкалывать, пока не стемнеет и не явятся первые звёзды.

Роща, в которую направлялся Кешка, была в три раза дальше, но мысль о прохладном тенистом озере придавала сил. Напиться вволю, нырнуть в глубину, смыть с кожи едкий пот – это же настоящее блаженство...

Разгорячённому телу вода показалась ледяной. Кешка выстирал футболку, когда-то салатовую, а теперь грязно-жёлтушную, и кинул на ветку – сушиться. Выплыл на середину озера, лёг на спину, наслаждаясь прохладой, свежестью и покоем.

Он давно потерял счёт времени, и где-то в череде горячих страдных будней заблудился его день рождения. Досадно, конечно. Но какое имеет значение – в мире с двумя лунами, первобытным устройством жизни и крылатыми монстрами в ночи – сколько ему лет? Он работал наравне со всеми, но слишком часто ощущал себя ребёнком, который многого не понимает, не знает, не умеет и не волен распоряжаться собой.

По правде, все они тут дети малые под Мариным присмотром.

"Я говорила тебе, что предчувствую события. Я знала, что придёт человек с Той Стороны и что он не враг нам, а большего мне видеть не дано, – вот и весь сказ. – Что ты хочешь от простой деревенской ведьмы?"

О стычке с ракеном Мара расспросила подробно. Кешка честно рассказал всё, что помнил, кроме тех нескольких минут глаза в глаза со смертоносной тварью... Он и сам не знал, то ли амулет позволил ему слышать мысли ракена, то ли просто померещилось от ядовитого газа.

Блошка, слава богу, поправлялся. Целыми днями грел пузо на солнышке, тешил девок байками об эпическом сражении с тучей крылатых монстров и, чуть что, задирает рубаху, демонстрируя свежие шрамы.

Мара сказала всем, будто в Кешкином Знаке, именно так – Знаке с большой буквы, заключена особая сила. Помноженная на мужество, в трудный час она дарует своему обладателю защиту от зла.

Про мужество это она, конечно, зря. У Кешки до сих пор руки холодели, когда он вспоминал красноватый огонь в медных зенках ракена. Но Мара знала, что делала. Ей поверили. И эта вера одним махом перенесла Кешку через пропасть, отделявшую иноземца без роду без племени от лесных жителей. Девчонки улыбались ему, парни похлопывали по плечу, и только некоторые, вроде Стича, стреляли украдкой недобрыми ухмылками, будто знали, что на самом деле Кешка не изгнал ракена, а договорился с ним. Ну да, я же друг упырей, злыдней, умертвий и вообще браккарийский шпион...

Чёрт! Кто здесь?

Кешка перевернулся на живот и поплыл по кругу, притворяясь праздным купальщиком, а на самом деле высматривая в прибрежной растительности чужие глаза. Казалось, они следят из-под каждой ветки, смотрят с каждого листочка, и само небо пристально наблюдает за ним с запредельной высоты.

Этот многоокий взгляд ощущался, как скользкое касание, и охватывал разом всё тело – сотня паучков-невидимок плела вокруг паутины, щекоча кожу лёгкими лапками.

Угроза, опасность – ничего такого Кешка не чувствовал, но от внимания незримого соглядатая корбило. Хотелось передёрнуться, сбросить невесомую сеть.

Где ты? Покажись, выдай себя!

Кто бы ни затеял эту игру, он укрылся хорошо – ни одного подозрительного движения в ветвях, ни тени или блика в жадных зрачках.

Кешка выбрался на берег, с трудом натянул липнущие джинсы на мокрое тело, наспех зашнуровал кроссовки. Влажную футболку надевать не стал, скатал в жгут, повесил на шею. Прошёлся, будто от нечего делать, и с места бегом кинулся в обход ивняка. Именно там, в густой, шелестящей завесе было проще всего спрятаться. Раздвинул ветви – никого. Одним злым рывком обломил с дерева сук и двинулся вдоль берега, шаря в зарослях.

В прогал между стволами брызнул солнечный луч. Паучий зуд прекратился – как рукой сняло. Под ногами проглянуло что-то вроде тропинки. Кешка вышел к небу и жёлтому жнивью, огляделся. На склоне соседнего холма под сенью раскидистых крон замерла женская фигурка.

Маниська!

Кешка взбежал по кособогу, поигрывая самодельной дубинкой – тонкие ветви дрожали, шелестя листвою. Отхлестать паршивку по мягкому месту!

Взгляд напоролся на поминальный столб в тени берёз... Стуково творение. Маниська обернулась на звук шагов со слабой, по-детски беззащитной улыбкой, на её щеках поблёскивали влажные дорожки, и палка в руках показалась Кешке глупостью.

Сегодня Маниська была другой – мягкой, свежей... Её руки, маленькие, но крепкие, тёмные от солнца и работы, вертели букетик жёлтых цветов. У подножия столба искрила вода в

миске, лежали в рядок съестные подношения – кусок хлеба, ломтик репы, гроздь смородины, горсточка орехов... Пиршество для птиц и мелкого зверья.

– Твои?..

Кешка показал глазами на столб. Ответ он знал. Но надо же было что-то сказать. Слова "сочувствую" или "соболезную" не шли с языка.

Маниська кивнула и, наклонившись, прислонила букетик к краю миски. Ветер взметнул её небрежно подвязанные волосы – пушистые, блестящие.

– Мама, отец. Старшие братья. Двое женаты, третий только в возраст вошёл... И сестричка, три двулунья как родилась.

Кешка уже знал: двулуньем называли период от Краснухи до Краснухи.

– Мама трудно её рожала, чуть к Хозяйке не ушла. Вот и любила больше всех. Мне, помню, обидно было, что Фальку она при себе оставляет, а мне с Марой идти велит. И невестки, глядя на неё, своих сосунков не отдали. Многие так сделали... Знаешь, упыри с Ракры повырывали сердца у всех, кроме стариков и младенцев. Тела сильно обгорели, мы не сразу заметили...

– Зачем? – тихо спросил Кешка.

Маниська подняла на него глаза, маленькие и чёрные, как смородинки на чуть вялой уже веточке – её дар погибшей родне. В зрачках зияла космическая глубина, и глубина эта мерцала...

– Они служат богу смерти и кормят его человеческими сердцами, а взамен он даёт им жизнь вечную. Я спрашивала Мару, неужели наша Мать, Хозяйка полей и рек, хлебов и стад, Подательница жизни и смерти, и наш Отец, Хозяин лесов, Солнечный всадник, Небесный кузнец, Возжигатель огня, и девять братьев, и девять сестёр, наши духи-предки, наши деды и матери... неужели все они слабее одного злого бога с чужого острова?

– И что она сказала?

– Что боги не в ответе за тех, кто пренебрегает их советами и остережениями. И ещё: в делах людских не ищи помощи у богов.

Маниська опустила голову, прижалась лбом к столбу – грубому, занозистому, обтёсанному неумелой мальчишеской рукой. Корявая рожица богини – точка, точка, два крючочка – глупо ухмылялась над Маниськиным затылком.

– Хочешь, – спросил Кешка, помедлив, – я сделаю вам новый поминальник? Такой же красивый, как те, в роще. Даже лучше.

– А ты сумеешь? – Маниська глядела на него вполоборота, всё ещё прижимаясь к столбу, и в беспросветной тьме её глаз разгорались звёзды.

– Сумею, – ответил Кешка твёрдо.

Он сам заточит резцы так, как нужно, он растолкует Ламсе-кузнечихе, какими должны быть настоящие столярные инструменты...

– Объяснишь мне, что всё это значит? – он провёл пальцем вдоль схематичного изображения птицы. – Я должен понимать, что делаю.

– Конечно, – Маниська взяла его за руку. – Пойдём, расскажу.

Она повела его вдоль границы рощи и поля, глубоким напевным голосом говоря о боге по имени Сновид, который был прежде всего сущего – земли, и неба, и огня, и воды, и дня, и ночи, и зимы, и лета, и жизни, и смерти. Он стоял посреди великого ничто, погружённый в беспробудный сон, и не падал, потому что верха и низа тоже не было, и не имело значения, стоишь ты или лежишь. Во сне он видел дивные сады, прекрасных дев, хрустальные реки, оленей с золотыми рогами и алмазными копытами... Он стоял неподвижно целую вечность, и птицы свили гнёзда в его непослушных кудрях, змеи свернулись вокруг его ступней и белка устроила себе дупло в его пупке...

Кешка хотел спросить, откуда взялись белка, птицы и змеи, если ничего не было, но Маниська вдруг присела под рябиновым кустом и его потянула за собой. В тени обнаружилась расстеленная скатёрка, на ней лукошко с малиной, кувшин молока, прикрытый тряпицей, и узелок, полный снеди.

– Голодный, небось? – улыбнулась Маниська, раскладывая на скатёрке ржаные лепёшки, репу, вяленое мясо, головки маленького длинного лука.

– Ого, да тут на всех хватит!

– Все – перебьются, – отрезала Маниська. – Давай ешь.

А в ближней к полю роще в это время вместе с другими обедал Прыня. Он видел, что Кешки всё ещё нет, и Маниськи нет. Даже такой тугодум в силах сложить два и два... Съестные запахи щекотали ноздри, живот подвело до боли. А, чёрт! Мы же ничего не делаем, просто перекусываем вместе.

Он впился зубами в полоску вяленой оленины, слушая страшную историю о том, как Хозяин и Хозяйка разрубили спящего бога на части, чтобы дать начало миру. Из головы его вышли небо, и тучи, и птицы, из чресл – пещеры и подземелья, змеи, черви, лягушки и мухитрупоеды, а из торса – земля и всё, что на ней. Кешка больше не спорил и не удивлялся – работал челюстями, поглядывая на далёкие, у самого горизонта, облака. Волнистые пряди тянулись неспешным караваном – мимо – словно насмехались.

– Может, всё-таки дойдут к нам. Дождик принесут...

– Чтобы урожай на корню сгубил! – взвизгнула Маниська.

Какой всё-таки у неё голос: то журчит ручейком – заслушаешься, а то – бритвой по нервам.

– Чтобы посвежело чуть-чуть, – возразил Кешка. – Короткий маленький дождик.

– Маленького дождика не будет! Будет сильный, страшный ливень, с градом, он прибьёт хлеба к земле, выколотит зерно из колосьев и превратит нивы в болота!

Маниська схватила из лукошка горсть малины, бросила себе в рот, запила молоком.

– Мара боится, мы не поспеем с уборкой.

– Так что ж народ тогда по полдня баклуши бьёт? – спросил Кешка не без опаски. А ну как Маниське взбредёт в голову поднять его с мягкой травы, из тени, и погнать снова на полевою каторгу.

– В такой зной работать – удар схватить можно, – покачала головой Маниська. – А Мара говорит, что не знает, когда именно придут дожди.

– И придут ли вообще?

– Нет, придут, придут, это точно! Я и сама чую. Страшные ливни. Но вот когда... В прежние годы такой неясности не бывало. Уж про погоду-то Мара всегда знала наверняка. А нынче... Под конец весны снег выпал – виданное ли дело! А луну назад на посевы гусеницы мотыльковые напали. Если б Мара с ними не договорилась, не было бы у нас теперь урожая. Их так много никогда не родилось, и злаки они не ели – больше горох, огурцы, редьку, брюкву... А тут бедствие какое-то!

Про погодные неурядицы Кешка слушал вполуха – пареная репа в меду оказалась на диво вкусной штукой, а из местных суеверий подтвердилось пока только одно, про ракенов, и то с оговорками.

– И как Мара с ними договорилась? – он хлебнул молока и боком лёг в траву, подперев рукой голову.

– А так. Прыня с Велетом её из леса по очереди на руках несли. Она ночь в поле посидела, с гусеницами, что колоски обсели, побалакала, а наутро они взяли и ушли. Ни единой не осталось на наших полях. Не веришь? Ешь давай...

Она попыталась всыпать ему в рот горсть малины. Ягоды покатались на грудь, одна застряла в резьбе медальона, Кешка её выковырнул и бросил в лукошко.

– Вот дурачок упрямый, – засмеялась Маниська.

Она упала навзничь, затем приподнялась на локтях и, облизнув губы, с улыбкой поглядела на Кешку. Он осознал, что футболка всё ещё висит у него на шее, точнее валяется рядом, под правым плечом.

– Не надо, не надевай, душно же, – Маниська придвинулась к нему, села. – Уж так душно...

Она ловко сволокла с себя через голову полотняную рубаху и, сорвав веточку с куста, принялась обмахиваться. Кешка старался смотреть на небо – никак и над головой белое волоконец показалось? – на листья рябины, дрожащие от слабого и горячего ветерка, на хлеба, клонящиеся под тяжестью колосьев, а видел только, как волнуются при каждом махе веточки грузные, круглые Маниськины груди, светлее шеи и рук, но всё равно бронзово-смуглые, будто солнцем налитые, с широкими тёмными пятнами сосков...

– У меня от этой жары аж сердце частит, вот послушай.

Маленькие крепкие пальцы схватили Кешкину ладонь, прижали к мягкому, упругому, горячему... Стало и правда душно, тень куста больше не спасала от жары – от жара внутри, в десять раз горячее, чем снаружи.

Это не было нужно ни ему, ни ей, тем более вот так, прямо на поле, под жиденьким кустиком, на виду у всего света. И Кешка вытолкнул из себя слова, которые наверняка остановят её – прямо в раскрытые близкие губы:

– Манись, перестань... Что Прыня скажет?

Она сердито отбросила его руку.

– А что – Прыня? Он мне не муж! Кого хочу, того люблю.

И вдруг потянула носом воздух, вскинула лицо к небу.

– Ох, похоже, и правда грозе быть.

Кешка обрадовался перемене темы.

– Откуда ты знаешь?

– Чую. Ты сам прислушайся.

– Не умею. И, честно говоря...

– У вас на Той Стороне что, и слушать не умеют? – удивилась Маниська. Искренне, по-детски, как удивлялась поначалу его незнанию местных легенд.

Кешка промолчал. Он устал объяснять, что "на Той Стороне" тоже живут люди, по-другому живут, и это не значит плохо.

Хоть бы оделась она, что ли. А то и правда сейчас Прыня заявится...

– Тебя же Мара учила!

– Учила да не выучила, – Кешка пожал плечами. – Не понимаю я, как это у вас выходит.

– А вот я тебе покажу – как.

Маниська ткнула ему кулачком в солнечное сплетение.

От неожиданности Кешка опрокинулся на спину, а она тут же легла ему на грудь, прижалась щекой, ухом – жаркая, пышная – укутала волосами. И замерла, задышала ровно, будто уснула.

Кешка приподнял голову, вглядываясь ей в лицо сквозь спутанные пряди. Левый глаз и правда закрыт. Правого не видно.

– Маниська, – негромко окликнул он. – Ты чего?..

Она не шелохнулась.

А в общем, это было не так плохо – чувствовать шеей её дыхание, ощущать животом жгучее давление груди. Жар, только что казавшийся нестерпимым, переродился в приятное тепло. Кешка глядел на небо, синее-синее, в редких белых мазках, и думал почему-то о море из телевизионной рекламы. Сапфировая рябь вдали от берега, вблизи – прозрачная бирюза в

россыпи солнечных бликов. Белый песок, пальмы и двое на берегу – идеально загорелые тела, распластанные в блаженной неге...

Иркин хахаль возил её в Турцию, и они вот так же лежали у прибой, она – длинноногая, тонкая, в отчаянно смелом бикини, и он... О нём думать не хотелось. И о злых словах, которые бросила Ирка ещё в первый приезд, когда Кешка, дурень, взялся попрекать её... "Ты думаешь, чего я с тобой целый год возжалась? Любовь-морковь у меня к тебе была, что ли? Да просто в нашей дыре одни придурки и алкаши! А на безрыбье, сам знаешь..." Теперь это неважно. Всё равно он никогда...

Маниська вздохнула, шевельнулась, села, сонно моргая. Без неё стало легко, но... пусто.

– Так вот оно какое – море. А я думала, это что-то вроде озера, только побольше.

– Я сам моря живьём никогда не видел, – сказал Кешка. – Это просто картинка...

– Но ты знаешь, какое оно. Ты мне показал. Я слышала шум и запах...

Шум и запах? В его голове было только изображение с телеэкрана. Кажется...

– А эта, твоя, – Маниська скривилась. – Ты ей не нужен был. Так, время скоротать. У вас в деревне-то парней мало. Да к тому ж она тебя старше.

– Всего на год, – ошарашено промямлил Кешка.

– И ростом выше.

– На два сантиметра...

– А грудь у неё цыплячья, зад тощий, зато губяки – во...

Она выпатила, вывернула губы, презрительно дунула.

Кешка рассмеялся бы – или обиделся – если бы не был так потрясён. Ладно, Мара – она и на человека не похожа, но эта разбитная деваха походя прочла, что у него на душе!

– Слушай, как это у тебя получается?

– Просто... – лукавая усмешка. – Хочешь, научу? Ты только делай, как я скажу.

Маниськины пальцы пробежали по его груди, юркнули под пояс джинсов.

– Не напрягайся. Лежи, как лежал. Закрой глаза. Думай о море, – приговаривала она, растёгивая ему ширинку с такой ловкостью, словно всю жизнь имела дело с металлическими кнопками и замками-молниями. – Ой, какой ты беленький.

– Ну да, беленький, – пробурчал Кешка. – Весь сгорел.

– Значит, красненький, – Маниська хихикнула. – Ты лежи, не болтай.

Зашуршала ткань, на бёдра ему опустилась жаркая влажная тяжесть, и стало всё равно, увидит ли их кто-нибудь, и что сделает Прыня, если узнает... Маниська склонилась, накрыла его собой, оставила во рту вкус малины и снова выпрямилась. Солнце запуталось в её волосах, рельефно очертило контуры тела.

– Закрой глаза.

– Не хочу.

Ему вспомнился старый журнал со статьёй про каменный век. Там была фотография уродливой статуэтки, найденной при раскопках. Тоненькие ручки поверх непомерных грудей, свисающих почти до пупа, толстый живот над слоновьими бёдрами. И название – Неолитическая Венера. Ему было тогда лет тринадцать, и взглянув на картинку, он рассмеялся в голос. Уподобить это чудище богине любви, которую в учебниках изображали мраморной статуей с острова Мелос, было так же нелепо, как сравнить кочан капусты с розовым бутонem. Он, конечно, прочёл учёную статью, но согласиться с образом, выбранным древними для поклонения, не смог.

Сейчас, глядя на Маниську, он подумал, что богиню плодородия надо лепить с неё. Он сам, если сложится, вырежет из тёплого жёлтого дерева именно такую – спелую, будто слива, из которой вот-вот брызнет сок, без единой жиринки в широких крепких бёдрах, пружинистую, жарко-бронзовую...

– Слушай меня. Слу-шай. Слу-шай, – на вдохе и выдохе повторяла Маниська.

И Кешка всем телом ловил звуки её голоса и дыхания, и сердце его колотилось в такт с ритмичными толчками, от которых гудела земля и пульсировало небо, становясь то ярче, то бледнее. Кешка тонул в этом мерном гуле, идущем, казалось, из самых глубин, словно там, погребённый в недрах, бил гигантский колокол.

Гул раскатывался вширь. По полям, по лесам, по горам – ровный, привольный. По дну рек, озёр, по болотам – вязкий, глухой. Помноженный на топот ног и цокот копыт – в пыли дорог. Гулкий, многоголосый – по городам.

Ту-тумм, ту-тумм, ту-тумм.

Грудь распирало от этого тяжёлого, громового биения. И вдруг сжало так, что глаза полезли из глазниц, а небо заволокла чёрная метель.

Тум... тум-ту... сбилось с ритма сердце.

Внутри стало больно и горячо...

Ту... тум...

Опять стиснуло.

Кешка хватал ртом воздух, силился вздохнуть и не мог.

Ту-тумм, ту-тумм...

Отпустило.

Он попытался вырваться из пут рваного убийственного ритма. Но наползла тьма, ударила хлётко, градом пуль. Нет, просто градом...

Ту-тумм... Ту...

– Кен, Кен, что с тобой? – Маниська теребила его, трясла, и её испуганное лицо опять стало некрасивым, серым от ввевшейся пыли.

Кешка лежал слабенький, потный, чуть богу душу не отдавший.

– Буря... страшная... совсем близко... надо предупредить...

Губы не хотели шевелиться, но он повторял, еле-еле, шёпотом, пока Маниська не услышала. Она вскочила на ноги, вытянулась всем телом, застыла на пару секунд, как степной суслик, выглядывающий коршуна, и начала быстро одеваться.

– Мара уже знает, – она присела над Кешкой, пытаясь натянуть на него штаны. – Там ребята с подводой. И наши уже идут.

– Я сам, – он хотел оттолкнуть её руки, но смог только чуть приподняться.

Теперь он видел: край неба пучился сизой мглой, и мгла эта, сплошная, с лиловыми сплохами, пёрла стеной, как девятый вал.

Маниська помогла Кешка встать. С трудом он натянул футболку – и снова взмок.

Мара прислала нескольких взрослых ребят, остававшихся в лесном селе, и подростков лет десяти-двенадцати. Парни и девки волокли к подводе тяжёлые снопы, детвора собирала сжатый, но не связанный пока хлеб, какой-то олух – издали Кешка не разглядел кто, да и в глазах двоилось – взялся косить.

Телегу нагрузили высоко, пара снопов свалились наземь, и старая гнедая кобыла, единственная пережившая браккарийскую бойню, тяжело потянула воз к лесу. А люди образовали цепь, переправляя в рошу, под защиту деревьев, оставшиеся снопы.

Надо было идти – помочь им. И Кешка пошёл, сперва опираясь на Маниськино плечо, заплетая ноги во ржи, мечущейся под резкими порывами ветра, потом сам. Он почти добрался до пары берёз, одиноко торчащих среди взволнованного золотого моря, когда всё случилось.

Поле накрыла темнота, ударил ветер, едва не опрокинув Кешку навзничь. Небосвод расколол огненный трезубец, туча полыхнула кровавым отсветом, и прокатился грохот – будто выпалил залпом дивизион тяжёлой артиллерии. Хлынул ливень. Небесная вода слепила глаза, била в ноздри, в рот.

Кешка бросился к берёзам. Увидев, что Маниська отстаёт, схватил её за руку. Ветер подстегнул их в спины, и через мгновение оба прижались к мокрому скользкому стволу. Кешка вздохнул поглубже, проморгался – и понял, почему замешкалась Маниська.

Прямо на них из распавшейся, разбежавшейся кто куда цепи, шёл Прыня. Ветер бил ему в лицо, он кренился вперёд, с бычьей яростью тараня острой макушкой штормовую преграду, и шёл – мокрый и страшный. Если дойдёт, Кешке с Маниськой конец. И отцепиться от дерева нельзя, их потащит точнёхонько на Прыню.

Маниська что-то крикнула, но ветер унёс её голос, длинные мокрые волосы змеями облепили Кешке лицо...

Драться с Прыней он и в лучшей форме не мог, а сейчас сил хватало лишь на то, чтобы не разжимать рук, обхвативших ствол. Что остаётся? Кинуть себя в объятья ветра, навстречу ревнивцу, чтобы дать Маниське время убежать в рощу к остальным? Если она выдюжит против бури, если не бросится, дура, спасти его...

Кешка поднял глаза к небу. В клубах мрака беззвучно просверкнула багряная зарница, словно ухмылка демона.

Потом – новая серия раскатов, белый росчерк над головой, запах озона, гари.

И треск, слышный даже сквозь вой ветра и шум дождя.

Вторая берёза, в пяти шагах от первой, рухнула, мотнув растрёпанной зелёной гривой – прямо на Прыню.

Долгое жуткое мгновение Кешка с Маниськой ждали, что листва сейчас вздыбится, из неё выйдет Прыня, целёхонек, и снова пойдёт на них, как... Терминатор.

Именно это сравнение пришло в голову Кешке. О чём думала Маниська, знала только она сама.

Но мгновение кончилось, и оба они, не сговариваясь, встали на колени и поползли по мокрой измочаленной стерне – мимо расщеплённого пня, вдоль ствола, блестящего от небесных слёз, к хаосу листвы, из которого торчала наружу огромная босая ступня.

Путаясь в ветвях, мешая друг другу, они сволокли дерево с упавшего.

У Кешки бешено стучало в висках, перед глазами роились чёрные мухи, но он видел, что Прыня лежит не шевелясь, его правая нога неестественно вывернута. На рассечённом виске выступала кровь, её тут же сметало потоками воды.

Только сейчас Кешка сообразил поискать у Прыни пульс.

Лазурно-белые стены в лепных гирляндах, тонкий узор лишь слегка тронут позолотой. Вместо роскошной живописи парадных залов – сдержанная простота гашрейнских свитков с горными пейзажами в жемчужной дымке утреннего тумана. Ощущение прохлады и света. И юная дева у ног короля – как присела в глубоком реверансе, так и замерла, низко склонив голову.

Со стороны это выглядело красиво – пышная юбка расстелена по полу, белокурые волосы, собранные в высокую причёску, сверкают в лучах солнца. Будто поникший голубой цветок с золотой сердцевинкой... Но Питнубий знал, что под юбкой она стоит одним коленом на голом мраморе, а может и двумя – для пущей устойчивости. Он длил паузу, дожидаясь, когда она не выдержит, шевельнётся, выпрямится, подаст голос, но благородная дама Эрвинда, дочь графа Мирая, казалось, сама обратилась в мрамор.

Ему наскучила эта игра.

– Пол холоден, сударыня.

Она чуть заметно вздрогнула и подняла глаза, тёмные от страха.

– Не бойтесь, сударыня. Мне не нужна ваша жизнь, только ваше тело.

– Да, мой повелитель.

Он внутренне рассмеялся облегчению, которое прозвучало в её голосе.

– Прошу вас, встаньте.

Голубой шёлк всколыхнулся, зашуршали юбки – благородная Эрвинда поднялась с грацией нимфы. Но она всё ещё трепетала, отводила взгляд...

О, бездна! Все они считают его кровожадным чудовищем.

Ему вдруг расхотелось... того, для чего он её пригласил.

Неужели такова цена? – подумал он. Отмирание обычных человеческих желаний. Даже не человеческих... Звери, и те ищут, с кем утолить похоть, а совокупляясь, получают наслаждение. Он вообразил, как опрокинет Эрвинду на кровать – в брызгах жемчуга с разорванного платья – и возьмёт всё, что может взять мужчина от женщины, а потом в нетерпении раздерёт ногтями её грудную клетку и вырвет тёплое, трепещущее сердце...

Нет-нет-нет! Это ему вовсе не нужно. К чему убивать без нужды? Он хочет править этими людьми, а не истреблять их.

Люди... Бараны, покорно идущие за скотником на убой. Зачем нам дан разум – чтобы осознавать краткость жизни и неотвратимость конца? Он намерен избежать смерти, коль скоро такое возможно. А остальные? Глупцы! Почему они даже не пытаются?..

На столике из кости огромного мохнатого слона, жившего далеко на севере, стоял серебряный поднос. В хрустальном графине искрилось камрейское вино, тёмное, как кровь, наверняка приправленное возбуждающим зельем. Он наполнил бокалы.

– Вина, сударыня?

– Да, пожалуйста.

Тонкие пальчики стиснули ножку бокала.

Милая, нежная Эрвинда. Наверняка женщины её рода здоровы и плодовиты. Вяйнав очень внимателен к таким вещам, он тщательно выбирает племенных кобылок для своего короля в надежде, что не та, так эта произведёт на свет наследника.

Болван!

Король улыбнулся, и девушка несмело улыбнулась в ответ. Где ей понять...

Он сам собирался быть собственным наследником. Жить не просто долго, как слуги Шалаоха, а вечно. Всегда. Они думают, что подчинили его, что он поднесёт им истинное бессмертие, как полководец подносит трофеи своему владыке. Но в его руках ключ к власти, им не доступной. Вместе с даром бога смерти этот ключ откроет ему врата бесконечности. Ни один из королей Майнандиса не обладал такой силой. Надменные слуги Шалаоха станут пылью под его стопами. Ведь даже их верховный магистр, он же архонт-прародитель, зовётся Сиг-Ше-Аггисри– Отстоящий-На-Шаг. На шаг от бессмертия...

Он попытался вообразить себе вечность. Века, тысячелетия, миллионы лет. Что будет с миром и с ним самим к концу времён? Однажды не останется ни людей, ни городов, ни растений, ни морей. Лишь он будет жить.

Король содрогнулся, представив себе эту перспективу. Но тут же отогнал страх. Возможно, к той поре, если всё пойдёт, как задумано, он овладеет достаточным могуществом, чтобы не сделаться правителем пустоты. Власть без подданных бессмысленна. Он желает этой стране добра. Что бы о нём ни думали.

Питнубий отпил тёмно-вишнёвой жидкости, глядя на девушку поверх кромки бокала, зная, что она истолкует этот пристальный, неотрывный взгляд как признак желания. И в самом деле – щёчки заалели, всколыхнулась грудь в тесных объятьях шёлка. Жаль, его это не трогает. И куда, о Прародитель, подевался вкус у вина?

В этот момент что-то неслышно поскреблось в его разум. Он сделал вид, что не замечает. Тогда в дверь постучали. Король дрогнул бровями, улыбнулся, изображая сожаление, и поставил недопитый бокал на поднос.

– Сударыня, я оставляю вас ненадолго.

Он был рад выйти из комнаты. Хоть и разозлѐн. Он же просил его не беспокоить!

Был только один человек, который отважился бы нарушить этот запрет. Айяда. Эмиссар Острова. Личный представитель Сиг-Ше-Аггисри Ордена Верных. Худощавый человек неопределѐнного возраста, как все они, с длинным горбоносым лицом. Одет, будто писарь магистрата в заштатном городишке.

Айяда склонился подобающе низко, подобающе долго оставался в этом положении. Но всякий раз, когда он кланялся, а потом распрямлялся, Питнубий видел его глаза – спокойные, равнодушные. Глаза уверенного в себе человека, знавшего, что за ним стоит власть – бѳльшая, чем власть того, кому он изъясняет покорность.

Интересно, он так же приветствует своего Отстоящего-На-Шаг? Ничего, проклятый трупоед! Настанет день, когда я вырву твоѳ сердце и заберу себе все остальные твои сердца, где бы ты их ни прятал. Если у вас хватит ума подчиниться, я буду давать вам крупички силы, как дают собаке кость...

– Я занят, Айяда, – король не счѳл нужным скрыть раздражение. – Что вам нужно?

Тень усмешки мелькнула в двух бледных омурах под чѳрными стрелами бровей.

– Я лишь хотел напомнить вам о просьбе моего владыки... – короткая, точно рассчитанная пауза. – Повелитель. Время идѳт, а мы до сих пор не знаем, кто вторгся к нам извне, сколько их и какие цели они преследуют. Думаю, – Айяда сощурился, – выяснить это и в ваших интересах.

Сыграть монаршее негодование? Даже притворяться не потребуется.

Нет, время ещѳ не пришло. Пусть продолжают считать его марионеткой.

Питнубий позволил себе досадливо поморщиться.

– Я же указал вам направление. Это больше, чем сделал бы любой колдун, даже старой академической выучки.

Тонкая трещина безгубого рта зазмеилась усмешкой.

– Вы – не любой. Вы хранитель и оплот Майнандиса, повенчанный с Девой-Матерью, Дающей и Отнимающей, вам ведомы нужды подвластных земель и слышны голоса их.

Король передѳрнул плечами.

– Возможно, они слишком далеко. Там, куда мне не дотянуться.

– Тогда вы не почувствовали бы их прихода и не подсказали нам, куда следует направить поиски. Мы всегда были вашими преданными друзьями, повелитель, а истинная дружба строится на взаимной помощи. Отчего же сейчас вы не хотите пойти нам навстречу? Отыскать нескольких чужаков в краю, где и людей не осталось – разве это не пустяк для того, под чьими стопами древний Знак сияет, подобно солнцу? Мой владыка глубоко опечален вашей несговорчивостью.

– Несговорчивостью? – король резко вскинул голову.

Мелькнула паническая мысль: они знают! Все его планы, все замыслы...

Нет, невозможно. Эти холодные мумии глухи, как статуи богов в главной молельне.

– Простите, ваше величество, я, кажется, неудачно выбрал слово, – ни тени суетливости или раскаяния. – Но виной тому лишь крайняя озабоченность. По вашим землям разгуливают могущественные колдуны. Это угроза не только для Майнандиса, но и для всего нашего мира!

– А девочка? – вспомнил король. Ему тоже есть, в чѳм упрекнуть добрых друзей. – Вы нашли её?

– Да, и скоро она будет в наших руках.

– То же самое вы говорили в прошлый раз.

Айяда опустил взгляд.

– Проникнуть на Ту Сторону нелегко даже верным Великому Шалаоха. Но мы сдержим обещание. А пока, молю, помогите остановить чужедальних лазутчиков! Поверьте, мой владыка не останется в долгу.

Мольбы в его голосе не было ни грана, были напор и многозначительность, от которых по спине у короля забегали мурашки.

– Хорошо-хорошо, – он вскинул руку, будто отмахиваясь от назойливой мухи. – Я всё сделаю.

Эмиссар вновь подобающе поклонился и отступил к выходу.

Хвала Прародителю!

У Питнубия чесались руки схватить с тумбы у стены вазу зинбарского фарфора и запустить в этого надменного упыря. Ещё чуть, и он бы не удержался.

Король толчком распахнул двери – и вздрогнул. Эрвинда всё ещё здесь. Он совсем о ней забыл. Но это к лучшему. Да. Ему надо развеяться.

Девушка лёгкой бабочкой порхнула навстречу королю. Он прошёл мимо, взял с подноса недопитый бокал, опрокинул в рот остатки вина. Не почувствовал вкуса. Плеснул ещё.

– Вы расстроены, мой повелитель? – прозвенел за спиной нежный голосок.

– Немного. Но я знаю, что с вашей помощью...

Он обернулся, изобразив улыбку, уверенный, что изобразил, но её лицо вдруг помертвело, она отшатнулась...

В следующее мгновение – ведь прошло всего мгновение, разве нет? – он обнаружил себя на четвереньках, во рту стоял вкус крови, в зубах каталось что-то тёплое, упругое.

Кровь была повсюду: на белом мраморе, на стенах и львиных лапах костяного столика, на голубом шёлке и серебряных кружевах, на когда-то прелестном личике, обезображенном болью и ужасом. И бисер, он всё-таки рассыпался... Из развороченной грудины торчали рёбра.

Питнубий с изумлением взглянул на свои руки, покачал головой. Он и правда сделал это? Сколько мыла понадобится, чтобы вычистить ошмётки мяса из-под обломанных ногтей.

Золотые локоны Эрвинды разметались по полу, драгоценный гребень в алмазах и сапфирах отлетел к стене. Бедное дитя боролось за свою жизнь.

Король запустил бурую от крови руку в густой шёлк волос и мысленно проклял Айяду: "Подлый упырь! Это всё из-за него. Он довёл меня до исступления. С какой радостью я сделаю с ним то же, что с бедняжкой Эрвиндой..."

Питнубий вдруг рассмеялся.

Его переполнял восторг, сила жидким огнём бежала по жилам. Любовный пыл ничто по сравнению с этим...

В глубине, под дворцовым фундаментом вздрогнуло и забилось чаще Сердце Майнандиса.

"Да! Всё верно, трепещи. Сегодня ты подчинишься мне – раз и навсегда".

Питнубий с грохотом распахнул двери, предвкушая, как вихрем промчится через анфилады залов и придворные в ужасе разлетятся перед ним, как сухая листва разлетается от дуновения ветра.

Он был на середине передней, когда пол ушёл из-под ног. Его окутало пульсирующее свечение, просочилось в плоть и кости, загудело в крови, грозя смять, захлестнуть океанской волной. Но сегодня он был сильнее. Эхо беззвучного взрыва разбежалось, как зыбь от брошенного в воду камня, в одно мгновение достигло пределов Майнандиса, и вернулось обратно.

Король широко улыбнулся. Теперь он знал, чем порадовать владыку Браккара.

Глава 6. Пришла беда

Мара позвала Кешку на следующий день после грозы. Он чувствовал себя неуютно босиком и в колючих конопляных штанах, которые раздобыла для него Маниська. Джинсы ещё не просохли, в кроссовках и вовсе лягушки квакали. Футболку усеивала сеть круглых дырочек, на спине и на боку – разрывы. Видела бы его тётя Люба – оборванец, да и только. Мара указала на топчан рядом с собой. Кешка предпочёл бы давешний пенёк для гостей. Со старой ведьмой лучше держать дистанцию, особенно сейчас, когда столько всего произошло и так муторно на душе...

– Маниська рассказывала тебе, что король Майнандиса, вступая на престол, заключает символический брачный союз с землёй?

От Мары тянуло прелью и тухлой. Весь её домишко, чудом устоявший во время грозы, пропитался сыростью. Земляной пол, присыпанный соломой, был мокрым и холодным.

Какие, к чёрту, короли, какие союзы – о чём она?

На тёмном, бороздчатом, как древесная кора, лице дёрнулся вверх-вниз угол щелевидного рта, дрогнул нос-сучок – Мара усмехнулась.

– Этот союз скрепляют многими ритуалами, один из них – соитие с жрицей богини Тан, Подательницы Выходов, на только что распаханном поле.

Кешка сжал руки и уставился в пол. Вот оно что.

– Тан – ипостась Девы-Матери, владычицы жизни и смерти... Того, что я скажу, ты сейчас не поймёшь, так что просто запомни. Этот обычай освещён веками, но в Сипре его с некоторых пор почитают варварским. Прадед нынешнего короля отказался выйти в поле к ожидавшей его жрице. Народ роптал недолго – все прочие ритуалы были соблюдены, Знак под стопами нового короля горел ярко, и Майнандис под его владычеством процветал. Так люди отринули старый обычай. Но земля помнит его и откликается на него. Значит, не всё ещё потеряно... Тебе кажется, что я говорю загадками?

Он повёл плечами.

Мара скрипуче рассмеялась:

– Да, я знаю, что произошло между тобой и Маниськой. Стыдиться тут нечего, дело молодое. А через костер ты с ней прыгать не обещался... Если она понесёт, лучше и быть не может. Нам нужна свежая кровь. Ты хочешь о чём-то спросить? – яркие нечеловеческие глаза сузились. Кешка не мог в них смотреть.

– Как Прыня?

– Жить будет. Ходить тоже, – Мара помедлила. – Боюсь только, охромеет.

И тогда Кешка решился сказать главное, то, о чём думал всё время в промежутках между тяжёлым сном, скудным утренним перекусом и попыткой поучаствовать в разборе завалов, которые ураган наделал в лесном селе. Маниська хворостиной прогнала его прочь – Мара, дескать, велела беречься. Добрая она, Маниська, доверчивая...

– Это из-за меня.

Мара, кажется, не поняла. Пришлось объяснить:

– Маньска же вам сказала, как всё случилось? Я знал, Прыня нас прибьёт. И молился, чтобы какая-нибудь сила его остановила, всё равно какая...

– Ах, вот в чём дело.

Старуха накрыла его руку своей бурой клешнёй – жёсткой и корявой, без капли тепла. Кешка приложил все силы, чтобы не вздрогнуть, не отшатнуться.

– Не вини себя, мальчик. Не в твоей власти призвать молнию, уж поверь. А направить её в нужное место в нужный момент не всякому учёному магу под силу.

– Но я чувствовал, как собиралась гроза. Этот гул, этот рокот, он прошёл через меня, и, наверное, какая-то связь между нами осталась. Звучит дико, я понимаю...

– Нет, Кен, ты слышал в своём сердце голос земли. А этот дар куда дороже умения швырять молнии. Скажи мне, ты понял, что произошло с тобой на поле?

– Я чуть не умер.

– Это потому что твоё сердце билось в унисон с Сердцем Майнандиса, а Сердце Майнандиса тяжело больно. Такое бывает, если король нарушает свои обеты. Или если на трон садится самозванец, не прошедший, как должно, все стадии коронации. Порой я думаю, что браккарийцы просто подобрали юношу, похожего на сына Зайдувиара и наделённого некоторым даром...

Зайдувиар. То есть Всевласт. А его сын – Питнубий. То есть Добродей.

– Впрочем, это неважно, – сказала Мара. – Важно, что претензии Майнандиса на Захотимье не лишены оснований. У нас принято, переселяясь на новое место, брать с собой горсть родной земли, чтобы не терять связи с отчим краем. И связь эта, как мы убеждаемся в последнее время, до сих пор крепка. Боль и муки Майнандиса отражаются на нас. Но это лишь слабые отголоски. Несчастья живущих по ту сторону Хотими должны быть стократ хуже. Только теперь я понимаю, как далеко всё зашло. Благодаря тебе, Кен, благодаря тому, что ты смог услышать и почувствовать...

– Но почему я, чужой человек, почему не Маниська? Она же ваша лучшая ученица! И другие – неужели за столько лет никто ничего не заметил? – Кешка сглотнул. – Мы же не одни на поле...

Он хотел сказать "трахались", но бледный огонь в глазах Мары полыхнул плазменным жаром и выжег не успевшее сорваться с языка слово.

– Верно, не одни, – медленно произнесла она. – И мне тоже очень хотелось бы знать, почему Сердце земли открылось именно тебе, пришельцу из иного мира.

Она смотрела на него так, будто и правда ждала ответа. Нет – будто ответ был ей известен и она надеялась, что Кешка его угадает...

– Пожалуйста, скажите мне, – прошептал он. – Если вы что-то знаете!

Голова, замшелая колода, качнулась из стороны в сторону, лунные огни в коровидных складках погасли и зажглись снова.

– Увы, мальчик. Я просто старая деревенская ведунья. Всё, что я могу, это помочь тебе развить твой дар.

В первое мгновение Кешка не понял. Потом сердце дрогнуло, и он заледенел, да так, что ни отодвинуться, ни встать не мог.

– Дай мне руки. Не бойся. Я покажу тебе, что единение с землёй может быть не только болью, но и радостью.

Кешка одеревенело вложил свои ладони в грубые, шершавые – Марины.

– Вспомни, чему я тебя учила. Расслабься. Прислушайся к шорохам и звукам там, снаружи. Растворись в них. Отыщи доминанту...

Он пытался, честно. Закрывал глаза, напрягался так, что мозг сводило. Всё без толку. Привычные голоса леса раздавались совсем рядом, громкие, разборчивые, но неживые, как из телевизора. Плоский, бессмысленный шумовой фон.

– Ты слишком напуган, – Мара вздохнула. – Поверь мне, Кен, сейчас ты не сможешь услышать Сердце Майнандиса, даже если очень постараться. Не бойся.

– Я не боюсь, – ответил он оскорблённо.

Соврал, конечно. И вдруг понял, что главный его страх – не тяжкая, давящая боль в груди, не колокольный бой в затылке, а вот это сидящее рядом нечеловеческое существо, которое держало его запястья, точно в оковах.

Что бы там ни творили короли Майнандиса, они далеко, а Мара здесь, и в своей маленькой лесной вотчине она больше, чем королева. Ей подчиняются, как высшей силе, без раздумий и возражений, и только Кешкина душа пока не в её власти.

Пальцы-сучки разжались.

– Попробуем по-другому. Там, на столе, – Мара вяло махнула тёмной клешней. – Возьми... Выпей.

Кешка протянул руку к кувшинчику из необожжённой глины – и отдернул.

– Что это?

– Дурманная трава.

Она призналась в этом с такой обезоруживающей лёгкостью, что на секунду Кешка заколебался.

– Поможет тебе преодолеть себя, – добавила Мара, и сомнения исчезли.

– Я не буду пить, – сказал он.

Мара не стала спрашивать почему. Видимо, поняла. Обмякла в своём углу топчана, полуприкрыла веки.

– Послушай меня, мальчик... Посмотри на меня. Я дряхлая, усталая старуха... – её голос сошёл на нет и вдруг взвился, ударил кнутом: – Пей!

Совиные глаза вспыхнули. Кешка утонул в их жёлтом мерцающем омуте, потом ощутил во рту горький вкус... Когда он успел взять чашу и отхлебнуть?

Его руки вновь оказались в руках Мары, голова чуть-чуть кружилась, и это было приятно. Стены лачуги раздались вширь, распахнулись навстречу зелёной гомонящей жизни. Навстречу звукам, которые распадались на десятки, сотни отголосков, и зверь, человек, насекомое, вековой дуб в этом хоре были равны, каждый вёл свою партию, и небо синело в вышине так звонко и празднично, что хотелось вырастить крылья и взлететь.

И он летел – вместе с сойками и галками, коноплянками и мухоловками, чижами и щеглами, прыгал с ветки на ветку вместе с белками и куницами, крался под навесом листвы с волками и лисами, нёсся вскачь вместе с зайцем, и трава хлестала его по носу...

Кешка опьянел от обвала новых, пронзительных чувств, и когда всё кончилось, рухнул без сил прямо на влажный пол, на склизкую солому, с изумлением глядя на Мару.

Как он мог жить без этого?

Мара улыбнулась.

Кажется, он говорил вслух. Ну и что? Страх порабощения, зависимости... Какая чушь! В любом случае, оно того стоило.

Ветка свисала низко. Хочешь – подними руку и рви листочки один за другим. Даже тянуться не надо. Листочки знали это и заранее дрожали от страха. Глупые, разве не видят, что ему лень? Кешка лежал под деревом, в стороне от детворы, слушал лес и удивлялся, что это у него выходит.

Было здорово ощущать, как у пня скребутся мыши, как зовут родителей голодные птенцы иволги и струится вдоль палисада, ограждающего лесное сельцо, невидимый в траве уж. Глазами Кешка не углядел бы его, даже если бы стоял в двух шагах... Стучали цепями ребята, девки мяли лён и пели песни, а слова в них были такие, что Маре следовало на месте испепелить охальниц своим колдовским взглядом.

Старая чародейка всё прекрасно слышала, но только улыбалась.

Надо же, он и это чуял!

Потому что её улыбка была похожа на урчание пригревшейся на печи кошки.

Где-то далеко, на периферии восприятия, шагал звериной тропой Блошка, шурша тихо, как ветерок по луговой траве, пока в спутанные рыжие вихры не бухнулся сверху с громким чириканьем Чмок, и тогда Блошка закричал на весь лес, смеясь и ругаясь одновременно.

Если постараться, можно учуять, как перебирают лапками-проволочками муравьи, как скользят по глади озера водомерки. Свои голоса, уловимые только внутренним слухом, были даже у солнечных зайчиков – листья трепетали, и зайчики с тихими смешками скакали по лицу. Эх, лежать бы так целыми днями, растворившись в лесной вселенной...

Локаторы Кешкиного суперслуха доставали пока недалеко. Ему говорили, что при ручье, в половине дневного перехода к северу, жили бобры. Но сколько Кешка ни старался, не сумел услышать ни ручья, ни бобров. И ветер, как назло, дул с востока.

Если поймать хороший ветер, можно долететь хоть до края земли – Мара не показывала ему этого трюка, он сам научился. Пользы от такого умения кот чихнул... То есть ни кота, ни даже оленя, несясь с верхоглядом-ветром, скорее всего не заметишь – если только гигантского лося. Но Кешке нравилось мчаться без руля и ветрил, теревить и спутывать кудри берёз, трепать еловые лапы, шелестеть мелкой пугливой листвой.

А вот такого ещё ни разу не было: по животу, под футболкой, просквозило холодком – промозглым каким-то, могильным. Стылые щупальца коснулись затылка, пробежали по шее, мазнули вдоль хребта... Кешка отпустил ветер и вывалился из райских куш на бrenную твердь обычного человеческого мира.

Детишки, Марины ученики, сидели или лежали, прилежно зажмурив глазёнки, с рассеянными улыбками на губах, и только двое пацанят тихонько перешёптывались и разглядывали что-то в траве – то ли большого жука, то ли крошечного мышонка.

Мара, привстав со своего пня, слепо хлопала глазами, как разбуженная сова. Встретилась с Кешкой взглядом и успокоилась.

– Всё, деточки мои, на сегодня хватит. Арлай, Дринка, Пушок, подойдите. Остальные бегите домой. Ты, – она тронула бурой ладонью русую головку, – разыщи Велета. Ты, – суковатые пальцы утонули в каштановых вихрах, – Шеруду. А ты, – прикосновение к чёрным кудряшам, – сбегай приведи Маниську. Пусть ждут возле моего дома.

– Тебе помочь, Мара? – бойко спросила русоволосая девочка, Дринка, кажется.

– Не нужно, детка, меня Кен проводит.

Кешка привычно подставил руку.

Но девочка не отставала:

– Мара, что случилось?

– Ничего. Просто нам пора собираться в путешествие. Засиделись мы на одном месте... Помнишь, я вам говорила? Далеко в лесу нас ждёт новый дом. Потребуется много дней, чтобы дойти до него, и по дороге мы увидим много интересного...

– Здорово! – чернявый мальчик звонко хлопнул в ладоши.

– А теперь бегите! Время не ждёт.

Трое сорвались с места, только пятки замелькали.

Мара вцепилась в локоть Кена, будто утопающий в спасательный круг.

– Они пока не умеют заглядывать далеко, им интереснее то, что вблизи. Но ты-то почувствовал, верно?

– Холод, – сказал Кешка. – Будто покойник тебя трогает. Что-то приближается, да? Что-то похуже той грозы...

– Не что-то, а кто-то, – Мара судорожным движением подтянула к подбородку шаль. – Это браккарийцы, Кен. Пришли по наши души.

Пятеро лучших Мариных слухачей расселись под сводом специально устроенного шалаша. Справа Кешку взяла за руку Маниська, слева дробненькая белобрысая девчонка по имени Ветка, которую он едва знал. Сама Мара заняла место напротив.

Слухачи были деловиты и собраны. Кешка чувствовал себя слабым звеном: если он оплошает, привлечёт внимание врагов, то укажет им прямой путь к лесному селению. "Брак-

карийцы не могут услышать нас. Тот, кто служит смерти, сам мертвеет изнутри. А слушать жизнь – это искусство живых", – говорила Мара. Но у островитян собственная магия, и они способны почувствовать неосторожное внимание, тем более что с ними жрец Шалаоха, бога смерти... В этом Мара, правда, уверена не была. Для того и собрала свой отряд ментальной разведки, чтобы убедиться.

В центре шалаша стояла большая низкая чаша, наполненная водой почти до кромки. "Огонь и вода – проводники ищущего разума, – объяснила Мара. – Но дым костра браккарийцы могут учуять".

– Начинаем, – команда для Кешки. Остальные, похоже, не нуждались в указаниях.

Он закрыл глаза, вздохнул и попытался обратиться в сплошное ухо, раскинутое на сотни вёрст. А потом его подбросило над шалашом, и лес извергся водопадом звуков, оглушительным месивом человеческих голосов, звериных и птичьих криков, шума, стука, треска и переливистого мощного гула, в котором Кешка не сразу распознал шелест листы.

Вот на что способен круг слухачей, рывком втащивший его за собой в тонкий мир акустических вибраций, который в этот самый миг Кешка назвал для себя Эфиром. От неумелого чужака ничего не требовалось – только привыкнуть к грохочущему, верещащему, ревушему, гудящему сумбуру, раствориться в нём, не проявляя себя ни вздохом, ни мыслью. Так, наверное, поступает хороший слушатель на концерте – всеми чувствами погружаясь в музыку и позволяя исполнителям вести себя, куда они сочтут нужным...

...Перестук копыт, лошадиное фырканье, шум дыхания многих людей, кожаный скрип, металлическое позвякивание. Мелодия конного войска в походе.

Внезапно Кешка увидел их – так ясно, будто парил над ездоками на планере. От неожиданности он вздрогнул, но браккарийцы, кажется, не заметили всплеска на глади блаженного спокойствия, в котором пребывал круг. Это спокойствие затопило Кешу, стёрло его тревогу, как волна стирает следы на песке.

Отряд был невелик – два десятка всадников, запасные и вьючные лошади. Они двигались вереницей, неспешным шагом, облачённые, несмотря на жару, в толстые шерстяные плащи с оплечьями из шкур, похожих на волчьи, но тоже совершенно чёрных. Некоторые даже прикрыли головы капюшонами и сидели, нахохлившись – точно вороны, распутившие по сторонам крылья. У них были красивые смуглые лица с правильными чертами и странные глаза – выбеленные, бесцветные, неподвижные. Под плащами лоснилась чёрная кожа, поблёскивало серебро перевязей и ножен, чеканные бляшки украшали конскую упряжь.

Двигался отряд по старой, заросшей, но ещё различимой дороге. Впереди ехал, тревожно кося глазами, длинноволосый человек – дотемна загорелый, в распахнутой на груди линиялой рубахе с закатанными рукавами, в потёртых кожаных штанах и мягких сапогах со шнуровкой. Проводник? Ходили же в прежние времена люди в Захотимские леса...

Позади всех, чуть отстав, двигались ещё двое – не такие рослые и ладные, в поношенных плащах, один в буром, другой в серо-зелёном, без оружия, бледнокожие, на лошадях в простой упряжи. Кешка принял их за слуг. Но коллективный окуляр круга изменил ракурс, лица отставших оказались совсем близко... от взглядов их вполне обычных, человеческих глаз перехватило дыхание и закоченело нутро.

Так это и есть жрецы Шалаоха?

Один из них, мелкий в кости, светловолосый, поднял голову и чуть придержал коня, словно почуял что-то. Кешке казалось, жрец смотрит прямо ему в душу, и душа леденеет, скукоживается...

Лица жрецов отдалились. Кешка увидел браккарийский отряд сверху, из-под облаков – цепочка чёрных блох в зелёной шерсти леса – и вновь оказался в шалаше, рука в руке с Маниськой и девушкой Веткой. Слышались вздохи, шевеление – слухачи приходили в себя.

Кешка с трудом разжал онемевшие пальцы, покосился на Ветку: Маниська сильная, а этой тростинке он, не помня себя, мог сделать больно.

Взгляд Мары, пристальный, холодный, с непривычным голубым отливом, пригвоздил его к месту.

– Как они боятся тебя... – выдохнула она, и уже громко, скрипуче, в полный голос: – Слуги смерти пока далеко. Самое меньшее десять дней форы у нас есть.

– Надо устроить засаду. Спрячемся на деревьях и перебьём их из луков!

Грундя Долдон. Этого парня Кешка тоже знал плохо. Он был женат и жил с семьёй в отдельной хижине.

– Ишь, лихой выискался! – шикнула на Грундю Маниська. – Небось, твой отец не хуже молодец был. Хочешь свидеться с ним поскорей? То-то он порадуетя...

Они что, не слышали Мариных слов, не видели, как она уставилась на Кешку, будто он в чём-то провинился? Уф! Отвернулась...

– В прошлый раз, – тяжело, раздельно заговорила Мара, не со скрипом уже, а с каменным скрежетом, – к нам пришли двенадцать браккарийских воинов, четыре десятка королевских солдат и всего один жрец Шалаоха. Каждый браккариец стоит бою в семерых, убить его трудно, а когда рядом жрец, почти невозможно. Мы не станем драться. Мы закончим сборы и уйдём.

– Но ты же растила из нас мстителей! Ты обещала, что однажды мы поквитаемся с убийцами!

Кешка затаил дыхание: надо же, кто-то осмелился перечить матриарху, да ещё прилюдно.

Старуха с трудом привстала, и все, даже Грундя, кинулись ей помогать.

– Верно, обещала, – она вцепилась в рукав его рубахи, заглянула в лицо. – Разве я когда-нибудь обманывала тебя, мальчик?

Кешка знал силу её взгляда. Грундя конвульсивно подёргивал головой, часто моргал, ресницы его дрожали, как крылышки у пчелы. Отвернуться он не мог.

– Время отмщения придёт, – продолжала Мара. – Скоро, но не сейчас. Верь мне.

И всё. По смягчившемуся, посветлевшему лицу Долдона Кешка понял – верит. Бунт подавлен.

Так вот зачем она затеяла рискованное подглядывание за браккарийцами – чтобы напугать своих подданных, слишком горячих и безрассудных...

Долдон помог старухе выбраться из шалаша. Слухачи обступили её, как первоклашки учительницу. Что они будут делать, если её не станет?

– Идите, – велела Мара. – Собирайтесь. Завтра утром мы двинемся в путь.

Маленькая, скособоченная, коряга корягой, она смотрелась полководцем, отдающим приказ к наступлению, а не к бегству.

– Пошли, Кен, – Маниська взяла Кешку за руку. – Сколотишь ящики для кур, а то Стуку некогда.

– Ладно, сейчас. Только спрошу кое-что...

Он двинулся следом за Марой и Долдоном, волоча Маниську за собой, как на буксире – отпускать его руку она ни в какую не хотела.

Старуха остановилась.

– Ступай, Грундя.

Кен и Маниська взяли её под локти.

– Ну, о чём ты хотел спросить?

– О том, что вы сказали, – промямлил Кешка, остро чувствуя что Маниська впитывает каждое слово. – Когда всё закончилось... Мне ведь не послышалось? Вы сказали, они боятся... меня.

– Рада, что ты научился слушать, – проворчала Мара с усмешкой.

Маниська взвилась:

– А почему я не слышала?

– Потому что я обращалась не к тебе, а к Кену. Позже попробую тебя научить. А ты, мальчик... Почему, как ты думаешь, браккарийцы снова объявились в нашей глухомани? Всякий, кто способен улавливать вибрации в ткани мироздания, чувствуют, когда открываются врата с Той Стороны. Это похоже на рябь на воде, вызванную дуновением ветра. Мы знаем, откуда он дует, но не можем указать место, где он рождается. Однако теперь ты соединился с Сердцем земли, твое сердце ответило его биению, а это всё равно что поставить метку на карте.

– Но прошло всего пять дней. Как они добрались так скоро! – воскликнула Маниська.

– Хороший вопрос. Возможно, кто-то, наделённый истинной силой, помог им сократить путь... Или заранее подсказал, где искать. А это значит, что ты, Кен, для них, как маяк...

– Не бойся, – быстро заговорила Маниська. – Мы заберёмся в лес так далеко, что тебя никто никогда не найдёт. Знаешь, какой наш лес большой? Это тут поля и холмы, а дальше к северу не было ни вырубков, ни пожаров. Мы уйдём в самые дебри, мы принесём жертвы лесовикам, и они скроют нас от чужого глаза...

– Уймись, тараторка! – скрипнула Мара. – Кен с нами не идёт.

Маниська ахнула, а старая ведьма встала перед Кешкой, положив руки ему на плечи.

– Лесные духи не помогут. Браккарийцы не знают, кто ты и с чем пришёл. Вдруг ты великий маг и здесь, в глуши, собираешь силы, чтобы восстать против их власти? Они будут искать тебя. И в конце концов найдут. А с тобой и всех нас. Тебе придётся уйти. Я не для того спасала этих детей, чтобы подставить их под удар ради одного человека.

– Нет! – вскрикнула Маниська.

Кешка опустил голову.

– Понимаю.

Чувство было такое, словно ему объявили смертный приговор. Да так, по сути, и было. Без этих лесных ребят, которых про себя считал дикарями, без Мары со всеми её странностями и замашками владычицы морской – сколько он протянет, неделю, месяц? Если не браккарийцы вырвут ему сердце, так вспорют брюхо ракены... или волки, когда он, обессилев от голода и одурев от одиночества, заснёт под кустом...

– Я уйду, – проговорил он отрывисто. – Сегодня же. Постараюсь подольше не попасться. И вы уходите как можно дальше. В такое место, о котором я не слышал.

– Ничего ты не понимаешь, – с досадой ответила Мара.

Её одревесневшие пальцы царапнули локоть – и соскользнули. Теперь она опиралась только на Маниськино плечо, как бы говоря: отныне ты один, сам по себе...

Вздых. Тяжелый и протяжный, как ветер в дымоходе:

– Самое лучшее, фантазёр, что ты можешь сделать, для себя и для нас, это вернуться домой, в свой мир.

И её скрипучий голос показался Кешке слаще пения небесных ангелов.

Солнце – вспышка карнавального салюта. Небесная синь пылает так, что глаза слезятся. Море в зеркальной зыби, фейерверки брызг у прибрежных камней. А дальше, у скалы, будто срезанной по вертикали гигантским ножом, – пенное бурление, хлесткие удары волн, россыпи водяных искр высотой с дом в кисейной взвеси мельчайших капелек. На скале, в поднебесье – остов высокой стены, щербатой по краям. Сквозь длинные прорехи окон бьёт ослепительная лазурь. Всё, что осталось от Академии Высокого Учения. Слово "магия" у посвящённых не в чести...

Как, наверное, здесь было красиво! Он видел рисунки: стройные башни, шпили, аркады, тенистые дворики, каштановые аллеи, увитые плющом стены, дорожки, мощёные белым камнем, и всюду цветы, цветы... Он мог бы учиться здесь, а потом работать. Будь у него выбор,

он предпочёл бы академические штудии в уединении далёкого острова придворной жизни с её суетой и змеиным коварством.

Но Академия пала за тридцать лет до его появления на свет, и вряд ли кто-нибудь однажды дознается, как и почему, коль скоро даже у Бармура на сей счёт одни гипотезы. В юности желание раскрыть эту загадку было так остро, что, презрев запрет учителя, он решился на рискованное плавание в неведомые воды. Остров явился, как мираж, и растаял раньше, чем он успел приблизиться. Но тогда он был неопытным юнцом, движимым лишь любопытством и азартом...

Он поднял голову, сощурился и смахнул со щеки ещё одну жгучую слезинку. Древние философы полагали, что мир окружён раскалённым добела огненным морем, и лишь тонкая оболочка – небо, дар богов – защищает всё живое от смертоносного жара. Возможно, они не были так уж неправы... Он скинул плащ, потом подобрал и повесил на руку – пригодится. Бледно-кремовая ткань потемнела, поросла ворсом и обрела свой обычный грязновато-лиловый цвет. В исходных условиях вещи всегда возвращаются в исходное состояние.

Лодки на месте не оказалось. Её не могло унести прибоем – он оттащил тяжёлую посудину далеко от кромки волн, спрятал под прикрытием могучих валунов и для надёжности привалил сверху камнем.

Что ж, есть другой способ выбраться отсюда...

Преследовать Нолемьера по Тропе не имело смысла. Он моложе, а у молодых тяга к странствиям сильнее. И, как ни велика твоя нужда, лысеющий изгнанник, Тропу не обманешь.

Остаётся одно – сразиться с врагом в его же собственной цитадели.

Самоубийство. Бессмысленный акт отчаяния.

Если только он не сумеет овладеть энергией Балтасы.

Он чувствовал гудение под ногами, так что создавалась полная иллюзия, будто в земных глубинах бушует и рвётся наружу океан силы, способной смести всё с лица мира. Отчасти так оно и было, но преградой этому океану служила не земная твердь, а невидимый барьер – здесь, на Балтасе, более тонкий, чем где-либо.

Если смотреть издали, с северо-востока, остров кажется долькой пирога. Два идеально ровных среза сходятся под острым углом, между ними – кусок суши, на котором меняется рельеф местности, исчезают и появляются вещи. Только одинокая стена нерушимо стоит на макушке скалы, да Арфа поёт на ветру, слышная лишь тем, кто знает вкус энергии, питающей мироздание.

Он долго карабкался вверх по каменистому откосу, останавливаясь, чтобы передохнуть, и отирая со лба пот.

Она там. Она должна быть там. Она всегда... вздох облегчения... на месте.

Узкий проход между скалами вёл к чаше небольшого водопада, стекавшего по уступам почти без напора – будто наверху кто-то опрокинул огромный кувшин с узким горлышком. На склонах цеплялись за скудную почву кусты и травы, образуя маленький зелёный оазис. Слева от прохода прямо из воды поднимался каменный вырост. Изогнутый, как ребро исполинского зверя, вершиной он почти смыкался с длинным козырьком горы. Замечательное подобие треугольника арфы с извилистойверху и скошенной книзу декой. Инструменты древнего камелотёса касались её поверхности бережно и избирательно, чтобы сохранить впечатление природной конструкции.

Редкие золотые нити в каменной раме казались игрой солнечных лучей. Но он знал: это видимое свидетельство связи постигших истинное учение с вечными силами мироздания. Тайна, которую, хвала Деве-Матери, он не успел поверить Нолемьеру... Здесь выпускники Академии проходили посвящение, нащупывая исходящий из незримого колодца поток энергии и выбирая в нём свою струну, звучащую в унисон их собственному дару. Великий ритуал, который он надеялся исполнить, достигнув Балтасы...

Он так и не смог прозреть поток – только чужие струны. Бармур клялся, что научил его всему, что знал, всему, чему можно было научить вдали от лабораторий и тренировочных залов Академии, от источника вселенской мощи, способной раздуть костёр из самой слабой искры таланта.

Возможно, поток просто иссяк, а единственная связь с ним – эти последние пять струн, питающие уцелевших. Когда-то их были сотни, и в случае нужды председатель Коллегиума наделялся властью сыграть на Арфе.

Каково это – чувствовать под своими пальцами всю силу мира?.. Он рискнул бы, если бы знал – как. Если бы надеялся, что вибрации пяти струн достанет, чтобы сокрушить вражью твердыню на перекрёстке миров.

Он присмотрелся к крайней слева струне, улыбнулся. Жив ещё... Правда, струна Бармура приобрела странный сероватый оттенок, но была крепка и звонко пела на ветру.

Остальные... Где вы, величайшие из посвящённых, куда скрылись, в какие норы заползли, почему за столько лет я ни разу не слышал ни о ком из вас? Я никому не хочу зла, но если вы слишком стары и устали, чтобы бросить вызов тьме, у меня не остаётся выбора. Я варвар, не познавший всех тонкостей искусства, и могу действовать лишь напрямую, грубо.

Он свернул плащ, положил на землю и уселся на эту самодельную подушку, вслушиваясь в музыку золотых струн, едва различимых в солнечном сиянии, сплетая с ней рассеянно текущие мысли, возвращаясь памятью назад...

...Грязный деревенский двор, по которому гуляли куры и гуси, подбирая корм и роняя помёт. Женщина по имени Любовь. Сколько намешано в её душе – целый клубок страстей и противоречий. Любовь там тоже была, просверкивала сквозь наносы и мусор – на самом дне, так глубоко, что женщина, должно быть, и сама не подозревала... Сейчас в ней главенствовал страх. За себя, за своё мелочное благополучие, которое она так долго и кропотливо создавала.

Сперва мальчик... Он пропал при обстоятельствах странных и интригующих. Возможно, тут есть связь, но разбираться поздно... Женщина Любовь и не пыталась. Объяснение, на случай, если кто спросит, придумала быстро: собрался в армию, но трусил и пустился в бег. А вот девочка... Сразу двое детей за пару месяцев. Такое не скроешь. Но и насчёт девочки у Любви начала вызревать версия – прямо у него на глазах. Он видел, как в её сознании вырастали веки будущей душещипательной истории: сначала обследование, потом лечение на деньги богатого благотворителя... возможно, пансион, где всё, как на дорогом курорте... состоятельная столичная семья хочет удочерить её... она же хорошенькая... так неужто Любовь Петровна станет мешать счастью девочки?

Она видела в руках визитёра документы – гербовая бумага, фото, подписи, печати. Уполномоченный по правам ребёнка. Интересно... Вряд ли Нолемьер знал, что такие бывают. Но женщина – знала: грозные должности, названия контролирующих и надзорных органов... её оглушённый ум сам выбрал, чему верить.

Инстинкт велел не подпускать пришельца к девочке. Но и отказать было нельзя. Потому – отвела её в сторону, зашептала: "Что бы он тебе ни предлагал, что бы ни обещал, не верь. Они тебя заберут, засунут в интернат. Будет хуже, чем в детском доме. Им там ни до кого дела нет. Будут тебя голодом морить, издеваться. Хочешь снова в детский дом?" Девочка энергично помотала головой. "Вот и хорошо. Иди. Он ждёт".

Хитрый, чёрт. В доме не остался, вывел глупышку во двор. Любовь Петровна следила от стайки. Лощёный чиновник что-то говорил. Девочка внимательно слушала, а потом пару раз отрывисто кивнула. Тут ветер бросил Любви Петровне в лицо горсть сора. Когда она проморгалась, выгнала из глаз слёзы, двор был пуст.

– Прости меня, детка, – шептал бывший учёный и придворный маг. – Придётся потерпеть. Ты только держись, не поддавайся...

Первую струну он не тронет. Хватит и четырёх. Возможно, трёх. Но сначала надо подготовиться. Он давно всё продумал, выверил каждый шаг, но когда делаешь что-то в первый раз, просчёты неизбежны.

Вторая струна была самой тонкой, истаявшей до бледного пунктира. Слишком мало силы осталось в ней, а значит тому, кого она питает, жизнь отмерена недолгая... С тебя-то мы и начнём. Чтобы смягчить последствия возможной ошибки.

Он не вправе умереть из-за нехватки опыта. Смерть означает поражение. Никто не придёт на его место, не подхватит выпавший из рук меч. Девочка погибнет. А вместе с ней и весь Майнандис.

Глава 7. Найдёныш

На обед Блошка поймал краснопёрку и запёк в углях. Вместе с полбой, ягодами и сушёной тыквой в меду трапеза получилась просто царской. Наевшись, легли в траву, голова к голове, глядя сквозь маскировочную сетку листвы в далёкую синь.

Сегодня последняя ночь Красной Луны – и можно вздохнуть свободно. Почувствовать себя человеком, а не мышкой-норушкой, которая, заслышав крылья над головой, тут же бежит прятаться. Никаких дурацких убежищ. Идёшь себе звериной тропой, час за часом, пока вконец не стемнеет, потом сядешь у костра и слушаешь, как Блошка травит байки... Красота!

На днях Рыжий признал, что из чудачковатого пришельца с Той Стороны всё-таки может выйти охотник. За месяц странствий по Захотимской Пуще Кешка вполне освоился с луком и стрелами – после того как его левое предплечье с внутренней стороны превратилось в сплошной синяк. Копьё и нож бросал пока неважно, но дорога впереди длинная, всё успеется. Он учился догонять, выслеживать, с азартом разгадывал знаки, оставленные кабанчиком или зайцем в многослойной плоти леса – и сам чувствовал себя родней дикому зверю, вольному, сильному.

А ещё Кешке нравилось шагать, растворяясь в голосах чащобы. Перед глазами начинала маячить призрачная тропка, поступь делалась лёгкой, пружинистой, грудь распирало от восторга, и в голове почему-то крутилась песенка из старого мультфильма, который так любила тётя Люба: "Мы в город Изумрудный идём дорогой трудной..."

Он знал – почему.

В далёком городе Летупресе живёт чародей Бармур, очень старый, но не растерявший силы. Только ему да, может, ещё паре человек во всём мире под силу отворить двери на Ту Сторону. Это будет нелегко, тем более сейчас, когда страной фактически правят браккарийцы. Мара просила Кешку не питать напрасных надежд. Но даже шарлатан Гудвин помог... почти помог Элли возвратиться домой, а её друзья обрели в пути то, о чём мечтали. Так, может, и ему повезёт?

Каждый раз, подходя к этой мысли, Кешка улыбался и незаметно для себя начинал насвистывать мелодию песенки. Блошка тут же требовал перестать, потому что свистуну три года удачи не будет. Кешка запевал вслух – на туземном языке рифма пропадала напрочь, но Блошка подхватывал и на весь лес орал вместе с ним про Элли и Тотошку...

Детскую песенку Рыжий воспринял очень серьёзно. Он хотел знать, что это за три волшебных желания, которые должен исполнить добрый Гудвин. Пришлось пересказать ему сказку... Блошка заявил, что если Кешка – Элли, то он Железный Дровосек, нет – Лев, или скорее Страшила, потому что сердечности и отваги в нём через край, а вот ума частенько не достаёт.

Ты Тотошка, посмеивался про себя Кешка. Весёлый и шаловливый, как щенок. Только до Изумрудного города ты не дойдёшь и на Ту Сторону со мной не отпавишься...

Блошка звучно зевнул, потянулся.

– А правда, Кен, будто людей в городе так много, что можно выйти на улицу и не встретить никого знакомого?

– Правда.

– Эх, хотел бы я посмотреть на город!

Кешка хмыкнул.

– Тебе не понравится. Ты же лесной человек, а там ни деревца, ни кустика, и Чмока твоего добрые люди сразу на рукавицы пустят.

– Вот и Мара, слышь-ты, так говорит.

Мара? У старой деревенской ведьмы вырисовывалось интересное прошлое.

Вспомнился последний разговор...

– Блошка знает лес, как никто другой, – сказала Мара Кешке. – Проводит тебя до Реки, поможет с переправой. Открой-ка сундук, там в углу... достань со дна ларчик. Ни мне, ни моим ребятам это не понадобится.

Она высыпала перед изумлённым Кешкой десять серебряных монет и развернула пояс тонкой кожи с отдельным кармашком для каждой. Кешка надел его под футболку, а сверху – широкую холщёвую рубаху, раздобытую Маниськой.

В дороге он привык к давлению пояса с монетами, как раньше привык к громоздкой тяжести змеиного медальона. Любопытно, для чьей талии шили этот пояс – неужто для Мариной?

Серебро предназначалось на крайний случай. Главным капиталом был мешок с мягкой рухлядью – отборные шкурки соболей, горностаев. Продавать их следовало по одной-две в городах, чем дальше вглубь страны, тем лучше.

– Сперва походи по меховым лавкам, посмотри что почём. Проси половину от продажной цены, а станут торговаться, больше четверти не уступай, – напутствовала Кешку лесная владычица. – Трать помалу, с оглядкой. Помни: что в захолустье стоит медяк, в городе потянет на золотой, а дорога тебе предстоит дальняя. Как переправишься, держи строго на запад и скоро выйдешь на Вейнский тракт. Пешим ходом, если не будешь лениться, дней за десять достигнешь Рамии и свернёшь к юго-западу, а там по прямой до самого Летуприса. Будь осторожен. Развивай слух. Люди не лесное зверьё, а камни не деревья, но и в них бьётся своя жизнь. Не поминай при народе Хозяина и Хозяйку. В Майнандисе поклоняются другим богам, старая вера там не в почёте. Медальон держи при себе, но никому не показывай. Не суйся в драки. Больше слушай, меньше говори. Сторонись опасных компаний и лихих людей...

Небо заполонила чёрная стая – молча, без обычной птичьей разноголосицы. Кешка спросил лениво:

– Глянь, что там за птицы?

И ещё не договорив, понял, что никакие это не птицы...

– Отец Света! – ахнул Рыжий. – Среди бела дня!

Они схватили короткие охотничьи копья и забились под корневище полуповаленной сосны. Замерли, напряжённо прислушиваясь. Как обычные люди – ушами. Ни один не мог сосредоточиться достаточно, чтобы получить доступ к Эфиру. Оба думали о брошенных снаряжении вещах, о чёрной плешине кострища, которую, должно быть, хорошо видно из поднебесья. Переговаривались изредка, еле слышным шёпотом – даже когда в синеве, сквозящей через завесу корней-щупалец и ветвистых крон, не осталось ни одной чёрной кляксы. Наконец, истомившись, выбрались наружу.

Блошка влез на дерево и долго сидел в ветвях, неподвижный, как филин.

– Вроде не слышать, – объявил он, прыгивая на землю.

– Вроде?

– Ну, близко их точно нет. Однако ж летают-то они споро... злыдень знает, когда нагрянут. Нет, ты подумай! Ракены – посередь дня! Да ещё под конец Красной Луны. Сказал бы кто, ни в жизнь бы не поверил! Нашим бы восточку послать...

– Думаю, Мара знает, – успокоил его Кешка.

Ночь провели, забаррикадившись под тем же самым корневищем. Дремали по очереди, с ножами в потных ладонях – то ненадолго проваливаясь в сон, то подсакивая, как от толчка, и нервно вслушиваясь в ночные голоса леса. Кто-то скрёбся снаружи, шуршал в завале из кольев и веток, примеряясь, как лучше взять штурмом человеческую нору...

В очередной раз соскользнув в забытье, Кешка увидел себя летящим в стае ракенов. Крылатые убийцы были справа и слева, выше и ниже, и он отчаянно боялся, что кто-нибудь узнает в нём человека.

Вот стоя пошла на снижение. У Кешки из-под футболки вывалился медальон. Шнурок лопнул, деревянный диск полетел вниз, и тело стало вдруг каменно тяжёлым. Ветер свистел в ушах, визжали и хохотали ракены, земля приближалась...

Он проснулся с криком и получил от Блошки оплеуху.

– Тихо, дурья башка!

Снаружи, за хлипким барьером, отчётливо хрустнуло, зашуршало...

Когда рассвело, они тщательно осмотрели укрепления, но повреждений не нашли. Все колья целы, валежник не разворошен, нигде ни царапины.

– Это дед-лесовик приходил, – угрюмо, на полном серьёзе, резюмировал Блошка. – Он следов не оставляет. Чем-то мы ему не угодили.

И Кешка спросил себя: действительно ли лесной дух плод суеверной фантазии туземцев. После всего, что он испытал – кто знает?

В путь двинулись, натянув тетивы на луки и наложив стрелы. Таял утренний туман, солнце играло в белёсой завесе, разбрасывая в просветах между стволов веера лучей. Роса пятнала штаны, на глаза давил свинцовый валик, голова была тяжёлой и дурной, но тревога постепенно отпускала – будто разжималась железная хватка на загривке. И уже скоро Блошка, позёывая, взялся припоминать "страшные истории" об оборотнях, восставших мертвецах и злых духах.

– ...Пошла тогда Махатка на Чёрный пруд, поклонилась водяной нечисти, кинула в омут живого петуха, просит: "Помогите наказать злодейку-разлучницу". Тут вода в пруду забурлила... Что это?

Он замер, подняв палец, и Кешка услышал звук, похожий на плач ребёнка – тихий, бесильный, прерывистый.

– Кажись, там.

Чмок приник к земле у зарослей папоротника, скаля клыки и утробно рыча. Плач сменился жалобным попискиванием, в перистой зелени возилось что-то крохотное, розоватое... Блошка раздвинул листья кончиком копья: под ними лежал зверёк, не больше новорожденного котёнка. Слабенькие лапки с едва различимыми пальчиками, белый младенческий пушок, почти человеческое личико, зажмуренные, будто от обиды, глаза.

– Ты кто такой?

Зверёныш трепыхнулся, перевалился на живот, показав острые, чрезмерно выдающиеся лопатки... Уродец – и поэтому брошен? Кешка наклонился над малышом.

– Не трожь, – изменившимся голосом сказал Блошка. – Чмок, куси эту тварь!

– С ума сошёл! – Кешка подхватил найдёныша на руки.

Лазица вытянулась, заходила длинным телом, явно нацеливаясь прыгнуть.

– Нет, приятель, – Кешка прижал кроху к груди, прикрыл ладонями.

– Ты ведь знаешь, что он такое, – Блошка нервно поглядывал на небо. – Надо придушить его и чесать отсюда, пока не вернулась мамаша с друзьями и подружками.

– Думаешь, та стоя его искала?

– Искала или потеряла, мне едино. Не хочу быть здесь, когда налетят ракены.

– Так чего мы стоим?

– Но ты же не собираешься брать его с собой!

– Ещё как собираюсь...

Чмок, похоже, смирился с тем, что добыча ускользнула, и юркнул в кусты. Кешка раскрыл ладони. Пискнув, детёныш ракена ухватил его за палец крохотным мягким ртом.

– Сейчас руку тебе оттяпает.

– Дурак, – Кешка улыбнулся. – Он сиську ищет. Голодный.

Положить малыша на траву он не рискнул, аккуратно поместил за пазухой и скинул с плеч мешок. В туюске оставался мёд. Кешка подцепил чуть-чуть кончиком ложки, развёл в миске с водой, скрутил лист в воронку – вместо пипетки – и, пристроив малыша на коленях, принялся лить сладкую жидкость ему в ротик.

Блошка ходил вокруг, кипятился, ворчал, поторапливал, бранился, говорил, что "эта тварь" мёд есть не станет, потом злорадно предвещал, что от непривычной пищи у ракена случится заворот кишок. Краем глаза Кешка заметил движение в траве...

– Слышь, Блошка, – сказал, не поднимая головы. – Если твой Чмок тронет детёныша хоть когтем, я ему башку сверну. Без шуток.

Он чувствовал, что и правда готов биться насмерть за этот тёплый, мяконецкий комочек, который звонко чмокал, глотая приготовленную наспех сыту.

– Я знаю, каково это, малыш, – шептал он, – не бойся, я тебя не брошу.

Блошка услышал.

– Угробить нас хочешь? Сейчас зайвится мамка...

– Не зайвится. Может, он ей вообще не нужен. Потеряла и не заметила. Ты же не знаешь, как это у ракенов? А если они и правда приходят из другого измерения, то мать его, может, при всём желании до следующей Красной Луны к нам не выберется... К этому времени от него и косточек не останется.

– Кен, это же ракен. Ракен! Сечёшь? Он вырастет и будет жрать людей. С тебя же и начнёт! – Блошка почти кричал. На побагровевшем лице выделялась бледная россыпь веснушек. – Ну, не хочешь убивать его, так просто оставь, не накликивай беду...

Кешка вскинул голову.

– Боишься? Поворачивай оглобли! Я тебя не держу. Спасибо, проводил. Дальше я сам! Если поторопишься, догонишь своих до следующей Красной Луны...

Это было жестоко, несправедливо, но Кешка устал спорить. Собрал вещи, натолкал себе за пазуху травы, устроив гнёздышко для малыша, и двинулся в путь.

Может, оно и к лучшему. Незачем Блошке рисковать из-за чужака. У него есть семья – они в своей затерянной деревне, должно быть, все родня. Да и без того... Кешка знал, что значит расти с кем-то бок о бок, поддерживать друг друга, вместе встречая напасти... И в то же время он всегда был один, заключённый в футляр пустоты, свободный от настоящих, глубоких привязанностей. Пусть так и остаётся. Он знает лес, он справится...

Шорох за спиной. Угрюмый голос: "Не туда гребёшь". Рыжий проводник, громко сопя, обогнал несносного чужака с Той Стороны и пошёл первым. Как всегда.

Кешка едва сдержался, чтобы не рассмеяться вслух. Шагалося легко, словно в подошвы кроссовок вставили пружины, в голове крутилась ещё одна песня – из фильма, который любил дядя Вадим: "Журавль по небу летит, корабль по морю плывёт..."

К обеду Блошка подстрелил перепёлку. Маленький ракен вскарабкался по Кешкиной футболке, высунул нос из ворота рубахи и требовательно пискнул.

– Чует кровь, – заявил Рыжий. Помешкав, спросил: – Может, нацедить?

– Не надо. Рано ему пока.

Кешка сделал для малыша новую смесь: надавил в сыту сок черники, добавил толику просыанной муки. Ракен проглотил всё. Животик у него раздулся, и зверёк заснул прямо на ладони у своего спасителя – мягкий, тёплый, доверчивый...

– Спи, Бумбараш, – шепнул ему Кешка. – Люди вон не то что волков приваживают, со львами дружбу заводят. А ты такой маленький, тебя можно приучить... Ты у меня не будешь есть человечину, слышишь, Бумбараш? Я тебе обещаю.

Сначала пахло влагой, проблеснули меж стволов зеленоватые воды. Потом деревья расступились, открыв взгляду Хотимь, или просто Реку, как звали её лесные жители – уважи-

тельно, с большой буквы, словно все остальные реки, включая Щучью, что бежала в холмах близ сожжённой деревни, были лишь подражанием её величию. Из рассказов Мары и разговоров с ребятами Кешка представлял себе грандиозный поток в духе "Редкая птица долетит..." и ломал голову – как через него переправляться. Тщетно силился припомнить что-нибудь внятное о плотах, долблёнках или дощаниках и без конца выдумывал собственные конструкции плавсредств, таких, чтоб легко, быстро строились и надёжно держались на воде.

И вот те на. Великая река называется. Ширина – от силы метров сорок. Немало, конечно, и вода холодновата, но одолеть Хотимь вплавь труда не составит.

Проблема в одном: правый берег оказался высок и обрывист.

В глинисто-жёлтой стене зияли круглые дыры. Ласточки, крича, носились над водой и чёрными росчерками взмывали в небо.

– Красиво летают, – сказал Кешка.

– К дождю, – Блошка скорчил рожу. – Опять будем лягухами по мокроте скакать.

И запрыгал раскорякой, всплёскивая руками: "Ква-а-а! Ква-а-а!"

Жара давно спала, осень хмурилась с небес и часто плакала – то ливнями, то моросью. Временами накатывали грозы, не такие страшные, как тогда, на поле, но с чёрно-сизыми тучами, артиллерийской канонадой грома, плазменными вспышками молний.

Нынче день выдался тихий, ясный. Закат румянил речную гладь, золотил воздух, подцвечивал малиновым брюшки облаков. Эх, была бы лодка...

Кешка снял с плеч мешок, бросил на землю. Бумбараш тут же взобрался сверху – сторожить.

– Чири-чик-чирик! – раздалось из листвы.

Кроха ракен взвизгнул, метнулся к Кешкиным ногам, полез вверх, цепляясь за джинсы и холщёвую рубаху. С плеча каркнул на Чмока – тоненько, пискляво, но торжествующе. Тут, мол, не достанешь.

Кешка машинально погладил маленькое тело и отдернул руку, ощутив под пальцами нежное, как шкурка персика, тонкое, как папиросная бумага...

Крылья и зубы у Бумбараша резались два дня – он метался, кричал, раздирал Кешке руки, и снова кричал от боли. К вечеру второго дня крылья вышли наружу – на спичечно-тонких косточках, влажные от белёсой смазки и крови. А вместе с зубами у ракена прорезалась тяга к мясной пище. Кешка старался не давать ему сырого – и он брал сам. Вгрызался в потроха только что разделанной заячьей тушки, рвал коготками горло утки, которую Блошка небрежно бросил у костра... Только появление лазицы его и останавливало.

– Трус, – констатировал Блошка с удовлетворением.

– Это не трусость, а разумная осторожность, – вступился за питомца Кешка.

Сели слушать реку – искать место для переправы. Кешка только-только ощутил трепет Эфира: крики, хлопанье крыльев, свист воздуха, плеск волн у крутого берега, томное, неспешное движение вод... А Блошка уже скатился с дерева, в рыжих вихрах – листва, как у ежа на иголках.

– Там, – он махнул рукой вверх по течению. – Далековато, но к ночи дойдём.

Пуща напоследок выстроила для них настоящую полосу препятствий. Заросли подлеска, густые, будто в джунглях, чередовались с буреломами, под ногами топорщились корни, возникали кочки и ямы. Но Кешка был даже рад преградам. Перебираясь через завал, протискиваясь под аркой из сцепленных, переплетённых друг с другом стволов, он забывал о том, что завтра Блошка уйдёт из его жизни. Как ушли Мара, Велет, Маниська...

Первое время Маниськин взгляд-щекотка лип к нему назойливой мухой. Это раздражало. Но когда расстояние стало слишком велико и зыбкая связь между ними прервалась, он ощутил чувство потери. А ведь Маниська в сущности ему чужая – несмотря на то, что между ними произошло. Узнать её толком, привязаться к ней он не успел.

Блошка – другое дело. Если полтора с лишним месяца день изо дня шагать рядом, есть из одного котелка, спать у одного костра, прятаться от ненастья в одном шалаше, чувствовать плечо друг друга тревожными ночами Красной Луны, вместе выслеживать дичь, обороняться от хищников... Всегда вдвоём, и ни единой живой души кругом – Чмок и Бумбараш не в счёт... После этого спутник должен стать тебе или врагом, или другом. Нельзя просто уйти и забыть о нём.

И всё же мысль о долгом путешествии в неизвестность будоражила. Кешка всегда был одинок, но никогда не оставался один. Теперь он узнает, что это такое...

Ночью спалось плохо. Донимал налетевший с реки гнус. Облачность скрыла звёзды, погасила новорожденный месяц Зелёной Луны. Всё затопил мрак.

Будущее было так же темно. Возможно, через три дня разбойник прирежет Кешку на лесной дороге, и великое странствие закончится, не начавшись. Или пару месяцев спустя он будет стоять на крыльце дома Куроловых, глядя в привычное земное небо и спрашивая себя, был ли на самом деле этот безумный провал в чужой мир, или ему всё пригрезилось.

Он заснул, представляя себе, как лунная дорожка ведёт его по воде, взбирается на высокий берег и дальше, по-над деревьями, бежит на юго-запад. Если бы в этот момент Маниська смогла дотянуться до него своим чутьём, то обнаружила бы, что он улыбается во сне.

Поутру они с Блошкой нарубили сучьев, обтесали и связали рядком. Получился плотик для дорожных мешков, оружия и Бумбараша. Не стоило бы тащить раку с собой, но и не тащить нельзя – слаб ещё, в лесу не выживет.

– Здоровый получился, – сказал Блошка, скептически оглядывая плотик. – Небось, один не вытянешь. Давай-ка я тебе подсоблю. Заодно гляну, как оно там, на той стороне.

Кешка засмеялся – а ведь и правда, правый берег для Блошки и его соплеменников всё равно что другой мир. Та Сторона.

Рыжий снял с плеча Чмока, пересадил на ветку.

– Подождёшь меня здесь.

Подумав, сложил свои вещи поверх Кешкиных.

– Вдруг понадобится что.

– Как же ты назад? Со всем барахлом.

– Да как-нибудь. Я-то посильнее тебя буду.

Блошка – метр с кепкой – был сама серьёзность. И Кешка не стал над ним смеяться. Спорить тоже не стал. Чтобы не сглазить.

С погодой им повезло: овечья отара облаков откочевала к горизонту, солнце пекло макушку, но вода за долгую череду ненастных дней остыла. Кешка сразу заковенел. Спасибо, плот, небольшой с виду, оказался тяжёлым и неподатливым, вдвоём с Блошкой они с трудом заставляли его слушаться. Тянули-толкали изо всех сил. Так и отогрелись.

В реку вошли немного выше нужного места, и всё равно течение едва не проволокло их к глинистым обрывам внизу – мимо песчаного бережка, от которого начинался подъём, поросший травой и кустарником. Да ещё Бумбараш пронзительно верещал, переползая с мешка на мешок. Глаза у него были такие отчаянные, что Кешка боялся, как бы дурачок не сиганул в воду.

Он спросил Блошку, но Блошка понятия не имел, умеют ли ракуны плавать. Если догадается распластать крылья, может, и удержится...

К счастью, зверёк был то ли впрямь трусоват, то ли слишком умен. Как только плотик приткнулся к берегу, он соскочил на землю. Дождавшись Кешку, вскарабкался ему на спину и расположился на заплечном мешке с мехами – удобно, мягко и на должной высоте.

– Вот паршивец! – восхитился Блошка.

Цепляясь за травяные лохмы и ветви кустарников, они взобрались наверх. Рыжий огляделся, и лицо его приняло обиженное выражение:

– Да тут всё такое же, как там! Ну, может, деревья пореже.

– А ты думал, – засмеялся Кешка, – тут трава синяя?

Он посмотрел назад. С правобережной кручи Пуца казалась зелёной меховой шкурой на теле земли – клочковатой, разномастной, то темнее, то светлее, а то уже сжелта, но при этом густой, монолитной, способной проглотить и перемолоть любого пришельца. Где-то в глубине этой ворсистой массы упрямо ползли к цели чёрные блохи – браккарийцы, и где-то, хотелось верить, что очень далеко, пробирались в своё тайное укрытие Мара и её подопечные. Лес представлялся вечным, бескрайним, но Кешка, маленький человечек, глядел на него сверху вниз, и в этом угадывался нехороший символ: однажды сюда придут люди, не разрозненными кучками, а большой организованной силой, и лес из владыки превратится в невольника, потом в калеку, а потом от него останутся крошечные островки между городами и сёлами, полями и пастбищами. И что тогда скажет Марино Сердце земли?

За спиной удивлённо вскрикнул Блошка:

– Ты отколь? Не лезь за пазуху-то, мокрый!

Недовольно пискнул, царапнув шею, Бумбараш.

– Я же говорил, вещички оставь, – улыбнулся Кешка. – Теперь ещё и Чмока назад придётся тащить.

Сказал – и внутренне замер. Что-то ответит друг?

– Вот ещё! – фыркнул Блошка. – Сам поплывёт. Проводим тебя до тракта, тогда уж... А то заблудишься тут. Будешь вдоль реки по лесу туда-сюда шастать, пока зима не настанет.

Оба хохотнули, и Кешка заметил – осторожно, чтобы не спугнуть удачу:

– Но тебе возвращаться надо. Догонять остальных. Мара, должно быть, волнуется.

– Мара поймёт. Она же ясновидица. Уж, верно, знала, что я за тобой увяжусь.

Кешка отвернулся от реки, от леса на левом берегу, посмотрел на юго-запад – деревья и правда реже, мельче, не то что в заповедном Захотимье. Он попытался достать чутьём до дороги – где-то там, вдали...

И вдруг очнулся от наваждения.

Воды Хотими смыли с него Марины чары, отсекали от земель, пропитанных её властью.

Это должны быть чары. Наверняка. Иначе почему только сейчас ему пришёл в голову очевидный вопрос: даже если когда-то Мара и правда знала Бармура из Летуприса, откуда у неё, безвылазно просидевшей в глуши полвека, уверенность, что он до сих пор там, что он вообще жив?

День выдался погожим. Сверкало солнце, в небе красивыми барашками висели облака, щебетали птицы. Может, выправится ещё погода, подумал мастер Бармур, привычно поднимая взгляд на шпили Филиала: флажки и резные флюгеры горели золотом, как в былые времена, а если глядеть сквозь прищур, детали окружающего смазывались, в черепице шатровых крыш исчезали щербины, таяли грязные разводы и, казалось, что головы гордых башен сияют тем же изумрудным блеском, что и двадцать лет назад.

Порой он жалел, что его глаза всё ещё остры, как в молодости...

Старый учёный запер дверь и спустился с крыльца на мостовую, блестящую от подтаявшей наледи. А ветерок-то промозглый. Повесив пустую пока корзину на сгиб локтя, он накинул капюшон, сильнее запахнул пальто, но опомнился – вновь обнажил голову, с досадой оправил на шее белый шарф и пошёл вверх по улице.

Повсюду виднелись признаки запустения: никто не менял разбитые стёкла в коробках уличных фонарей, не выправлял погнутых столбов, не трудился спилить засохшее дерево и

вычистить сор из фонтана, да и выбоин в мостовой прибавилось. Будто кто ночью камни из земли ворует, вздохнул мастер Бармур. Впрочем, по нынешним временам, неудивительно... И ладно бы ветшало лишь общее городское имущество. Неужто Марн-свечник не может подновить облупившуюся вывеску, а Валин-сапожник не в силах козырёк над входом залатать, чтобы заказчикам в дождь за загривок не капало? Вон у Фартаньи-белошвейки занавески в окне на половые тряпки похожи...

Мастер Бармур болезненно усмехнулся. Сам-то хорош! Ставень с прошлой осени на одной петле болтается, и чинить никакой охоты нет. Окно торцевое, смотрит к соседям, не на улицу, а ставни магистрат всё равно закрывать не велит – под угрозой штрафа и тюремного заключения.

Но, вечные силы, как жаль! Ведь красивейший город был, Сипра ему не чета...

Прохожие кутались в плащи, пальто и куртки, осторожно ступая по заледенелым булыжникам. Зима заявила о себе прежде времени, и люди вздыхали: то ли ещё впереди!.. Только бесстрашные мальчишки затеяли игру в мяч и посох на углу с улицей Зеленщиков. Сорванец в толстом свитере, куцых штанишках и грубых башмаках поскользнулся, едва не сбив с ног женщину с тяжёлой корзиной. Она забранилась, грозя отодрать хулигана за уши, мальчишка ловко увернулся и показал язык.

Мастер Бармур прошёл мимо, пряча улыбку: хвала Деве-Матери, дети Летуприса всё ещё полны жизни...

– Колдун! – ударил в спину звонкий крик. – Смотрите, колдун!

В один миг ребята взяли его в окружение.

– Эй, колдун, это из-за тебя такая холодина?

– Покажи ошейник, колдун!

– Колдун – старый пердун!

– Ошейники только собаки носят! Полай, колдун! Гав-гав!

– Прочь! – Грозно нахмутив брови, мастер Бармур растолкал маленьких насмешников, но они налетели снова. Кто-то поддел его за щиколотку изогнутым концом посоха, и он рухнул ничком на мостовую. Боли не почувствовал – только жгучее унижение. Резким молодым движением перевернулся, вскинул руки к небу:

– Ахташарам карах! Шугум душекарра!

Голос его прогреготал громовым раскатом, на кончиках пальцев заплясали малиновые искры.

Мальчишки бросились в рассыпную, пища, как испуганные мышата. Улица опустела. А мастер Бармур сидел в ледяной сырости, чувствуя, что не в силах подняться, и дрожал мелкой дрожью.

Внезапно перед глазами выросли маленькие ноги в серых штанах, заправленных в чёрные сапоги с голенищами гармошкой. Учёный поднял голову.

– Это я, Таби, мастер Бармур! – из-под соломенных вихров распахнулись голубые глаза. – Мама послала меня помочь вам...

– Спасибо, Таби.

Тяжело опираясь на узкие мальчишеские плечи, старик подумал: а ведь он меня боится. До лавки было тридцать шагов. Крупная, с сильными мужскими руками, Марафия Травница встретила их в дверях и, подхватив учёного под мышки, втянула в пахучее тепло дома.

– Снимайте пальтецо, мастер Бармур. Ой, да вы весь мокрый! Ну-ка давайте, раздевайтесь, не то простудитесь... Владычица-Мать! У вас лицо в кровь разбито...

Она сберегла остатки его гордости, проводив в маленькую комнату за прилавком и позволив раздеться самому, без свидетелей. Он сложил на скамье штаны и камзол в пятнах влажной грязи, принял из просунувшейся в приоткрытую дверь руки одежду покойного мужа Марафии. Аспьер Добряк был выше и крупнее, но не настолько, чтобы бывший гранд-магистр, мастер-

наставник, член Коллегиума Академии Высокого Учения и глава её летуприсского филиала, выглядел комично.

Через четверть часа он сидел в кресле у камина, пил чай с имбирём, мёдом и мятой и слушал, как сокрушается матушка Марафия:

– Я в окно глянула, не поверила... Вот глумливы! До чего докатились! И ведь трое с нашей улицы, на моих глазах росли. Уж я с их матерями потолкую...

– Полно вам, – мастер Бармур вздохнул. – Они не со зла... Дети, как звери. Чуют, что в воздухе разлито. А в воздухе теперь страх и ненависть.

– Ну, про зверей это вы зря, – обиделась Марафия. – Всё от родителей идёт. Мои ни за что на старого человека руку не поднимут.

Мастер Бармур склонил голову. А если б в компании приятелей, да разгорячённые игрой? Но возражать не стал.

Марафия сложила ему в корзину салата, моркови, добавила крупную репу, пучок петрушки, кочан капусты, пару свеколок...

– Стойте-стойте, матушка! Мне такие роскошества нынче не по карману.

– А вы не спорьте, – грубовато отозвалась Марафия. – Берите, коли дают. После сочтёмся.

Она укрыла корзину льняной салфеткой, бурча себе под нос:

– Пусть не думают, что из-за поганой браккарийской нечисти Марафия Травница от добрых людей нос воротить станет... Табька! Пойдёшь с мастером, корзину с товаром ему в дом снесёшь.

Таби выскочил на зов матери и застыл, вытаращив глаза. Бармур знал, на что он смотрит: чёрная змея обвивала старческую шею, на чешуйчатой шкуре зеленовато-белым фосфорным светом тлели Шалаховы письма. Если глядеть долго, покажется, что они движутся... Ошейник явился и пропал, остался только красный шрам на дряблой коже.

Бармур кашлянул:

– Мне бы мой шарф, матушка.

– Так вон же – я и плащ и шарф приготовила. А ваши, как отстираю, с Табькой пришлю. Плащ был серый, из толстой шерсти, шарф – синий, в серую полоску.

– Мне белый надо. Сами понимаете, увидит кто... – старик стыдливо опустил глаза. – Я ведь обращался к потоку. Совсем чуть-чуть, конечно, но...

– Ох... ладно. Сейчас ваш старый шарф принесу. Пятнышко там небольшое, но на белом-то заметно, вот я и хотела...

В дверях Марафия приостановилась.

– А что это было за заклинание? Я уж боялась, вы этих охальников по ветру развеете.

Старик устало улыбнулся:

– Это не заклинание. Просто грозное сотрясение воздуха и толика пиротехники для остротки.

Ссадины на лбу, скуле и ладонях Марафия смазала ему отваром листьев черники. Про боль в коленях и локтях он промолчал, но добрая женщина добавила в корзину флакончик с травяной настойкой на спирту, чтобы прикладывать к ушибам. И очень кстати. Дорогой разнылось правое бедро, вдобавок при падении он, кажется, потянул спину.

Простая реверсия витальных энерготоков поставила бы его на ноги к завтрашнему утру. Так учуют же...

Подходя к дому, Бармур ощутил тошноту и скользкий холодок в солнечном сплетении. В конце улицы, не бросаясь в глаза, стоял чёрный экипаж. Вечные силы – уже?.. Он замедлил шаги. Таби обернулся.

– Помочь вам, мастер Бармур?

– Спасибо, малыш. Дальше я сам. А ты беги домой. Мама волнуется.

– Но она велела в дом снести! – заартачился Таби.

– Ступай, – Бармур взял корзину из рук мальчика. Он ещё не утратил способности добиваться повиновения одной силой голоса, безо всякого потока.

Дверь оказалась не заперта. Он постоял, вцепившись в ручку и закрыв глаза.

Внутри, конечно, знали, что он здесь. Быть смешным, жалким не хотелось. Он заставил себя войти, поставить корзину на пол, двинуться дальше, в затенённую гостиную, и низко склонить голову перед тем, кто по-хозяйски развалился в его любимом кресле.

– Мой господин.

Старший брат Анма, правая рука отца-резидента Хамайи. Слишком важная птица, чтобы самолично вразумлять своевольного учёного...

– Да ты, я вижу, шалун, Бармур. Балуетесь с магией, затеваешь уличные драки.

Старший брат Анма не шевелился, не моргал, мраморные кисти рук с неестественно длинными пальцами бездвижно лежали на подлокотниках, в стекляшках белёсых зрачков не было ни отсвета. Только голос – но и тот неживой, холодный, с лёгкой сардонической нотой.

Старик склонился ещё ниже.

– Простите меня, господин. Я был неосторожен.

– Я-то прощу. На первый раз, – браккариец усмехнулся. – Но что скажет отец-резидент? Ты заставил себя ждать, когда был так ему нужен. Его заинтересовал ещё один ваш артефакт... Боюсь, тебе придётся очень постараться, чтобы вымолить прощение.

– Да, мой господин, – мастер Бармур сглотнул.

Старший брат Анма поднялся – длинный, худой, как жердь, в просторных чёрных одеждах.

– Ты похож на пугало. Хотя бы плащ смени.

Он стремительно прошёл к выходу, не дав Бармуру времени исполнить своё повеление. Старик потрусил следом. Сердце в груди замирало, ныли ушибы. Сейчас бы согреть вина, лечь в постель...

После, пообещал измученному, больному телу мастер Бармур. Вечером. Если доживу.

Глава 8. Скуловорот

К вечеру Кешка с Блошкой добрели до большого притрактового села. Вдоль дороги стояли крепкие, крытые тёсом дома, над трубами курились дымки.

– Это что за деревня? – спросил Блошка курносую девку с коромыслом через плечо. – Как называется?

– Сам ты – деревня! – прыснула девка. – А Рамию на сто вёрст вокруг все знают!

И пошла – спинка ровная, бёдра так и колышутся, вода в вёдрах ловит блики закатного солнца.

Блошка вытянул шею ей вслед, браво шмыгнул носом:

– Эй, красивая, а звать тебя как?

– Не про твою честь! – крикнула, не оборачиваясь. – Слыхал такое имя?

И уплыла в боковую улицу.

Блошка дёрнулся было следом. Кешка поймал его за рукав.

– Куда? Забыл, что Имьян говорил? Не хватало нам свары с местными.

Неделю назад друзьям повстречались шестеро странников во главе с лысым Имьяном. Ходили они к Святому Дубу, по которому Заступник, бог сирых и обиженных, будто бы однажды взобрался на небо, чтобы просить старших богов о милости для рода людского. От Имьяна Кешка с Блошкой наслушались разных страстей – о голоде и море в западных землях, о наводнении, смывшем пять деревень в долине Имбри, о засухе в Притамье, об ураганах, которые поднимали в воздух дома, скот и людей, о снегопадах посреди лета, о мертвецах, встающих из могил, и о раке, вырезавших целые хутора...

– В прежние времена думали, этакая нежить только в сказках бывает, – посетовал Имьян. А про Рамию сказал: – Село большое. Народ себе на уме, Заступника не чтит, из богов больше всех уважает Рада Четырёхрукого. Он мастеровым людям помогает и деньги в дом приманивает. Если думаете мягкую рухлядь сбывать, к старосте не ходите. Мелкий человечек и гонористый. Лучше загляните к Тавину-колёснику. У него две мастерские, но и купить-продать он тоже не прочь. Цену даст честную.

– А что, девки там красивые? – спросил Блошка. – До парней охочи?

Имьян усмехнулся.

– Девки там с малолетства за своих же, местных, сговорены. Засмотришься на какую, так тебе жених с приятелями тотчас бока намнут. У вас, в Варьинском бору, разве по-другому?

По легенде, придуманной Марой, Кешка и Блошка были двоюродными братьями с хутора в лесах близ местности под названием Варьины равнины. В тех краях много разрозненных хуторов и заимок... И вот при первом же испытании легенда треснула. Имьян мог бы парой вопросов разнести её в мелкие черепки, но только понимающе усмехнулся и перевёл разговор на другое. Мол, в чужие дела не суюсь...

Рамия тянулась вдоль дороги – хороша, богата. Манила цветистыми палисадниками у белёных стен, звонким голосами из-за высоких заборов, сводила с ума запахами варева и печева из распахнутых окошек.

– Может, попросимся на ночлег? – предложил Блошка.

– Думаешь, пустят?

– Пустят, – раздался хриловатый голос от ближайшего плетня, – да только сдерут дорожку, чем у Лума в трактире.

Долговязый мужик с жидкой бородёнкой улыбнулся путникам – тускло блеснула во рту железная фикса.

– Тут есть трактир? – не поверил Кешка.

– А как же. Раз есть тракт, то есть и трактир. На выходе из села по левую руку... Не пропустите. Скажете, Вашка Журавль прислал. Зайца своего Луму отдадите, он вас накормит.

Зайца и жёлтенькую птицу чуть больше голубя Блошка подстрелил утром в осиновой рощице. Птицу съели сразу, а зайца оставили про запас. И правильно поступили. Если, прикинул Кешка, за постой можно расплатиться тушкой длинноухого, то лучше и желать нечего.

Вашка не обманул. На окраине в полусотне метров от развилки стоял, выпятив в небо двускатную крышу с резным коньком, большой двухэтажный дом. За оградой – просторный двор, у входа коновязь, над дверью бурая доска с выцветшей надписью "Трактир". Первый признак того, что в этом мире есть письменность. Блошка разинул на буквы рот, а Кешка обрадовался им, как старым друзьям, хотя все эти палочки и загогулины видел впервые в жизни. Медальон даровал ему возможность понимать не только устную речь, но и местное письмо. Он сможет читать! Как только найдёт – что...

В гомоне и чаде обеденного зала на друзей никто не обратил внимания. Лишь от ближних столов повернулись головы на стук двери, несколько пар глаз, равнодушно скользнув по вошедшим, вновь уткнулись в миски и кружки. В воздухе стоял смачный дух готовящейся пищи. Кешка чуть слюной не подавился.

В центре зала над макушками едоков свисала с балки кованая люстра на цепях, дюжина свечей коптила дощатый потолок, едва разреживая дымный мрак. В глубине за дубовой стойкой в окружении полок с медной и глиняной посудой царствовал здоровяк в несвежем фартуке поверх объёмного брюха.

– Накормлю до отвала, но за ночлег этого мало, – сказал он, вертя в руках Блошкиного зайца.

Вот те раз! Они бы и зайчатиной от пуза наелись. А теперь назад не заберёшь.

Серебро в поясе следовало придержать на крайний случай, Мара на этом настаивала, и Кешка был с ней согласен. Но и самой дрянной собольей шкурки единственная ночь под кровом не стоила. Что же теперь – снова в холод и слякоть, от всех этих ум отнимающих запахов, от жаркого огня в камине, от призрака мягкой постели, почти ставшего реальностью?

Кешка совсем уже решился расстаться с одной из Мариных монет – в виде исключения... Вспыхнула отрезвляющая мысль: а если не хватит? И он пересилил себя.

– У нас нет денег. Но мы могли бы отработать ночлег.

Так говорили герои в книжках, и это помогало. В книжках. В глубине души Кешка ждал, что хозяин рассмеётся и прогонит наглецов взашей. Но Лум оглядел их критическим взглядом.

– Что ж, парни, вам повезло... Сын у меня руку зашиб. Так что работы неуворот. Ступайте на кухню. Моя жена скажет вам, что делать.

В последующие часы Кешка с Блошкой не раз пожалели, что не легли спать под кустом, подложив под голову ветер и укрывшись дождичком. Животы у них подвело, в воображении, как недостижимый мираж, истекали горячим соком куски заячьего мяса.

Бочонок с вином весил, наверное, килограммов двести. Вдвоём они с трудом вкатили его наверх по крутому пандусу и приостановились перевести дух.

– Слушай, – выдохнул Блошка, – тут же злыднева прорва работы. Как они без нас справлялись, а?

– Эй, ребята! – донеслось из зала. – Давайте скорей! И воды ещё натаскайте, а то кончается...

К ночи оба наломались так, что с трудом разгибали спины. Даже чувство голода от изнеможения притупилось. Но когда Лумова жена позвала их в жаркую кухню и на столе явились миски с говяжьим супом, свиной грудинкой, овощным рагу, горами румяных, лоснящихся от масла пирожков с печенью, а потом с яблоками, друзья вмиг превратились в две машины-рушилки и не остановились, пока не убрали всё подчистую.

Заметив, что работники подкармливают своих питомцев, одна из женщин, кажется сестра хозяина, принесла целую миску отонков и налила в блюдечко молока. Чмок молоком побрезговал, а Бумбараш налакался от души и доньшко вылизал.

Как выглядит ракен, по эту сторону Хотими, похоже, никто не знал. Кухаркам стало любопытно, что это за "милая крошка с крылышками". Кешка скормил им байку, испытанную на паломниках:

– Повстречали мы дорогой скоморохов с балаганом. Была там зверюга заморская – полтергейст называется. Голодная, заморённая, а пузо что твой котёл. Беременная, значит. Разродилась и померла. Детёнка хотели утопить, а я говорю, дайте мне – может, выхожу.

Маленький ракен, словно зная, что на кону его жизнь, вёл себя совершенным душкой – умильно хлопал глазёнками, тёр лапками нос и даже мясо ел деликатно, по кусочку.

Женщины растроганно ахали, качали головами. Ни одна не прищурилась с усмешкой, как Имьян.

Финалом поистине королевского обеда стали две внушительные кружки красного вина. Блошка нашёл его кислым и крепким (подопечные Мары знали только лёгкую медовуху), но выпил всё до дна. Кешка разомлел, туго набитый желудок тянул упасть и забыться прямо на полу у очага.

– Комнат для вас нет, – огорошила друзей Лумова жена. – Спать будете на конюшне.

После кухонного уюта морозящий дождик на дворе показался особенно мерзким. Но в конюшенном сарае, против ожидания, было сухо и довольно тепло. Друзья зарылись в душистое сено, а по храпу, доносящемуся откуда-то слева, поняли, что не только их спровадили ночевать под бок к лошадям. Всё не так обидно.

Блошка первым ухватил мешок с мехами, пристроил себе под голову и тут же сладко засопел. Бумбараш выбрался у Кешки из-за пазухи, вспорхнул куда-то под кровлю.

– Ну и чёрт с тобой, – буркнул Кешка, поворачиваясь на бок.

Он не заметил, как уснул.

Секундный провал в черноту – и пронзительное верещание, от которого сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Шорохи, нервный шёпот, движение в пульсирующей тьме...

– Стой! Куда! – вскрикнул рядом Блошка.

– Цыц, сопляк, прирежу!

Сверху навалились, сдавили горло,дохнули в лицо пивной кислятиной...

Хаос звуков – визг, клёкот, яростное чириканье, встревоженное ржание. Диссонансом – человеческие вопли:

– Ой! Что это?

– А-а, больно!

– Мочи их! И ухо... хрм...

Крик оборвался хрустом и тошнотворным бульканьем. Руки, державшие Кешку, исчезли.

Удар. Падение. Топот убегающих ног...

Тяжёлое дыхание и басовитый голос:

– Эй, ребята, вы целы?

Кешка помедлил с ответом.

– Да вроде...

На плечо ему бухнулся Бумбараш, впился когтями, удерживая равновесие.

Блошка откликнулся мучительным стоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.